

Александр и Ксения
Рудазовы

Паргоронские байки. Том 5

Паргоронские байки

Александр Рудазов

Паргоронские байки. Том 5

«Автор»

2022

Рудазов А. В.

Паргоронские байки. Том 5 / А. В. Рудазов — «Автор»,
2022 — (Паргоронские байки)

В сердце демонического города стоит лучший каба́к на сотню миров вокруг. Настолько великолепный, что гости, единожды сюда придя, остаются днeвать и ночевать. Уже третий день сидят они втроем - демолорд Янгфанхофен, злой лорд Бельзедор и Майно Дегатти, незадачливый волшебник. Паргоронский Корчмарь потчует гостей лучшими яствами, подает изысканные напитки и рассказывает все новые истории о прошлом и настоящем двух миров, Парифата и Паргорона. Тихо, сейчас он начнет еще одну.

© Рудазов А. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Храк	5
Интерлюдия	27
Демоны и лабиринты	28
Интерлюдия	55
Властью пестрого фазана	56
Интерлюдия	69
Шут и волшебник	70
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Александр и Ксения Рудазовы

Паргоронские байки

Том 5

Храк

1520 год Н.Э., Паргорон, гхьет Эртугео.

Храка звали Бубоч, и жил он в гхьете Эртугео. Хорошо жил, зажиточно. Был у него хутор, было у него хозяйство. Были у него жены и дети, и было их так много, что они всегда могли отбиться от других храков. Тех, которым казалось, что Бубоч живет лучше них и было бы справедливым немного его имущество разделить между теми, кому повезло меньше.

Бубоч с такой постановкой вопроса никогда не соглашался и несогласие это высказывал соседям в лицо. Иногда сжигая при этом их хутора и уводя их скот.

Но случалось это редко. Обычно все-таки жили мирно, по-соседски, а если что случалось – шли с поклоном к помещику-гхьетшедарию. Большую часть ночей все спали крепко и спокойно, хотя и держа ножи под подушкой.

Как иначе-то? Иначе никак. Везде так, во всех мирах.

Храки – низшие демоны из первого сословия, упрощенные версии сурдитов. Они синеконие, широкие в кости и очень сильные. И если не считать всякую шелупонь вроде шуков и паргоронских котят, храки – самые многочисленные обитатели Паргорона.

Бубоч был самым обыкновенным храком, точно таким же, как еще тридцать миллионов. Разве что повыше среднего роста, но в остальном – самым обыкновенным. Он просыпался, когда на горизонте начинал разгораться Нижний Свет, и сразу подмечал – ага, мерцает синий, так что сегодня синедень. Вечером можно будет посмотреть новое шоу Хальтрекарока и сделать пару ставок. Бубоч любил делать ставки, всегда для этого приберегал десяток свободных эфиров. Жены, конечно, на это ругались, но он их просто поколачивал, чего делать не любил, но делал, потому что порядок быть должен.

Узнав, какой сегодня день, он степенно завтракал. Завтракать Бубоч любил, потому что любил есть. К тому же во время еды он мог подумать о важных вещах, и ему никто не мешал.

Что же он ел? Да уж не разносолы барские, не личинку Хлаа какую-нибудь. Такого хракам не полагается. Обычную простую еду честного рабочего демона. Мавош, да кусок мясной горы. Тушенный, с подливой, да овощей еще немного. Остреньких, с искрой.

А это что? Вроде как кусочки исгодына. Маринованного, конечно. Его если замариновать, так очень даже и вкусно, хотя баре его и тогда не едят, брезгуют.

– А маринованный исгодын правда вкусный? – удивился Дегатти.

– Вкусный, – поставил на стол плошку и рюмку Янгфанхофен. – Под водочку очень хорошо идет.

Щелкал в углу времярез, а Бубоч сидел на ковре, наслаждаясь теми минутами, что не заняты работой. Самые неприглядные кусочки откладывал в чашу перед головой на колу – это доля Того, Кто Кричит В Ночи. Всякий благоразумный демон приносит ему жертвы, чтобы не пришел и не убил своим криком.

Через время к нему присоединились жены. Ленивицы, долго спят. Надо их почаще поколачивать, а то разбаловались, обнаглели.

Правда, тогда давать реже будут. Это тоже можно решить колотушками, но слишком уж часто жен колотить нельзя, а то однажды не проснешься. Они же знают, где ножи лежат.

Бубоч был храком домовитым, зажиточным, поэтому жен у него было две. Причем одна-то храчка, а вторая радостинка. Геся и Сатулла. Геся для потомства, вон и сейчас брюхатая ходит. Сатулла – для утех.

Сатулла пришла в дом Бубоча безо всего, без единой ложечки, поэтому и прав у нее тут меньше всех. Зато Геся с соседнего хутора и пришла с богатым приданым, поэтому колотушек ей доставалось мало, а уважения – много.

Часть вещей в доме и сейчас ее. Бубочу принадлежит дом, скотина, рабочий инвентарь, да запасы в подвале. Гесе – все остальное, а особенно посуда, утварь всякая, механизмы.

Сатулле принадлежат только ее наряды, да ручной маст, что двор стережет.

Ой, хотелось бы однажды паргоронского пса завести, конечно. Да только дороги зверюги, не купишь. Бубоч и мог бы взять одного, да только это ж весь счет опустошить, все накопленное. Потому обходился мастом – их многие храки прикармливают и дрессируют.

А что? Они умные. Хотя и хитрые, твари, и подлые. Другую скотину от маста надо стеречь, да и сам при нем лучше не болей.

Зато масты очень хозяйственные. Свой кусок земли стерегут рьяно, дозором обходят. Чужака увидят, так или разорвут, или крик поднимут, чтоб хозяин услышал.

Доедая завтрак и поглядывая в кэ-око на срез последних новостей, Бубоч еще и успевал читать книжку, про выращивание мавоша. Любил он такое, для образованных. Квалификацию повышал, да и просто нравилось, как это так получается – черточки на бумаге в слова складываются, а от слов в голове мысли появляются, образы всякие.

Сколько он уж лет прожил – а все удивлялся.

– Слушайте, – сказал он женам. – «А лучше всего под мясную гору подкладывать костный мозг айчапа с перетертыми раковинами долгопрудника. Тогда в ней будет больше витаминов и минералов». Вот. Слыхали? Пойду сегодня на рынок, куплю раковин.

– Зачем купить? – всплеснула руками Геся. – Озеро же есть. Младших пошлю, пусть собирают по берегу.

– Да что они там соберут, там поди мелкие все. Озеро-то у нас не озеро, а так – лужа. В него кульминает посылт, так оно из берегов выйдет.

Так пошутил Бубоч смешную шутку и сам же ей посмеялся. А потом понял, что и самому-то неплохо до ветру сходить. Что и сделал.

По дороге и корм птице задал. Обычно-то это женская работа, птице корм задавать, но зигданов жены Бубоча боялись. Он и сам боялся, уж больно тварь кусачая. Полон клюв зубов, так и норовит вместе с кормом руку отхватить. Два раза уже откусывали, Жертвенным платить приходилось.

Они и сами отрастают, конечно. Бубоч демон все-таки. Но это года два ждать, раньше не случится. А столько времени одноруким проходить – так непременно сосед по башке стукнет, а то и кто-то из своей же семьи.

Их и не все храки-то заводят, зигданов. Но уж больно яйца вкусные, да и мясо хорошее. Даже аристократы не брезгают, хорошо платят. Барин Эртугео очень любит, когда ему корзиной яиц поклонисься.

Яйца – его любимая еда, то всякий храк в гхьете знает.

Храком быть тяжело. Нужно все время работать, нужно платить подати, эфирки и астралки зарабатывать. Обычный храк почти всю жизнь проводит на хуторе, трудится не поднимая лица. Работает в поле, растит скот, разводит все, что можно сожрать или еще как попользовать. Меньшую часть себе оставляет, пропитаться, а большую часть барину отдает, гхьетшедарию. Тот взамен начисляет немного на счет, чтобы храк покупал то, чего не может вырастить сам.

Но вообще ничего, жить можно. Бубоч вот живет. Еще в молодости накопил на выкуп, договорился с семьей Геси и взял ее, да еще и с богатым приданым. Сразу стал стругать демонов. Когда те подросли, то тоже стали работать. Бубоч заработал еще больше и завел вторую жену – теперь уже радостинку. Они дороже.

От нее, правда, детей не дождешься, но оно и к лучшему – детей и без того уже перебор. Спать приходится вполглаза, чтоб не зарезали во сне.

Храки все-таки демоны. Они бессмертные. Им на самом деле не особо нужны дети. Новые наделы земли из воздуха не появляются, так что единственный способ стать хуторянином – убить другого храка и забрать его хозяйство. Причем лучше всего – кого-то из родни, чтобы хутор тебе правильно отписали. Но можно и чужой так забрать, если у хозяина своих детей нет. Бездетных хуторян вообще все норовят убить, поэтому детьми храки все-таки обзаводятся, и лучше не одним, потому что если сын всего один, то он вокруг тебя мастом ходить будет, возможность искать.

Можно, конечно, создать новый надел. Расчистить часть дикой земли, джунглей. Но это Паргорон. Когда здесь ты пытаешься жрать джунгли, джунгли начинают жрать тебя. Там тоже полно демонов, которым потребности храков неинтересны. Для них джунгли – дом родной.

Проще другого храка убить.

Задав корм птице, Бубоч пошел работать. Храку много нужно работать. Всегда. Из демонической силы у них только неиссякаемая выносливость. Храк может пахать часами, днями, неделями. Годами может трудиться, не прерываясь на еду и сон.

Но жить он так все-таки не хочет. Скучно так жить-то. Даже гхьетшедарии не заставляют храков работать денно и ночью, потому что тогда храк перестает стараться. Не видя вознаграждения в виде вкусной еды и шоу по кэ-сети, храк просто кое-как тянет лямку, и прибыль от него меньше, чем если давать отдых и развлечения.

Все время работать гхьетшедарии храков не заставляют. Но просто работать – заставляют. Если храка не заставлять, он ничего делать и не будет. Они хоть и работяги, но силы предпочитают экономить. Если у храка есть еда и баба, он ради большего пальцем о палец не ударит.

Поэтому Бубоч работал. Вбивал в землю сваи и думал о том, что вот забьет сегодня ровно пятьдесят – и хватит. Надо, чтобы дождь не пошел ни сегодня, ни завтра, потому что если пойдет, то землю размочит, и сваи придется забивать заново, но он очень запросто может пойти, потому что в Туманном Днище дожди идут часто, а Бубоч хоть и живет на самой границе, неподалеку от Мглистых Земель, но все-таки тут все еще Туманное Днище, так что дожди идут часто.

Еще он думал о том, что у соседа вчера двойня родилась, обе девочки. Надо посмотреть, какими вырастут. Если работящими и не злыми, можно будет прицениться, выкупить одну в жены. Себе или лучше даже старшему сыну, а то он все скулит, что отец его зажимает, не позволяет своих детей завести. А ему только позволь, так он их вырастит и на Бубоча нападет, хутор отнимет.

Нет, лучше сына женить и отделить. Либо помочь ему кого-то из соседей убить полностью, со всеми детьми, либо прогнать в дикие джунгли, пусть там себе сам надел поднимает. Как уж сумеет. Не сумеет, так и Бго с ним, а сумеет, так пусть Бубочу подарки хорошие делает за то, что родил, вырастил и не убил до сих пор.

Бубоч ходил к лесопосадке, вырывал из земли ствол, слегка обтесывал и нес на плечах к частоколу. Там он рыл яму, вгонял в нее сваю и притаптывал. Один раз остушился, поскользнулся на жидкой грязи, и ствол упал, раздавив глупого айчапа. Бубоч такой удаче порадовался, тут же айчапа ободрал и съел.

Потом его, правда, пронесло, потому что он плохо очистил мясо от жилоч.

Пока Бубоч прочищал кишки, он смотрел на небо. Думал о высоком, размышлял, как бы это ему так исхитриться, поднапрячься, да и стать ну хотя бы мещанином. А то и лучше, аристократом, высшим демоном. А что он, хуже их, что ли? Не хуже. Вон какого айчапа жирного поймал. А станет аристократом, так и не только айчапов ловить будет. Кучу душ в общие закрома принесет, сам разбогатеет и демолордов порадует. Небось тогда и барин ему в жены дочь отдаст.

И летать научится. Вон, летят по небу аргеры. Тоже ничего особенного, куски мяса с лапами, даже крыльев нет – а туда же, мещане. За что им такой почет? За то, что без крыльев летают? Так и камень пнуть можно, он тоже без крыльев полетит.

А вон еще двое летят... но эти с крыльями. Кто такие?.. а, эти, новенькие. Аристократы, крикни им Бго в уши. Где справедливость? Еще десять лет назад не было никаких... как их?.. фагхерримов. А теперь вон, летают, прожоры. Тоже небось расплодятся, хотеть будут всякого от честного труженика. Корми их, пои, дочерей подкладывай, какие получше.

Общей Матери-то виднее, конечно. Бубоч машинально поклонился в сторону ее обители. Но все же если б она его спросила, то он бы ей посоветовал такого не плодить. Лучше б она вместо этих фагхерримов хракам чего хорошего сделала. Посильней б им стать, да и крылья б не помешали. То-то хорошо стало бы. Они б тогда всех нагнули, и уж не гхьетшедарии бы верно барами были, а они, храки.

Или хотя бы сразу по два ствола таскали. А то долго так, по одному-то.

Вбив сороковую сваю и решив, что пятьдесят – это он слишком много на себя взвалил, Бубоч пошел в оранжерею, к личинкам Хлаа. Проверить, как они там. Бубоч их недавно завел и пока что сам не ел, берег на расплод.

Потратился, конечно. Почти четверть накоплений выложил за рассаду, да зато уж не за так. Хорошие личинки, сочные, уже визжать начали. Посмотрел на них Бубоч, подумал, в затылке почесал и решил завтра паргоронскую ежевику вокруг оранжереи посадить. Она, конечно, постоянно лезть будет и внутрь, побеги давать. Но можно все соляным кругом огрადить... хотя не, тогда и самому трудно ходить будет. Соль – она, зараза, только в жратве хороша, а стоит ее просыпать, так и хер пройдешь потом. Ровно стена встает неодолимая.

Один раз вот Сатулла солонку прямо напротив входа в кухню опрокинула, так и все. Пройти не получается. Сама выйти не может, Геся войти не может, орут обе бабы голосом. Бубоч прибежал, старший сын прибежал, еще два сына прибежали, дочь прибежала, и все тоже орут.

Ох и поколотил потом Бубоч Сатуллу. И Гесю тоже. Чтобы не орала зря, дура. Не на нее же сыпанули.

Вот как раз и Геся пришла, личинок подкармливать. Посмотрел на это Бубоч, подумал и велел:

- А принеси-ка соль, насыпем тут, шоб соседи личинок не воровали и масты не шастали.
- А сами как ходить будем? – уперла руки в бока тупая баба.
- А мы дорожку оставим.
- А соседи дорожку не найдут?

Бубоч не любил такие моменты, когда баба права, а он нет. Но наказывать за такое не стал, потому что был храком справедливым и Бгобоязненным. Посопел только недовольно и пошел мясную гору проверять.

Вокруг нее сыновья возились. Старший, второй и третий. Сидели полукругом, отрезали ломти, посыпали солью и жрали.

Прохлаждаются. Не работают. Это Бубоча рассердило, потому что не любил он, когда другие не работают.

– Только жрете да срите! – попенял он сыновьям. – Лучше б пошли к соседу, через плетень перелезли, да его мясную гору объедали. Она у него и жирнее.

– У соседа паргоронский пес! – проныл третий сын.

– Еще и трусы. В кого такие? У нас прабабка с гохерримом жахалась, а вы у меня трусы. Не, кончилась на вас гохерримская кровь, ни капли не дошло.

– Это чёита не дошло? – поднялся на ноги старший сын.

Они как-то недобро окружили отца, и Бубоч подумал, что зря он так близко к ним подошел. Один против трех он и не сдюжит.

Но их, к счастью, трое. Втроем им драться не с руки, потому что наделы не дробятся. Убьют отца – так придется и друг друга убивать, хозяин-то один только может быть. Разве только договорятся, что старшему достанется, а младшие в услужении у него будут, но зачем младшим быть в услужении у старшего? Еще и хутор ослабнет, соседи полезут.

А гхьетшедарии в свары храков не лезут. Они баре хорошие, им главное, чтоб земля в хороших руках была, чтоб работали на ней, да все подати исправно платили. Пока недоимок нет, гхьетшедарий на тебя и не взглянет.

Сыновья тоже поняли, что если отца просто побить, то он озлится и потом их по одному поколотит. А если убить – то придется и друг друга убивать, а это еще неизвестно, кто из них самый сильный. Так что они посопели-посопели и пошли работать.

А Бубоч уселся возле мясной горы и тоже себе ломоть отрезал. Хорошая это зверя – мясная гора. Подкормку ей закладывая вовремя, она и растет себе. И не убежит куда, и не цапнет, и не украдет никто. Разве что кульминает если мимо пройдет, так он мясную гору может целиком слопать, но если кульминает мимо пройдет, так он и хутор раздавить может, и Бубоча ненароком убить. Дед его именно так и помер, если покойному отцу верить.

А мясо вкусное, хоть и бездуховное. Ни косточек, ни жилочек. У мясной горы скелета нет, кожи нет, нервов нет, даже мозгов нет. Растет просто из земли такая груда чистого мяса, зреет на подкормке. От оной привкус зависит, свойства всякие питательные. Вон как Бубоч в книжке прочитал – витамины, минералы. Для здоровья полезно.

Да, надо ж раковин купить. И вообще на рынок сходить. Давно хотел, все откладывал. Жены вторую неделю пилят – сходи да сходи, ерунды принеси, дряни всякой нам купи.

Бабы-дуры, что с них взять.

Так что пошел Бубоч сначала честно обедать, потому что ломоть мяса с солью – это и не обед вовсе, а перекус, а настоящий обед – он дома, его жена приготовит. Сыновья, вон, уже дома, сидят за столом и галдят, рагу с мавошем наворачивают.

На обед было то же самое, что на завтрак. Мавош, мясо, тушеные овощи. Храки – это вам не баре, которым все изыски подавай, травки всякие ароматные, фруктики... ой, фруктиков бы... Не, храку если мясо с мавошем есть – то и хорошо, то и сытно.

– На рынок пойду, – сказал Бубоч, отодвигая плешку. – Фруктов куплю. И для хозяйства всякого. Где моя торба?

Сыновья оживились. Фрукты на внешней стороне Чаши почти не растут, тут солнца нет. Ежевика только паргоронская, да исгодын.

А вот на внутренней, говорят, какие хочешь тебе фрукты спеют под вечным солнцем. И паргоронские, и иномирные. Баре много всякого натащили из закроменных земель.

– Может, клубники мне, клубники? – подольстилась Сатулла, подавая мужу торбу.

– Посмотрим, – степенно сказал Бубоч, проверяя чарность.

Он специально медлил, важно сидел, пока остальные подлащивались да унижались. Приятно это, Бубоч такое любил. А кто не любит-то?

Геся только подлащиваться не стала. Вытерла руки полотенцем и велела:

– Ножей купи. И перца айчапного.

– Ножей-то зачем? – насторожился Бубоч.

Не любил он, когда жены про ножи говорили.

Геся вместо ответа показала свой нож. Был тот совсем тонок, лезвие аж просвечивало, а зачарование совсем выветрилось.

Конечно, лет пятьдесят уж служит, тут даже харгаллова работа истощится.

– Ладно, куплю ножей, – вздохнул Бубоч.

– И ткани купи, – велела Геся. – Для Сагит надо, на наряды.

– Это чёита?.. Пусть сама на ткани заработает.

– Да как она заработает, дура-демон, если ты ее на поденщину не пускаешь?! – уперла руки в бока Геся.

Бубоч насупился. Ну да, не пускал он Сагит на поденщину. И жен не пускал, и сыновей, и дочерей. Поденщина – дело невыгодное, за нее платят только тому, кто работает. Пойдет дочь работать, так денег заработает, и все себе оставит, а Бубочу ничего.

А вот если она дома работает, то все ему, а ей ничего.

– Не дашь нарядов, убегу, – сказала Сагит, стоя за спиной матери. – Буду работать где еще. Или замуж уйду без спросу. Кто заберет – тот и заберет.

Это Бубочу тоже не захотелось. Сагит в жены можно выгодно отдать, за хороший выкуп. Она в бабку пошла – статная, высокая, сильная, да красивая. Сам бы жахал, да Геся с Сатуллой ночью зарежут. Как вот сына зарезали.

Дочерей-то у Бубоча несколько. Четыре. Но Сагит красивей и сестер своих, и соседских всех тетех, и вообще всех баб, каких Бубоч видывал. Даже в Мпораполисе таких красивых не водится.

Ее можно замуж-то выгодно отдать. Может, даже за барина какого, они хрчками-то не брезгают, если те действительно хороши.

– Ладно, принесу тканей, – неохотно согласился он. – И клубники принесу, и ножей.

– И перца.

– И перца. Список напишите.

Список ему написали, и пошел Бубоч с хутора, торбу на спину взвалив, а на пояс дубину с шипами повесив. Хорошая дубина, сам сделал. Металлом обил, как харгалл прямо. Почти. Еще и чары навел, дорогие. Тоже тогда потратился, но зато уж если теперь этой дубиной другого храка ударить – то и умрет храк сразу, совсем как смертный.

Эх, смертные. Раньше-то, когда Бубоч маленький был, их еще в гхьете Эргугео на фермах разводили. Мода тогда такая была, смертных разводить, на корм и условия. Сладкое у них мясо, нежное, духовитое.

Но было это не слишком выгодно. Мясо нежное, да не очень его много. В крупной скотине его больше, а в мясной горе – еще больше. И растить проще, паси себе или вообще просто подкормку подкладывай.

Да и баре решили, что невыгодно получается. Если смертных как животных разводить, они как животные и вырастают. Духовных сил в них мало, больше потратишь, чем приобретешь. Смертных лучше из других миров таскать, да не абы каких попало, а получше выбирать, в которых духовной силы много. Так выгоднее.

Вот спросили бы его баре, он бы им объяснил, как лучше делать-то. Бубоч-то не один век прожил, да и книжек прочел много, всяким интересовался.

Среди бар, конечно, много таких, что и подольше Бубоча живут. Тысячи лет, а кто и десятки тысяч. Но то не в счет, наверху-то жить легко. Живи себе и живи на всем готовом, ни о чем и думать не надо, все слуги подадут. Жратву, коли желаешь, прямо во рту создавай, да самоталер каждый день жахай.

А он, Бубоч-то, он на самом дне живет. Тут каждый год за десяток идет... да что десяток, сотню... да и тысячу, вообще-то. Коли б кого из бар с ним местами поменять, так он и года тут не протянет, взмолится, обратно запросится.

А Бубоч вон как ладно живет. Идет вот теперь на рынок, а ведь не по дорожке беломраморной идет. Не по барской Призрачной Тропе. Прямо через джунгли шагает... ну ладно, не прямо через них, а по окраине, по возделанным землям. Но все равно же.

Хутор Бубоча далеко от Мпорополиса. Если просто вот так пешком идти, то это год идти будешь. Так что шел он не в сам город, а на кэ-станцию, которая неподалеку от барской усадьбы. Там порталово для низших демонов.

Еще можно вехота прямо на хутор вызвать, но то дорого. То только при больших переездах или если деньги не нужны стали.

До кэ-станции Бубоч немного не дошел. Прошагал где-то с две трети дороги, когда заметил кое-кого. Девушку заметил, к дереву жмущуюся. На Бубоча она поглядела и задрожала, съежилась.

Бубоч сначала не понял, кто это. Радостинка, что ли?.. а, не, не радостинка. И не само-талер, и уж тем более не гхьетшедарий или ларитра.

Вообще не демон! Бубоч принял и понял, что нашел смертную. Человека.

Ох уж он и обрадовался. Она ведь наверняка не случайно тут. Смертной в Паргороне быть случайно нельзя. Либо от барина сбежала, либо из закролочной земли сама забрела за каким-то лядом.

Главное, шоб не колдунья, они неприятные могут быть. Но колдунья бы его не боялась, а эта боится.

И выглядит хорошо. Замечательно выглядит. Лучше Геси, даже лучше Сатуллы. Похуже Сагит, но Сагит мало кто переплюнет, за нее потом выкуп большой дадут.

Знатная бабца. Можно сначала в хлеву держать, жажать каждый день. Потом, когда истреплется, мужиков за деньги водить.

А как совсем товарный вид утратит – откормить и под нож! Жены тушняка наделают!

Давно Бубоч мяса духовитого не ел. У мясной горы-то оно просто мясо, как будто сразу убитым родилось. У животных получше, там дух есть. А у разумных совсем духовитое, пальчики оближешь. Что укус – то эфирка, что укус – то эфирка.

А то можно поумней поступить. Самому всего разок жажнуть, а потом барину продать. Он таких как раз любит, Бубоч знал, видел у него.

А если она от барина как раз и сбежала, то он и одарить может, если ему пропажу-то вернуть! Поклонится Бубочу в ноги, велит просить всего, чего желает. А Бубоч и попросит... чего ж ему такого у барина попросить-то? Много чего можно.

А может и не одарить. Под жопу пнет, да и велит катиться, барин занят, он смертную жажать будет, а Бубоч мешает. А если узнает, что Бубоч ее тоже жажнул, то и сожрать может. Или сначала жажнуть, а потом сожрать.

Не-е-е, не надо к барину. Лучше в хлев... или нет, лучше на рынок отволочь! Она ж свежая еще, не потасканная! Продать если – так это целую условку получить можно, а то и больше, если у ей духовитость высокая. За такие деньжищи можно сапоги новые справить, да сарай поставить или... или пса паргоронского!

О, и женам подарков. Пусть его доброту помнят. Если их одарить как следует, так они и сами лучше любой смертной бабцы расстараятся.

Бубоч думал свои мысли очень громко, а чтобы не сбиться, еще и повторял ртом. Слишком громко повторял, потому что смертная смотрела все испуганней, а потом вздрогнула всем телом и бросилась наутек.

Бубоч немного растерялся, потому что мысленно уже тратил условку, полученную от продажи добычи, но тут же спохватился и побежал следом. За спиной колыхалась торба, и бежать с ней было неудобно, но Бубоч ее не бросал, потому что бездонная торба – вещь дорогая.

Бегают храки не очень быстро. Зато силы и выносливости им не занимать. Бубоч знал, что смертные выдыхаются почти сразу же, несмотря на духовитость. Нелепые они существа,

неприспособленные. Даже просто от хода времени портятся идохнут... эка смешно, не правда ли?

Но слишком далеко забегать в джунгли Бубоч не хотел. Тут, в общем, деревья росли не кучно, храки их сами прорежают, шобы твари всякие прямо к хуторам не подходили. Но все равно, чем дальше, тем их больше, а если костяной кот вдруг выпрыгнет, то он и Бубоча тоже схарчит. Тот и обосраться от испуга не успеет.

Так что Бубоч приостановился, схватил удачный булыжник и швырнул в смертную. Хотел ногу ей перебить. Чтоб, значит, смертью не померла, а вот бежать перестала.

Не совсем попал. Бубоч камни кидал метко, но не каждый раз. Сейчас он смертной ногу только задел, вскользь прошло. Та, впрочем, все равно закричала, почти упала, а потом сильно захромала, хоть кость и осталась цела, Бубоч видел.

Смертные очень хрупкие. Храка камнями хоть в упор закидывай, детишки любят так развлекаться, друг друга по балде камнями лупить. А смертного так и убить можно, очень даже запросто.

Но эта не умерла. Хорошо, что не умерла, за дохлую много не дадут. Можно, конечно, ее к Жертвенному оттащить, но воскрешение – дорого. К тому же если ее душа уже кому-то принадлежит, Жертвенный только Пожранного поднимет.

Когда смертная совсем выбилась из сил, то упала. А Бубоч продолжал бежать, как бежал – медленно, но верно. И он бы совсем догнал глупую смертную, если бы не загрохотала земля, да все громче и громче. Бубоч знал, что это, потому испугался. Немного подумал, успеет ли все-таки поймать смертную, но пока он думал, к ней подкатился нодохом.

Гнусные они, нодохомы-то. Их даже не Мать породила, они от какой-то прибудной дряни произошли. Из прибудного ничего хорошего не бывает, это всем известно. Нодохомов, правда, владыки как-то сумели припрячь к хозяйству – вон, в легионах служат. Но диких тоже много, эти вольно по Каменистым и Мглистым Землям катаются.

Но в Туманном Днище их редко встретишь, слишком все лесисто. Это не повезло Бубочу, что он сегодня как раз встретил, неудача ему случилась. Видно, надо было больше мяса Бго класть на алтарь, а не жилки и жир прогорклый.

Нодохом Бубочу плохое сделал. Накатился на смертную, раздавил и сожрал. Та и пискнуть не успела, исчезла в крошащей даже камни пасти. Бубоча это так рассердило, что он покрыл нодохома матом, да пообещал, что все барину про него расскажет.

– Будешь у барина внутри кататься! – пообещал ему Бубоч. – У господина Эртугео!

Зря он так-то. Не полюбил нодохом, что про него правду сказали и еще больше скажут. Так бы он, может, Бубоча и не тронул, мимо прокатился, а теперь вот круг описал – и прямо к нему.

Ну а Бубоч и побежал прочь. Даже заплатил, чтобы бежать быстрее – три астралки заплатил. И дорого, и жалко денег, а зато ноги бежать быстрее стали, нодохом догонять перестал.

Жизнь дороже астралок.

Нодохом тоже может так заплатить, чтоб быстрее катиться. Но не заплатит. Это за жизни спасение три астралки – цена невысокая, а за то, чтоб одного храка поймать – даже и не передать, как дорого. Душу-то его нодохом не получит, она на счет господина Эртугео улетит.

Тем более, что он и так еще может его догнать.

– Стой, храк, погоди, вопрос один задать хочу! – крикнул нодохом.

– Ничего не знаю! – огрызнулся Бубоч. – Я храк, я тупой, как полено!

– Ну хоть дорогу покажи!

– Куда?!

– Куда-нибудь! Да стой ты, погоди, чего убегаешь?!

Ох уж эти нодохомы. Повсюду катаются, губят посевы, жрут все подряд. Те, что служат в легионах живыми таранами, еще туда-сюда, но нодохомы очень свободолюбивые, все время удирают, носятся по всей Чаше, крушат все на своем пути.

И тятка рассказывал, что раньше нодохомы были помельче и помедленней. Они ж как размножаются-то? Катается нодохом повсюду, жрет все подряд и растет. А как дорастает до нужных размеров – плюется мелкими нодохомами. Со всех щелей выплевывает. И большую часть тут же сам и пожирает обратно, но те, что успели укатиться – те в живых остаются. И эти вырастают еще больше, еще шустрее, еще... умнее. Они раньше-то даже говорить не умели, зверодемоны считались. А теперь вот болтают всюду, издеваются над теми, за кем гонятся.

И смертную сожрал. Его, Бубоча, смертную. Опять он ни с чем остался, вечно ему не везет.

Ему бы чаще везло, если бы окружающие не были такими педрилами.

– Э-э-э-эй, храк, да погоди ты! – лениво окликнул катящийся с грохотом нодохом. – Смотри, там что-то блестит!

Бубоч дернулся, хотел было уже остановиться, посмотреть, хапнуть... но не-е-ет! Бубоча на мякине не проведешь!

– Да что ты бежишь-то все? Остановись, поболтаем! Я тебе что интересное скажу!

– Так скажи, на бегу!

Бубоч немного петлял, иначе бы его давно сожрали несмотря на истраченные астралки. К сожалению, нодохом катился совсем назад от кэ-станции – ну и Бубоч тоже бежал назад. Но все-таки немного забирал в сторону, и хотя все больше углублялся в дебри, зато нодохому тут катиться было труднее, а если все-таки сумеет описать крюк, то он добежит до кэ-станции.

Там нодохом его не тронет, там нейтральный островок. Не любят кэ-миало, когда в их зонах творится какая-то суета. Они тогда просто начинают выжигать всем подряд мозги. Поэтому на кэ-станциях даже самые тупые демоны мирно стоят в очереди и друг друга не обижают.

– Ох уж эти паргоронские нравы, – с удовольствием произнес Бельзедор. – Законопослушность через террор.

– У тебя в стране все то же самое, – проворчал Янгфанхофен.

– Не скажи, у меня террор через законопослушность.

Не добежал Бубоч до кэ-станции, раньше от него нодохом отвязался. Убедился, что Бубоч демон упрямый, что просто так себя сожрать не даст – ну и покатился прочь. Заметил айчапа, что ли...

А, нет, не айчапа. Впереди были чрепокожие – да не два или три, а сразу десяток. Конечно, нодохом испугался. Бубоч и сам испугался.

Двух или трех-то чрепокожих нодохом бы не испугался. Наехал бы, раздавил, сожрал. Ну или просто мимо бы прокатился, поздоровался вежливо.

Но сразу десяток его просто распотрошит.

В другое время Бубоч тоже обошел бы их стороной. Что тут чрепокожие делают, в джунглях, рядом с возделанными землями? Тут поблизости военных городков нет, ни один легион не стоит. Чрепокожие почти все служат в легионах.

Но сейчас было поздно. Чрепокожие тоже его заметили.

А еще хуже, что и Бубоч кое-что заметил. Не только чрепокожие тут были, но и гохеррим. Мертвый гохеррим.

И кровь на руках чрепокожих. Костяные клинки на предплечьях выдвинуты – и сплошь покрыты кровью.

Кроме мертвого гохеррима тут были и мертвые чрепокожие – четверо или пятеро. Гохеррима завалить непросто, всякий знает. Чрепокожие, верно уж, из засады напали, или со спины, или на спящего, или еще как. Иначе гохеррим их всех положить мог.

Но и так многих положил. Но не всех. Чрепокожие, это всяк знает, из мещан самые сильные... ну кроме нодохомов, разве что. У них и демоническая сила есть, хотя и только для боя. Быстрые они и очень крепкие, в гибких костяных панцирях.

Бубоч попятился. Он не знал, почему чрепокожие убили гохеррима и не хотел знать. Не интересовался. Зато знал, что если про это узнают другие гохерримы – всем чрепокожим в Банке Душ быть.

Когда солдатня убивает офицера, простить такое не можно. А к чрепокожим гохерримы еще и особо лютые. Тех из нактархимов сделали, а нактархимы когда-то насмерть с гохерримами воевали. Чрепокожие про то знают и втайне считают себя тоже немножко нактархимами.

Дурные они. Они же мещане, куда им тягаться с аристократией. Бубоч, вон, храк, а храков создали из сурдитов. Благороднейших, ученых созданий, что своими руками построили весь Паргорон и научили всех остальных правильным обычаям и ремеслам.

А теперь потомки славных предков ковыряются в земле, как Бубоч.

И сейчас его убьют чрепокожие. Чтоб никому не рассказал.

Все эти мысли бежали у него в голове, пока он и сам бежал. Развернулся и побежал сразу же, как только чрепокожие его увидели. Он бы спрятался, но они ведь его уже увидели. Тут не спрячешься.

И убежать от чрепокожего не выйдет, хоть все астралки потратить. Они побыстрее нодохомов. Они всех на свете побыстрее.

Но Бубочу немножко повезло. Между ним и чрепокожими был овраг. Крутой, глубокий. Не просто овраг, а одна из выходящих наружу трещиной Червоточин. Дна там нет, если спуститься – то придешь на внутреннюю сторону.

Или никуда не придешь. В логово поргула придешь. А оттуда уже никуда.

И перепрыгнуть не сумеет даже чрепокожий. Летать они тоже не умеют.

Так что у Бубоча оказалась фора. Чрепокожим пришлось бежать в обход, вокруг оврага. – Стой, грязная пятка! – крикнул ему один из них вслед. – Давай договоримся!

Бубоч бы столько не прожил, если бы на такие предложения отзывался. Жизнь в Паргороне не сахар даже для демона. Опасно очень в Паргороне жить. Не будь тут так опасно, не убивай демоны сами друг друга почем зря – давно бы задохнулись от тесноты, бессмертные.

А так ничего, хватает пока что всем. Вот убьют если Бубоча, то старший сын хутор возьмет, тогда ему всего хватать будет. Обрадуется поди, ублюдыш.

Надо будет его поколотить, что ли. Чтоб не радовался отцовской смерти.

Даже с форой – убежать от чрепокожих Бубоч не надеялся. Они этот овраг быстро обогнут, быстро нагонят. Но, к счастью, тут недалеко уже возделанные земли начинаются, хутора. Так что Бубоч некоторое время-то бежал, а потом смекалку проявил. Быстро-быстро свернул, попетлял немного, а из торбы колпак достал с широкими полями, на самый нос надвинул. А рубаху, наоборот, скинул, в торбу убрал. И нечистотами ноги помазал, чтобы запах изменить.

Хотя с нечистотами на самом деле случайно получилось. Все-таки Бубоч неожиданно встретил сначала нодохома, а потом десять чрепокожих. Понимать надо.

А потом чрепокожие его догнали, но когда догнали – то Бубоч просто стоял на краю поля, да таял таяпой. Другой храк бы сразу понял, что он таяет просто сухую землю и выглядит как дурак, блажененький... но чрепокожие не поняли.

– Эй, храк, ты тут храка не видал? – спросил один.

– Конечно, видал, почтенный, – кивнул Бубоч, продолжая таять. – Я сам храк.

– А других храков видал?

– Конечно, видал. Чать не отшельник.

– А чего от тебя дерьмищем несет?

– Так я ж храк.

Ответ чрепокожих удовлетворил и не удовлетворил. Посмеявшись над убогим недодемоном, они решили продолжить поиски. А Бубоч еще немного потяпал сухую землю и пошел себе восвояси.

Не различают чрепокожие храков. Думают, что они все на одну рожу. Сами-то все одинаковые, дуболомы, вот и других тоже не различают.

Но поиски они продолжат, и если на хозяина этих полей нарвутся, то и узнать могут, что никаких обмаравшихся храков у него в батраках не водится. А то и сами допрут, что к чему, да и вернуться.

К счастью, тут уж недалеко была кэ-станция. А еще ближе – барская усадьба. Бубоч столько петлял, что теперь она стала ближе, чем кэ-станция. Туда он и двинул – защиты у барина попросить.

Правда, порты он все-таки в ручье постирал. Благородный Эртугео грязнуль не любит, да и самому как-то неудобно. Барин еще подумает, что храк перед к нему визитом так перетрусил. Значит, есть чего храку бояться, нечисто на душе.

У кого душа чиста, у того и порты чисты. Бубоч так рассуждал.

Барин Бубоча был простым гхьетшедарием, из нетитулованных. Был у него под рукой большой кусок леса и много возделанных земель – между обителем Мазекресс и латифундией Фурундарока, но к латифундии поближе. Жили тут в основном храки, хуторяне, и барином для них Эртугео был добрым. Знай себе плати подать, да и бед знать не будешь.

Но подать-то – она небольшая. Всего шестьдесят процентов. Барин из них десять себе оставит, а остальные пятьдесят барону отдаст. Барон тоже себе десять процентов оставит, а остальные сорок патрону-демолорду отдаст. А патрон тоже себе десять процентов оставит, а остальные тридцать между остальными демолордами разделит. А их аж двадцать шесть, остальных, так что каждый получит по чуть-чуть.

Так и получается, что больше всех-то как раз Бубоч получает. Все вроде как и честно. Но если спросить Бубоча, так он бы демолордам вообще ничего не платил. И вообще слишком много нахлебников на его шее. Лучше б ему не у простого гхьетшедария жить, а у демолорда. У Величайшего Господина Фурундарока вот, да не оскудеет молоко в сиськах его наложниц, храки припеваючи живут. Не шестьдесят процентов подати платят, а всего пятьдесят. Не жизнь, а сказка.

Бубоч бы туда и перебрался, да только нельзя. Тут у него хутор свой, а там у него что будет? Ничего не будет. Сами же местные храки его и убьют. Или сначала жажнут, а потом убьют.

И сожрут, конечно. Интересно, как сожрут? Бубоч бы себя потушил, наверное. Любил он тушенку-то.

Когда Бубоч пришел на поклон к барину, тот декорировал помещение. Занимался высоким искусством, лепкой плоти. Под потолком болталось чье-то тело, привязанное за руки и ноги. Ребра барин вывернул, жилы вытянул – и так искусно все протянул, что получилась живая люстра с жилами-гирляндами.

И она давала свет. Барин вкрутил туда какой-то шарик, который работал на страданиях. По жилам бежали мерцающие огоньки, а тело содрогалось от спазмов, и в гостиной было удивительно уютно.

– Красивое, – с уважением высказался Бубоч.

– О, даже храк оценил, – снисходительно произнес Эртугео. – Воистину говорят, что искусство лишь тогда несет в себе частичку творца, когда достигает сердца любого мыслящего существа. Зачем пришел, холоп, чего хочешь?

Бубоч снова низко поклонился. Высокородный Эртугео в хорошем настроении, хорошо. Значит, не спустит сразу с крыльца, выслушает.

– Донести хочу, – сказал Бубоч, глядя в пол.

– Донести? – немножко помрачнел барин. – Что же, соседи уклоняются от податей?

– Нет, нет, то легионеры. Чрепокожие.

Эртугео сразу повеселел обратно. Кабы то оказались подвластные ему храки, пришлось бы разбираться самому. И при любом исходе были бы убытки. Либо вороватых храков жрать, а они все-таки его подданные, либо мириться с недополученной прибылью, а с этим ни один барин мириться не станет, если не хочет по миру пойти.

В то же время чрепокожие для него никто. Об них пусть у гохерримов голова болит.

Демоны-воители вообще бесполезны. Прибыль они приносят ничтожную, а уж гоноруту, гонору. Носятся по мирам, притаскивают какие-то гроши, но пыжата так, будто кормят весь Паргорон. Если бы они не были нужны для защиты и устрашения, давно бы стоило их упразднить.

– Ну рассказывай все, холоп, – велел Эртугео.

Он настолько умиловился, что даже пригласил Бубоча к себе за стол. Не поест, конечно, а рядом постоять. Сам уселся на воздух, есть принялся, Бубоча слушая, а тот преданно смотрел, рассказывал...

– Ладно уж, угостись, – разрешил ему барин. – А то слюной весь пол зальешь.

Бубоч послушно угостился. Барин все-таки неглуп, знает, на ком у него все богатство держится. На храках. Если снова что донести будет, он и донесет, обязательно донесет. Может, даже сам выдумает.

Раз барин за такое угощает.

– Самому выдумывать не надо, – прочел его мысли Эртугео. – За это я тебя самого сожру.

Дослушав, он поцокал языком, постучал пальцами об стол, покрутил на голове шляпу. Был Эртугео, как принято у гхьетшедариев, гол, но шляпы носил – нравилось ему. У некоторых гхьетшедариев такое в моде, особенно у тех, что под Величайшим Господином ходят.

– Так, ну это хорошо, что ты мне обо всем донес, – сказал Эртугео наконец. – Не наше это все дело, конечно, что какого-то гохеррима убили, но низшие демоны не должны вот так запросто убивать высших. Это непорядок, согласись.

Бубоч охотно согласился, не переставая есть котлету. Он понял, что сейчас ему лучше не думать. Вот не думать, и все. Ни об чем.

И он перестал думать.

– Экий ты тупой, – заметил Эртугео, услышав, что Бубоч ни об чем не думает. – Как пенек. Но это даже хорошо, что ты такой тупой. Таким свидетелям веры больше. Пойдешь со мной к барону, все ему расскажешь.

Бароном Эртугео был Латриум. Бубоч в его гхьете никогда не бывал, но слышал, что тот большущий. Тянется от обители Мазекресс и до латифундии Фурундарока, а поместиться в нем вроде как могут сотни обычных гхьетов. Бубоч точно не знал, слышал только.

Эртугео его к барону быстро перенес. Просто велел – вот уже и перенеслись в огромный баронский дворец. Бубоча сразу поразило убранство – роскоши-то, роскоши!.. И мрамор-то везде искусно отделан, но без нелепиц, без излишеств. Все вручную вытесано, не сотворено. В мраморе барельефы живые проступают, с пастушками и лошадками, да всякими фривольными сценками с пастушками и лошадками, да еще и поют тихонечко на разные голоса. Цветы тоже повсюду растут, оранжерея невиданная, прямо сквозь стены стебли текут. Много и паргоронских растений, а много и чужих – то ли из дальних гхьетов, то ли вообще иномирных.

Вот оно на что подати-то идут, значит. Ну ничего, дельно. Это без Бубоча, выходит, и не было бы этой красоты. Вот он какой важный – хоть и не сам тут все вытесал и вылепил, а без него бы и не было ничего.

Только он бы еще фонтан поставил. Водички попить.

И теперь уже барин бил поклоны и выказывал уважение, а Бубоч просто рядом стоял. Для барона он слишком ничтожная сошка, пыль на дороге. Тот в его сторону и не глянул, только на Эртугео.

И был-то Латриум грустен, даже печален. Собой – мальчонка совсем, едва лет семнадцати, но лет ему на деле не меньше тысячи, он еще при тятке Бубоча тут баронствовал. А тоже, вот, не всегда весел, иногда и грустит, и печалится.

Хотя чего ему печалиться? У него ж жратвы гора, любой. И баб гора. Бубоч бы на его месте смеялся целый день. И баб жахал, каждый день новых.

Но оказалось, что именно о бабе барон Латриум и печалится. Сбежала у него одна из наложниц – новенькая совсем, из смертных. Украла какой-то жетон, который не дает ее сыскать, не позволяет обнаружить.

– Эртугео, хороший мой, скажи, не находили ли в твоих владениях бесхозных смертных? – почти жалобно спросил Латриум. – Ты ведь граничишь со мной.

– Если и находили, то мне не докладывали, – с сожалением ответил Эртугео.

– А... у... – невнятно пробубнил Бубоч.

Он не хотел влезать. Не хотел обращать на себя лишнее внимание. Но Латриум уже заметил его волнение, почувствовал, как в разуме загорелась вспышка узнавания.

– Сказать чего хочешь, храк? – внимательно посмотрел он на него.

– А... э... а я видел бесхозную смертную! – заговорил Бубоч.

– Какой ты интересный храк, Бубоч, – внимательно посмотрел теперь и собственный барин. – Все-то видишь, все-то знаешь. Ты вообще работаешь ли? Может, ты просто по лесам бегаешь и айчапов пинаешь?

– А... о... не, господин, работаю целыми днями не покладая рук! – заверил Бубоч. – Сегодня на рынок просто шел, инструментов купить и подкормки для мясной горы! Говорят, если раковинами подкармливать, то витаминов и минералов больше будет. Правда, что ли?

– Правда, – нетерпеливо взмахнул рукой Латриум. – Но ты о наложнице моей говори.

– А, да!.. Ну вот иду я, иду, думаю о том, как хорошо у нас все в гхьете обустроено, спасибо его милости и барону доброму, а тут гляжу – смертная бесхозная!.. Ну как бесхозная смертная?.. это не дело!.. Ох, ох, вот я и хотел вам возвернуть, да не успел – нодохом ее задавил!

Латриум пристально уставился на Бубоча, а тот моргал честными и глупыми глазами. В свои слова он сейчас и сам верил, да и были-то они практически правдой. Так что Латриум ничего крамольного не увидел и на Бубоча не разозлился, а вот на нодохома – очень даже.

– Какого хера у тебя по гхьету нодохомы катаются и моих наложниц жрут? – брюзгливо спросил он, приглашая Эртугео чаю попить.

Бубоча снова с собой не посадили, а в сторонке поставили. И покушать ничего не предложили уж. Бароны от народа уже слишком далеки. Мещанина бы, может, пригласил бы еще, а его, простодемона – спасибо, что не бьет.

После таких новостей-то.

– Да не могу я за каждым нодохомом уследить, – сказал Эртугео почтительно, но твердо. – За ними легионеры следить должны, это к ним нодохомы приписаны. Он, верно, из Четырнадцатого легиона... я, кстати, поэтому и пришел. Известить о вопиющем случае непослушания. Десятеро каких-то чрепокожих убили гохеррима.

– Всего десятеро?.. Гохеррим-то, видать, хилый был.

– Это уж я не знаю, как там у них вышло. Может, он раненый был или спал. Или это из его собственной центурии были чрепокожие, и он не ожидал нападения.

– Ожидал или нет... гохерримы всегда ожидают нападения – это чушь, – рубанул ладонью Латриум. – Охо-хо, Эртугео... Что у нас в легионах творится? Нодохомы катаются где попало, чрепокожие своих центурионов убивают...

- Паргорону конец, – поддакнул Эртугео, прихлебывая чай из блюда. – Загниваем.
- Все эти гохерримы. Как им нечего делать стало, так сразу все под откос пошло.
- При Гламмгольдриге-то получше было.
- Да, при нем-то все свое место знали.
- А теперь что? Разброд и шатание.
- И бушукский заговор.
- И не говорите. Бушуки – наше проклятье.

– Но что войн нет – это хорошо, конечно. Нас дергать перестали по пустякам. А то раньше, гляди-ка, тысячи лет не проходило, чтоб на какую-то войну не потащили. И ты все бросай, иди. Гхьет бросай, наложник бросай... а у меня урожай не убран!

- И не говорите. Одних недоимок сколько!

Гхьетшедарии еще с полчаса пили чай и обсуждали упадок нравов. Потом наконец вспомнили о Бубоче и сказали ему, что дальше не его печаль, с чрепокожими они сами разберутся. Что вовремя донес – то молодец, за то ему награда положена. За доносы награду всегда честно платят, а то никто доносить и не будет. Целых пять астралок барон Бубочу вручил, да еще и зелья бушуков рюмку лично поднес.

- А теперь пошел отсюда вон, – велел Латриум. – Верни его, откуда взял, Эртугео.

Барин щелкнул пальцами – и Бубоча понесло сквозь пространство, да и шлепнуло прямо возле барской усадьбы. Ну а оттуда до кэ-станции было уж недалеко – туда Бубоч и потопал. И так много времени дурно потерял.

На кэ-станции и очереди-то не оказалось. На рынок все с утра идут, а возвращаются под вечер уже. Это он, как непутевый, посреди дня собрался.

- Мужики там уже пьют вовсю, небось.

У Бубоча урчало в животе. Баре-то все это время сидели и жрали, а Бубоч стоял и смотрел. Так что он побыстрее поднялся по ступеням, коснулся колышущейся арки, что суть то же кэ-око, только большое, и сказал:

- Мпорополис, рынок.

Можно вообще сказать просто «рынок». Он во всем Паргороне один. Зачем второй, если из любого конца Чаши можно в него перенестись? Было бы два, так все бы ходили в тот, что побольше и получше, а второй бы и совсем зачах.

За перемещение, конечно, платить нужно. Толику памяти кэ-миало отдать. Но чего бы и не заплатить? Демоны, даже самые низшие, живут вечно. Памяти много. Событий тупых и неинтересных много. Почему бы и не отдать кэ-миало память о том, как утром отложил личинку?

– Я не приму воспоминание о том, как ты совершил акт дефекации, – с легким раздражением сказал обслуживающий станцию кэ-миало. – Вы все пытаетесь этим платить. Я понимаю, что у храков жизнь однообразная, но должны же быть границы.

- Да ладно, возьми, – вежливо попросил Бубоч.

– Все кэ-миало связаны в общую сеть. У нас единый разум. А из-за вас он сильно засорен информацией о том, как испражняются храки. Неприемлемо. Все вы в первую очередь сплавляете всякое дерьмо.

- Сплавляем, – согласился Бубоч. – Возьмешь? Ты возьми. А я тебе потом еще принесу.

– Не возьму, – наотрез отказал кэ-миало. – А если будешь настаивать, наложу на тебя запрет на кэ-услуги.

Бубоча это напугало. Он один раз получал такой запрет, на целый год. Ох и скучный то был год! Кэ-око работать переставало, если он в него смотрел, так домашние его все гнали, чтоб не мешал шоу и сериалы смотреть.

И на рынок он целый год не ходил, сыновей с дочерьми посылал. Оно и неплохо вроде, ноги трудить не нужно, да сыновья ведь вечно какую-то дрянь покупали, деньги пробухивали,

да в драки ввязывались, а один вообще зачем-то сдох. А дочери потасканными возвращались, даже самая младшая, которая еще без сисек. Заманили на кулек конфет, она и вернулась потом зареванная – конфет-то так и не дали.

Да и опять же – и по городу не погулять, и с мужиками в кабаке не посидеть.

И так целый год!..

Правда, нет худа без добра. Бубоч в тот год зато к литературе пристрастился, читать полюбил. Вроде как даже немножко поумнел.

– Ты Бубоч, да? – спросил его кэ-миало. – Вижу твою историю потребления. Да, ты немножко поумнел. Вот и заплати мне чем-нибудь из прочитанного, хоть раз принеси пользу обществу.

– Какому обществу?

– Обществу кэ-миало. Поработай сеятелем хорошей информации. Ты отдашь в кэ-сеть хорошую книжку, и потом все смогут ее там прочитать и заплатить нам еще больше.

– Так я же ее забуду.

– А ты заново прочитай. Тебе так даже интересней будет.

Бубоч засопел. Их кэ-станцию и вообще весь гхьет обслуживает Аз'Маак, и с ним лучше не ругаться, потому что он единственный на весь гхьет... да и еще на много других гхьетов. Он наверняка сейчас не только с Бубочем разговаривает, но и еще с кучей других храков, да со всеми одновременно. Они, кэ-миало, в этом мире самые умные, и ничего-то им и не нужно, кроме информации. В ней живут, ею питаются, ею и с другими делятся.

Но книжку отдавать жалко. Он ее, небось, полгода читал, а теперь просто за перемещение отдаст.

– Не, я лучше чем другим заплачу, – сказал Бубоч. – Вот, заberi...

А дальше Бубоч не запомнил. Как только перенесся на рынок, то сразу и забыл, чем он таким заплатил. Но вроде ничего важного из головы не пропало. Свое имя помнит, имена жен помнит, имена сыновей и дочерей... их он и раньше-то забывал все время.

Чего ж еще он помнит? А, на рынок же надо!

Но сначала бухать! Это самое главное!

В кабак-то ни с чем ценным лучше не идти – тюкнут тебе по балде, да и ограбят. Будешь потом валяться в канаве ограбленный, избитый и отжаханный. А вот астралки со счета никто не утащит, они там в безопасности. Так что если даже и нападут, будешь валяться в канаве просто избитый и отжаханный.

Не ограбленный.

– У Бубоча какая-то заикленность на том, что его кто-то жсает, – заметил Дегатти, изумленно качая головой. – Он этого втайне жсает, что ли?

– Или уже был негативный опыт, – предположил Бельзедор.

По Мпораполису Бубоч гулять любил. Особенно здесь, по улице Смертной Казни. Тут иногда, когда очень повезет, можно увидеть, как наказывают кого-то из господ. Не просто порют или кожу сдирают с пяток, а всерьез, по-настоящему.

Сегодня вот Бубоч увидел одного, и очень долго смотрел, радовался. Гхьетшедарий, да еще в истинном облике. Растянули беднягу между небом и землей, разъяли на миллионы нервов – и каждый испытывает мучительную боль. А сущность его бессмертная понемногу иставает, принося невероятные страдания.

Это долгая, лютая пытка, которая применяется только к предателям интересов Паргорона.

Бубоч спросил прохожего и узнал, что конкретно этот барин убил ларитру. И не просто убил, а превратил в ларитрин. Они после этого уже не возрождаются, их личности исчезают

насовсем. И ларитры этого не прощают. Уличенных наказывают с абсолютной беспощадностью, даже демолорду могут по шапке дать.

Бубоч смотрел жадно, потом несколько камней кинул. Тут такое можно. Сильно мучить нельзя, потому что так можно ускорить пытку, а вот немножко можно. Барину еще и обидней будет, что его простой храк обижает.

Вход в кабак тут тоже был. Портальный, в «Соелу». В Мпорополисе они на каждом шагу – просто нарисована дверь на стене, а над ней надпись, что «Соелу». Постучи – откроется, и будет за ней безразмерный зал, где круглосуточно кипит веселье.

Бубоч и постучал, но сначала счет проверил. Закрыв глаза, поглядел глубоко внутрь себя, и заплясал сразу перед глазами маленький бушук. В его когтистых лапках появились россыпи серебряных и медных искр – астралки и эфирки.

Золотых нет. Условок нет у Бубоча.

А вот астралки и эфирки есть. Девяносто четыре астралки и пятьдесят пять эфиров. В общем-то, почти целая условка. Тяжким трудом скопил, руками своими работающими. Бубоч – храк зажиточный.

А вот если б поймал ту бабцу... эх, упустил он свое счастье...

Сейчас бы уже, небось, нажахался вволю и вел ее продавать...

– *Слушай, Янгфанхофен, а можно немного поменьше вот этого всего?* – спросил Дегатти.

– *Я не могу рассказывать эту историю в отрыве от личности Бубоча,* – сказал Янгфанхофен. – *А у Бубоча личность вот такая.*

В «Соелу» Бубоч сразу затопал к другим хракам. Те занимали целый сектор – подальше от господского и мещанского, зато самый огромный. Целые тысячи здоровенных синекожих мужиков и баб опорожняли все новые бочонки пива, эля, меда, сидра.

Бубоч сразу заметил и знакомых. В «Соелу» это очень даже запросто – если есть уже внутри кто знакомый, так тебе ресторан их сразу и покажет, сами собой к ним ноги направятся. А если тебе кто-то душевно неприятен – то уведет. Удобно.

Поздоровкался Бубоч за руку и с Табуром, и с Медчином, и с Дукточем, и с Гурметреном.

– Привет, брат-храк, – говорил он каждому.

– Привет, брат-храк, – отвечали ему.

– Давай обсудим репу, – предлагал Бубоч.

– Нет, давай лучше брюкву, – отвечали ему.

– *Янгфанхофен, ты серьезно сейчас?* – спросил Дегатти. – *По-твоему, храки разговаривают вот так?*

– *А что, не так?* – спросил Янгфанхофен, обратив к Дегатти всех тряпичных кукол на пальцах. – *А как разговаривают крестьяне в твоём мире?*

– *Ну... я... я не знаю, но уж точно не так!*

– Ну хорошо, – сказал Бубоч, усаживаясь в центре стола и подвигая к себе бочонок. – Давайте обсудим политику.

– Не, не хочу политику, – отказался Табур. – Я в прошлый раз в канаве очнулся, избитый и отжаханный.

Другие храки отвели взгляды, в том числе и Бубоч. Он помнил этот прошлый раз.

– *А, вон оно что!* – догадался Дегатти.

Хорошо сидеть с друзьями в «Соелу». Бубочу это очень нравилось. Особенно нравилось то, что Табур, Медчин, Дукточ и Гурметрен все из других гхьетов. Живут от него очень далеко, так что делить им нечего. Он их кроме как в «Соелу» ни разу и не встречал, только здесь пересекаются.

В Паргороне есть такое понятие, как «соелушный друг». Это означает, что здесь, в кутеже большого зала, вы периодически встречаетесь, бухаете, болтаете, жрете, в игры играете, кэ-око смотрите, иногда трахаете баб, иногда не баб, но все, что здесь происходит, здесь и остается. Снаружи вы никогда не встретитесь, так что споров между вами не будет.

Насчет баб Бубоч уже начал промышлять. Храчек за столами тоже было полно, и многие пришли сюда за тем же, за чем и он, но храчку ему не хотелось, храчка у него и дома есть. Хотелось кого поинтереснее. Вон хоть гхьетшедарийка за тем столом... эх и красивая же барыня... эх и засадил бы ей Бубоч, так бы и засадил!..

Да только убьет ведь она его, если с таким предложением подойти.

Конечно, аристократки тоже не чужды простой пищи. Бывает и с ними, что заташат к себе храка какого-нибудь, да и в наложники берут, а то просто развлекаются. Только это не про него, он рожей не вышел. Его если какая и приглядит, то разве любительница странного. А такая потом и сожрать может или еще чего неприятного сделать.

А Бубоч только приятного хотел.

Так что сегодня он просто сидел с друзьями, пил пиво и смотрел в кэ-око. Как раз шоу Хальтрекарока началось, а его в «Соелу» всегда на самый большой формат транслировали.

Бубоч любил шоу Хальтрекарока. Оно такое, разнообразное. Каждую неделю что-то новое. И Темный Балаганщик смешно шутит. Умный он, наверное.

Хороший барин, и конкурсы интересные.

Бубоч смотрел шоу с друзьями, смеялся, обливался пивом, хрустел панцирями хатаканов, высасывал содержимое. Потом шоу кончилось, все разговоры были переговорены, Бубоч еще немного побухал для приличия, отдал за съеденное и выпитое восемь эфирок и пошел на рынок.

Потратил много, конечно, за один-то вечер, но веселый вечер того стоит. Он, может, еще недели три теперь с хутора не выйдет.

Хотелось еще кое на что потратить, конечно. У дверей, как обычно, дежурили самоталер. Эти всегда тут, поджидают подгулявших господ... они только господам давать и предпочитают. Да не за эфирки, этих эфирками не купишь. За астралки. И цацки разные.

Хотя если ты симпатичный... но Бубоч-то не симпатичный.

Или если ты сильный... но Бубоч-то не сильный.

Правда, у него есть дубина. Зачарованная, хорошая. Наверное, если самоталер по башке тукнуть, то она вырубится. Уволочь в подворотню, так и жахнуть можно успеть, пока не очуется.

Убить-то ее Бубоч не сумеет, наверное, но убежать сумеет, наверное. Ну что она – из-за такого пустяка за ним погонится? Чать не убудет со шлюхи-то. Это самоталер, им положено.

Но тут самоталер обернулась, ожгла презрительным взглядом и сказала:

– Не лезь, а то высосу.

– Простите, госпожа! – сказал Бубоч, убирая руки с дубины. – Я и не думал ничего такого!

– Не ври, от тебя похоть так и шибает.

Бубоч заробел. Все-таки он только простодемон, из первого сословия. А самоталер – мещане, из второго. У них уже есть демоническая сила, хотя и узкого применения. У мещан у всех узкого применения.

– А вот сколько, если, скажем, храку-то? – спросил он все-таки для порядка.

– Астралка за минималку, – бросила самоталер. – Если что сверху – то больше.

Бубоч зачесал в затылке. Астралка – это сто эфирок. Много. Шибко много. Столько он только за что-то очень важное и нужное отдать согласен. Вот когда от нодохома убежал, то аж три заплатил, но там-то понятно, там если б не заплатил, то и помер бы, и не нужны были бы ему никакие астралки.

А тут что – разок присунуть. За это дело Бубоч платить вообще не любил, потому что за что тут платить, если удовольствие обоюдное? Он бесплатно каждый день может, у него две жены дома. А еще соседки есть. И вон, в кабаке куча пьяных баб, они все хотят. В крайнем случае маста поймать можно.

– Что?.. – не поверил ушам Дегатти.

– А тебе повторить, что ли? – с удовольствием спросил Янгфанхофен. – Знаешь, у храков даже поговорка есть одна...

– О, я знаю эту поговорку! – поднял бокал Бельзедор. – Когда баба ломается – в хлеву скот отдувается!

– О боги... – закрыл лицо ладонями Дегатти.

Так что пошел Бубоч на рынок, тратить деньги с большей пользой. Он, правда, не помнил, что именно хотел купить, но не просто же так он сюда пришел. Так что пошел гулять по рядам, да смотреть, где что приглянется. Великий рынок Мпораполиса работает круглосуточно и без выходных, а раскинулся на такие просторы, что целый гхьет поместится.

Ну Бубоч и ходил. Пялился. Штуки всякие интересные смотрел. Местные и иномирные. Миксер взял, жен порадовать. Еще сахарную сыпалку. Пива бочонок – всегда пригодится. К нему рыбы соленой, потому что какое пиво без рыбы. Раковин взял – вспомнилась книжка, которую утром читал. Они, правда, вместе с долгопрудниками были, но их Бубоч сам же и высосал.

Ходил между рядами степенно, чтоб все видали – это храк зажиточный, может деньги потратить. Но и серьезный, не даст себя облапошить. Со свистом высасывал долгопрудников и снисходительно глядел на товары, да еще языком так цокал – мол, и получше видали.

– Почем фрукты, тетка? – спросил он у храчки с маленькими хитрыми глазами.

– А дешево, – с готовностью ответила та. – За такие-то.

– Вкусные?

– Вкусные! Все вкусные! Вот, возьми личинок Хлаа! Новый сорт! Четыре эфирки всего!

– Да ты что, карга, охерела?! – разозлился от неожиданности Бубоч и пнул корзину. – Ты их душами кормишь, что ли?!

Сегодня его все что-то целый день обижали. Нодохом обижал, чрепокожие обижали, даже шлюха-самоталер обидела, не дала. Но вот уж на этой храчке-то он теперь отыграется! Она-то уж точно ему ничего не сделает!

Слабее храков в Паргороне только храчки!

И шуки еще. М-м-м, супец из шуков...

Из корзины выкатились ананасы, иномирные фрукты. Торговка заорала, заверещала, принялась колотить Бубоча всем, что было в руках – а в руках у нее почему-то были две дубины. Поворот оказался неприятный, но у Бубоча тоже была дубина.

Они немного подрались, немного поорали друг на друга, а потом договорились по полторы эфирки за штуку. Оба остались очень довольны.

Бубоч еще и ананасов взял. Со скидкой, потому что битые.

И баноцитрусов. Просто захотелось.

Торба понемногу тяжелела. Бубоч купил еще несколько книжек на развале, в том числе очень интересную – «Разведение плодовых культур во внешних гхьетах Туманного Днища» за

авторством Загитрарока, сына Хальтрекарока. Сразу видно, что умный барин, образованный. Вот и Бубоч его книжку почитает.

С книжкой в руке Бубоч сразу стал выглядеть еще умней и уважаемей. Вот и один из торговцев сам его окликнул – да не какой-нибудь храк или еще кто пустяковый, а аж бушук. Они хоть и аристократы, но ко всем по-свойски, лишь бы деньги водились. И на рынке их полным-полно, только у них товары особенные, и сидят не просто за прилавками, а в собственных лавках, магазинчиках.

– Эй! – окликнул бушук Бубоча из окошка. – Пс-с-ст!.. Храк!.. Подойди!

Ну Бубоч и подошел, потому что если аристократ говорит подойти, то лучше всего или подойти, или очень быстро убежать. Но на рынке быстро не убежишь, да и на рынке они, так что бушук, скорее всего, просто хочет Бубоча надуть.

А торговал он нужным – ножами. Отличными кухонными ножами – вечными. Один раз так купишь – а потом за тысячу лет не сточится.

– Почему? – спросил Бубоч, да так спросил, чтоб видно было – он хоть и храк, да тоже толк понимает, знает, что почему.

– За такой нож – сущую ерунду, – показал ему лезвие бушук. – Всего двенадцать астралок.

– Дорого что-то очень...

– О, сразу заметил! – заахал бушук. – Я вот тебя увидел, и сразу понял – это парень не простой, его так просто не проведешь!

В темноте лавки кто-то захихикал на два голоса – мужской и женский.

– Вот что я тебе скажу, – доверительно сказал бушук. – Ты мне очень понравился. Я тебя обманывать не хочу, но и в убыток себе продать не могу. Этот нож тебе понравился? Вижу, что понравился. Возьми его всего за одиннадцать астралок – и заключишь выгодную сделку. Я совсем, конечно, без прибыли не останусь, но ты же меня понимаешь? В убыток никак нельзя.

– Одиннадцать – дорого! – отрубил Бубоч.

– Ах, как ты разбираешься в оружии! – заахал бушук. – И характер какой несгибаемый! Как будто и не храк вовсе! В тебе, часом, нет кровей аристократов?

– Ну, тятка говорил, что прабабка наша однажды с гохерримом жажнулась, вот мы и высокие такие... – пустился зачем-то в объяснения Бубоч.

– Вот я сразу увидел! Сразу почувствовал – вроде и обычный храк, но есть, есть в нем что-то гохерримское! Словно только что из Школы Молодых! Легионер! Демоны, смотрите, в моей лавке легионер!

Бубоч невольно подбоченился, но потом понял, что бушук над ним потешается. Потому напряг мозги, натренированные годами чтения, и сказал:

– Кабы ты торгош хороший был, может, и не маялся бы от безделья, над храками издеваясь.

Бушук переменялся в лице, а двое других в темноте лавки взорвались хохотом.

А Бубоч положил нож обратно и быстро-быстро ушел. Пока бушук не опомнился, да не сделал ему чего за остроумную шутку.

Может, уже и сделал. Они, колдуны, такие. Проклясть могут в спину или еще чего. Подлые твари.

А такие деньги за нож он платить не станет. Дорого что-то очень, одиннадцать астралок за нож. Это не простая ковырялка, конечно, но все равно дорого. Он, поди, за каждую астралку неделю пашет, а тут возьми да и отдай сразу одиннадцать за какой-то ножик!

После этого Бубоч на рынке задерживаться не стал. Оно мало ли. С аристократами лучше даже по пустякам не ругаться, они иногда дюже злопамятные бывают. И нагадить могут куда сильнее, чем ты им.

В общем-то, ты им ничем нагадить не сможешь. А они тебе – всем.

Так что Бубоч дошел до ближайшей кэ-станции и вернулся в родной гхьет. Там он в чуть большей безопасности, чем не там, потому что барин Эртугео все-таки не разрешает убивать своих храков просто потому, что кому-то захотелось.

Об этом Бубоч радовался, выходя из портала... а потом перестал радоваться, потому что неподалеку от кэ-станции его поджидали десять чрепокожих. Специально дождались, пока Бубоч от станции отойдет и из-под защиты кэ-миало выйдет.

А он и шляпу-то уже снял, и рубаху обратно правильно надел, и нечистоты с ног смыл...

– Вот он, грязная пятка, – злобно сказал один чрепокожий.

– Что, донес на нас и радуешься? – толкнул Бубоча другой.

– Выслужился перед прожорами?

– Сколько заплатили?

Вот тут Бубоч пожалел, что не купил нож. Хотя против десятерых боевых демонов ему не помог бы даже нож за одиннадцать астралок.

Были чрепокожие очень на Бубоча злы, видно. Прознали откуда-то, что он на них донес. И что он этим порталом ворочаться будет, тоже прознали.

Откуда прознали? Кабы по их души барин являлся или сам барон Латриум, так они вряд ли бы вот так свободно тут гуляли. Может, из слуг кто барских подслушал, да предупредил? Или просто охота за ними началась, ну они и догадались, что это Бубоч донес?

– А вы что, живые, что ли? – растерянно спросил Бубоч. – Я думал...

– А ты поменьше думай, – прошипел чрепокожий, толкая его в грязь. Торба полетела туда же.

Вот теперь Бубочу очень страшно стало. Все, закончится день совсем грустно. И жизнь, похоже, закончится не особо весело.

Он даже всплакнул. Ладно бы еще его сын убил, родная кровь. Все не так печально. Не безвестно помер бы, вспоминал бы его сын добрым словом. Как вот Бубоч тятку вспоминает.

– Нам теперь в бега подаваться, за Кромку валить, – сказал чрепокожий, ставя костяную пятку на лицо Бубоча. – Но на дорожку мы сожрем одного болтливого храка.

– Или не сожрем, если сумеешь откупиться, – добавил второй. – Условки нам не помещают. Сколько у тебя на счету?

Бубоч точно знал, что когда он деньги отдаст, его тут же убьют. Все еще не убили только потому, что хотят еще и ограбить. А значит, можно немного время потянуть – они его сначала пытать будут.

– Я храк-то бедный, – попытался он отговориться. – У меня и одной астралки нету.

– Бедный храк с ананасами в торбе, – достал ананас один из чрепокожих. – Это ж закро-мочное, они дорогие.

– Что ты нам чешешь? – пнул Бубоча другой.

На ногах у чрепокожих шпоры. Вот так пнул – и пропорол кожу. Кровь так и хлынула.

– Машина правосудия ларитр заводится долго, – сказал чрепокожий, выпуская костяные клинки на предплечьях. – И какой-нибудь храк за это время тысячу раз пожалеет, что разинул рот.

Он уже замахнулся снова, как рядом задрожал воздух, и из него выступила полная, очень безобидного вида тетушка в розовом платьице с рюшами. В руках у нее была чашечка чая.

– Машина правосудия ларитр завелась сразу, как только закончился обеденный перерыв, – чопорно сказала она.

Чрепокожие... побежали. Сразу же. Не потратили ни мгновения лишнего, чтобы добить или еще разок пнуть Бубоча – просто с места стартовали, ускорились до предела.

Все низшие демоны боятся ларитр. Да и высшие, в общем-то. Ларитры не такие сильные, как кульминаты, и не такие воинственные, как гохерримы, а смертные вообще не видят особой

разницы между ларитрой и другим высшим демоном. Но у них есть козырь, благодаря которому они и занимают нишу администраторов. Ларитры блокируют демоническую силу.

Другим демонам они очень опасны.

И далеко чрепокожие не убежали. Просто упали на землю и тяжело задышали, как будто из них разом выбило и скорость, и выносливость. Пока шмыгающий носом Бубоч собирал в торбу разбросанные покупки, ларитра подошла к чрепокожим и почмокала, отпивая еще чая.

– Госпожа, мы объяснимся! – взмолились чрепокожие. – Мы сами пострадали!

– И ваши страдания только начинаются, – пообещала ларитра.

Чрепокожие начали сбивчиво объяснять, как так вышло, что они убили гохеррима. Мол, совсем озверел центурион, на собственных легионеров, как на скот охотился. Никакой мочи уж не стало, ну однажды и сговорились, набрали кредитов, заманили в укромное место, набросились все разом, да и сладили кое-как.

Ларитра слушала с притворным интересом, участливо даже кивала, и с каждым ее кивком чрепокожие глотали воздух все сильнее. Из них вытягивало жизненную силу.

Чрепокожие тоже это поняли. Один дернулся, вскочил на последних силах. Возможно, заплатил за этот рывок все, что было у него на счету. Последовали его примеру и остальные – преодолели это наваждение, в отчаянной попытке бросились на карательницу.

Но они по-прежнему двигались даже медленней Бубоча. И хотя один все-таки ухитрился полоснуть ларитру костяным клинком, та тут же раздулась ядовитым дымом, развернулась черным облаком – и чрепокожие снова попадали, истошно кашляя.

– Госпожа, прошу о милости! – рискнул воскликнуть Бубоч.

– Ты просишь за них? – раздалось из дымного облака.

– Нет! Прошу не осквернять тела! Я бы... мяса навялил...

– Какой рачительный храк, – одобрила ларитра. – Молодец. Такими вы и должны быть.

И, словно добрая фея, она одним своим дыханием выпила жизнь чрепокожих. Оставила только плоть, туши – и немного астральной тени. Ровно столько, чтобы замедлить разложение.

– Пусть недостойные вредители накормят тех, кто честно трудится, – улыбнулась Бубочу ларитра, исчезая в складках пространства.

Не веря своему счастью, Бубоч поднялся, обыскал трупы и принялся деловито их увязывать. С собой у него всегда был моток хорошей веревки.

Мясо у чрепокожих жилистое, но вкусное. Только панцирь снять трудно, но если навялить, да посолить – очень хорошо добавлять в кашу и суп.

А панцирь-то тоже в хозяйстве сгодится. И лезвия их костяные. Готовые кухонные ножи... вот и сэкономил одиннадцать астралок-то!

Гору трупов Бубоч приволок домой уже затемно. По дороге к нему сунулся было сосед, спросить чего-то хотел – да увидел, что Бубоч волочет, и передумал. Ушел молча.

Жены встретили его хоть и радостно, но сердито. Чрепокожих дохлых они не ожидали, конечно, а Геся сказала:

– Ну вот, он падали набрал, а мне разделявай!

Но это она любя. На самом-то деле довольна осталась, что столько мяса – да задарма.

И торбу с покупками жены тоже сразу распотрошили. Но тут уже остались совсем сердиты. Личинкам Хлаа и ананасам порадовались, конечно, да и миксер им понравился, когда они разобрались, что к чему. Но потом торба показала дно, и Геся с Сатуллой подступили к Бубочу с обеих сторон:

– Ты на рынок ходил? – сварливо спросила Геся.

– Ну ходил, – недоуменно буркнул Бубоч.

– А что купил?

– Ну вот, пиво, рыбу соленую... чрепокожих еще дохлых... нашел.

– А ножи где новые?

- И приправа где? Перец айчапный?
- И клубника!
- И ткани для дочки!
- Где все, что мы написали?!
- Да я...
- Стой, – догадалась Геся. – Ты чем на кэ-станции платил?!
- Да я не помню, я же этим заплатил...
- Вот дуболом, опять! – всплеснула руками Сатулла. – Хорошо хоть, именами нашими не заплатил!
- Ты зачем платил памятью о том, что нужно купить?! – толкнула Бубоча в грудь Геся.
- Да я думал, что приду, да меня и озарит! – толкнул ее в ответ Бубоч. – Если вещь нужная – то и само в голову придет, что оно нужно! А если нет – то и не нужно!
- Это что не нужно – ножи не нужны?! Перец не нужен?! Ткани?!
- Клубника!!!
- А пиво-то нам, значит, надо не обойтись!
- Про ананасы она ничего не сказала. Сатулла уже один резала.
- А на бумажку что не смотрел?! – снова предъявила Геся.
- Какую еще бумажку?!
- Которую я тебе дала!
- Да я, думаешь, помнил о ней?!
- Иногда мне хочется тебя запирать, – покачала головой Геся, прикидывая по руке лезвие с руки чрепокожего. – Но храка лучше я в округе все равно не найду.
- У Бубоча от таких слов потеплело на душе. Все-таки любят его дуры-бабы.
- Как думаете, ананасы-то к пиву нормально? – спросил он, усаживаясь за стол.
- На том и закончился очередной день из жизни Бубоча. Самый обычный, хотя и насыщенный событиями день. Таким вот примерно образом он жил уже шестьсот лет.

Интерлюдия

– Знаешь, Янгфанхофен, раньше я думал, что самый гадкий тип в Паргороне – Ключерштатен, – задумчиво сказал Дегатти. – Потом его переплюнула Тьянгерия. А вот теперь ты мне рассказал про такого обычного, среднестатистического храка Бубоча... и как-то вот пальма первенства... я теперь даже не знаю, кому ее вручить.

– Хорошо, что он не демолорд, правда? – хмыкнул Янгфанхофен.

– Да ничего бы особо и не изменилось, – пожал плечами Дегатти. – Вы все примерно такие, только интеллект разный, да характер.

– Интеллект, характер... Ты продолжай список-то, продолжай.

– А куда его продолжать? Совести у вас у всех нет.

– Совести?.. А что это? Дегатти, у тебя нету с собой словаря?

– Не ерничай.

– Вот смотри, Бельзедор, – повернулся к Темному Властелину Янгфанхофен. – Я его уже третий день кормлю задарма, пою, байками развлекаю – а он мне говорит, что у меня совести нет. Да где ты еще такое гостеприимство встретишь?

– Ну тут-то Корчмарь прав, – повернулся к волшебнику Бельзедор. – Какой-то ты неблагодарный, Дегатти.

– Так я же теперь знаю, что ты с задней мыслью это делаешь, – спокойно ответил тот. – Надеешься, что я попадусь, слово нарушу и на твой счет ужогу. На сколько там лауреат третьей степени потянет? Условок на пятьдесят?

– Может, и все семьдесят, – прищурился Янгфанхофен. – Точно подсчитает только бушук, но все равно обманет, чтобы взять себе разницу.

– Ну что, выпьем еще? – спросил Бельзедор. – Давай-ка пива с соленой рыбой.

Янгфанхофен разлил по кружкам пенящееся, и все трое отхлебнули. Оporожнив свою, Паргоронский Корчмарь вздохнул, посмотрел куда-то вдаль и сказал:

– А виноватишь ты меня зря, Дегатти. Мы, демоны, сами не особенно радуемся тому, что мы вот такие.

– Да ну?

– Да вот представь себе. Думаешь, тому же Бубочу нравится жить в мире, где каждый первый убьет тебя, если будет возможность и выгода? Думаешь, это нравится мне?

– Ой, страдальцы, – усмехнулся Дегатти. – Я сейчас расплачусь.

– Я серьезно, – немного даже обиделся Янгфанхофен. – От нашей природы мы сами же в первую очередь и страдаем. Я вот тебе сейчас расскажу одну историю... веселую такую, потешную... но показательную.

Демоны и лабиринты

1519 год Н.Э., Паргорон, лабиринт Хальтрекарока.

Хальтрекарок сидел в своей комнате для размышлений. И даже не столько сидел, сколько плавал из угла в угол. Иногда убирал стены, смотрел на бескрайние просторы Мглистых Земель, на свой великолепный лабиринт – и думал, думал, думал.

Творческий кризис. Временами он с ним случался. Временами бывало так, что идеи заканчивались, ничего нового не придумывалось.

Темному Балаганщику было уже десять тысяч лет. Большую часть жизни древний демон забавлялся со своим лабиринтом. Каждую неделю целые трибуны собирались посмотреть, как он гоняет смертных. Как те дерутся насмерть. С чудовищами или друг другом.

Лабиринтом дело не ограничивалось. Хальтрекарок любил его больше всех других игр, но проводил и множество других шоу. Соревнования. Конкурсы. Даже викторины, которые так обожает Ключерштатен. Он был в особенном восторге от той, где Хальтрекарок загадывал участникам загадки, в принципе не имеющие ответов.

Победитель был, как обычно, один – сам ведущий.

Но хочется что-нибудь новое. Что-нибудь совсем новое.

Так и не сумев преодолеть кризис самостоятельно, Хальтрекарок обратился к помощи муз. Иногда его жены, эти прекрасные живые цветы, роняли ненароком словцо-другое – и оно наталкивало Хальтрекарока на очередную гениальную мысль. Любимые глупышки служили источником вдохновения. Зеркалами, отражающими его безграничный талант.

– Жены-ы-ы!.. – воззвал Хальтрекарок своим звучным, красивым голосом.

Он призвал пред свои очи новеньких – тех, что из иных измерений. Хальтрекарок решил поступить так, как уже поступал много раз. Поискать свежую игру в других мирах.

Их ведь бесконечность, миров. И игр в них – бесконечность. Всегда можно найти что-нибудь еще неизбитое. Именно так он год назад нашел отличную викторину, в которой нужно угадывать песни по нескольким нотам.

Хальтрекарок ее модифицировал, чтобы стало еще интереснее.

– Итак, мои возлюбленные красавицы, дамы моего сердца... рад, что вы так быстро откликнулись, – благосклонно молвил Хальтрекарок.

Наложницы смотрели на него немного ошалело. Они часто так смотрели, когда Хальтрекароку приходило внезапное желание с ними повидаться. Сидзука машинально продолжала подпиливать ногти, Бренда шлепнулась, уронив пульт и тарелочку с сыром, а Лахджа застыла с криоскальпелем.

– Что это на тебе? – спросил Хальтрекарок.

– Лабораторный халат, – мрачно ответила демоница.

– Сексуально, мне нравится... нет-нет, не снимай пока. Сегодня я призвал вас для иного. Вы трое все из одного мира, я правильно помню?

– Да, только страны разные, – пожала плечами Лахджа. – Три противоположных конца планеты...

– И-и-и!.. – перебил ее Хальтрекарок. – Неважно, неважно, обойдемся без таких подробностей!.. хотя нет, это отлично, что вы все из разных мест. Давайте. Расскажите мне, что интересенького есть в вашем родном мире.

– Статуя Свободы, – растерянно пискнула Бренда. – Гранд-Каньон... гора Рашмор...

– Не то! – замахал на нее Хальтрекарок. – Я говорю о шоу. Играх. Конкурсах.

– А-а-а! – обрадовалась Бренда. – Гольф, я просто обожаю гольф! А еще бейсбол, регби...

– Нет, нет! – поморщился Хальтрекарок. – Это я все знаю. Играли много раз.

– Правда? – удивилась Лахджа. – Я ни разу не видела.

– Конечно, я вносил необходимые творческие корректировки, – снисходительно объяснил Хальтрекарок. – Чтобы придать свежесть новизны. В своем изначальном виде все эти забавы смертных довольно пресны. Чаще всего никто даже не погибает – куда это годится? Сидзука, сокровище мое, давай ты, у тебя часто бывают прекрасные идеи.

– Можно трансформировать жертв в подобие самолетов и запускать, – предложила та. – Кто дальше всех пролетит – тот и победил.

– Хм... пресновато. Хотя... если я... нет, это неплохо, но как этап. Молодец, Сидзука. А ты что молчишь, Лахджа?

– Вспоминаю, – пожала плечами та. – Ты проводил уже столько разных шоу, мой любимый муж и повелитель, что мне нужно как следует поразмыслить, чтобы не тратить зря твое время.

– Воистину ты по заслугам моя любимая жена, – просветлело лицо Хальтрекарока. – Но не стесняйся, сейчас я как раз хочу, чтобы вы тратили мое время любыми, пусть самыми глупыми предложениями. Невозможно заранее предсказать, что из вашей женской болтовни натолкнет меня на мысль.

– Ну-у-у... как насчет настолок? – без особой надежды предложила Лахджа, теребя в руках скальпель. – Может, устроить чемпионат по шахматам? Или шашкам, покеру... в «Подземелья и драконы» сыграть можно...

– Подземелья и драконы?.. – переспросил Хальтрекарок, усаживаясь на воздух. – Так и называется?.. а, вот, вижу... да, в общем...

Он быстро-быстро просматривал текущую в голову информацию и как-то ухитрялся одновременно улыбаться и хмуриться.

– В общем-то, ничего радикально нового... – протянул наконец демолорд. – Примерно те же самые крысиные бега, что я устраиваю чаще всего... но есть нюансы, ага...

– Там есть ролевые элементы, – сказала Лахджа. – У игроков и монстров есть параметры, когда что-то надо сделать – кидаешь кубик, а гейм-мастер решает, получилось или нет.

– Да, это я тоже вижу... И это могло бы стать той самой изюминкой, которая принесет свежесть шоу. Загнать игроков в рамки... но какой же тут длинный и скучный свод правил... – поморщился Хальтрекарок.

И все-таки мысль запала ему в голову. Он с удивлением убедился, что в некоторых мирах это целый культурный пласт, огромный и разветвленный, в самых разных формах... и Хальтрекароку все сильнее хотелось попробовать.

Но он не был бы Хальтрекароком, если бы не поискал способа оптимизировать процесс. Для начала расспросил жен, и выяснил, что ни Сидзука, ни Лахджа в ролевых играх не разбираются. Сидзука отдавала предпочтение симуляторам свиданий и другим визуальным новеллам, а Лахджа в школе пару раз участвовала в настольной ролевке, но только за компанию, и правила усвоила очень поверхностно.

О Бренде нечего и говорить. Ее вообще похитили с другой версии Земли, хотя и очень похожей. Когда Хальтрекарок на ней женился, там были пятидесятые, и ни о каких ролевках, настольных или компьютерных, никто слыхом не слыхивал.

Так что Хальтрекарок решил взять себе в помощь кого-нибудь еще. Кого-нибудь, у кого уже есть нужный опыт. И в поисках одного помощника он отправился в родной мир своей любимой жены. Тот самый, где провел несколько занимательных дней, подыгрывая маленькому братишке в его глупом розыгрыше.

С Хальтрекароком увязался и лучший друг, Асмодей. Мир Земли-2019 как раз входил в его сферу ответственности, так что Асмодей охотно все показал.

– Вот тут у меня Балтийское море, – широким жестом обвел он бушующие волны. – Видишь, сколько корабликов? Тоже мои.

– Это все твое? – даже позавидовал Хальтрекарок.

– Весь этот мир – мой... наш, – скромно потупился Асмодей. – Везде, где есть грешники... а грешники есть везде!.. простирается наша власть.

– Ах да, вы ж под Светлым миром ходите, – чуть снисходительно произнес Хальтрекарок.

– Ах, Хальтрекарок, Хальтрекарок... – не менее снисходительно покачал головой Асмодей. – Разве это что-то плохое? Мы одержали дипломатическую победу. Посмотри на нас, на наши богатства. Мы процветаем.

– Гаштардарон бы сказал, что это процветание жирной ручной собачки с отрезанными яйцами. Он так и говорил, вообще-то.

– А ты его не слушай! – возмутился Асмодей. – Ты меня слушай!

Они приземлились в том самом городе, где Хальтрекарок гостил когда-то – Хельсинки. Погуляли по его улицам в обличье смертных, полюбовались видами, посетили большой музей на острове, аквапарк и несколько соборов.

Но город оказался невелик, и выборка тоже была невелика. Ничего интересного Хальтрекарок не почуял, и они переместились к ближайшему городу покрупнее. Всего в трех сотнях кульмин к юго-востоку нашелся подходящий – раз этак в десять больше Хельсинки. Был уже поздний вечер, солнце село, но город сиял огнями, светился окнами домов и глазами механизированных повозок.

– Хальтрекарок, не егози, у тебя опять личина сползает, – напомнил Асмодей, шагая по каменному мосту. – Это не одежда, а иллюзия. Иллюзия.

– Да знаю, знаю, – ответил Хальтрекарок, с неприязнью глядя на скрывающие его прекрасную кожу тряпки. – О... погоди-ка... Асмодей, ты это слышишь?..

Асмодей ничего не слышал. У него не было такого тонкого творческого чутья, как у Хальтрекарока. Он же не проводил еженедельно шоу с живыми участниками, каждый раз выцеживая для них идеальных кандидатов. Хальтрекарок мог отыскать любое существо – любого облика, способностей, склада характера. И обычно он даже не являлся за ними лично, а просто забрасывал в окружающие миры невод.

Но сегодня ему требовался не просто одноразовый игрок, один из множества легкозаменяемых смертных. Ему требовался кое-кто особенный... и, кажется, он почувствовал очень интересную ауру.

Антикафе работало круглосуточно. Гриша, Юра, Алеша, Потап, Аня, Наташа и Таня сидели, пили чай и накидывали новых персов. Сегодня они собрались на обычный пятничный марафон ролевок. Гриша, как обычно, за неделю накатал новый модуль и теперь просматривал листы персонажей.

– Вас ждет много страданий, испытаний, унижений... и боли, конечно, – немного потно сказал Гриша. – Особенно тебя, Потап.

– Сегодня или в сессию? – уточнил Потап.

– Твой вопрос не несет в себе верного ответа, – ответил Гриша, тасуя колоду случайных встреч. – Ведь верный ответ – всегда.

Остальные переглянулись. Гриша иногда как-то заигрывался. И вне антикафе с ним никто не общался, потому что институт Гриша уже закончил, работал из дома, а интересовался только настолками, покрасом фигурок, анимешными вайфу и компьютерными играми. Только сингл, не онлайн.

Но уж зато ролевые он водил божественно. Этот токсичный жирный ублюдок был невероятно хорош в придумывании игровых историй, экспромтах и черном юморе. К тому же он наизусть помнил все рулбуки, кодексы и таблицы.

– Аха-х-ха... – протянул Гриша, возвращая листы персонажей. – Значит, Юра – варвар, Алеша – волшебник, Потап – следопыт, Аня – плутовка, Наташа – паладин, а Таня... хм, священница-амазонка?.. Мультикласс, сама вылепила?..

– Почему нет? – пожал плечами Таня. – Мы договорились, что можно дополнять от себя, если не выбивается.

– А я не хотела быть паладином, – пожаловалась Наташа. – Я бардом хотела.

– Наташ, ну ты пойми, у нас всего один танк, а от хилера вообще половинка, – терпеливо объяснила Аня. – Паладин – самое то, как раз лакуну заполнишь.

– Да не хочу я лакуну заполнять! Я бардом хотела!

– Бард – самый бесполезный класс.

– А мне нравится, – упрямо сказала Наташа, с недовольством глядя на свой лист персонажа.

У нее получилась очень банальная, стереотипная паладинша с куцей квентой. А она хотела барда, менестреля, такую чокнутую жонглерку а-ля Харли Квинн. Чтоб бегать и пырять всех под музыку.

Или хотя бы тифлинга-изобретателя.

– А можно мне тогда быть паладином резни? – с надеждой спросила Наташа.

– Наташ, но паладин резни не может хилить, – напомнила Аня. – Он чистый дамагер.

– Девчонки, вы опять пол-игры будете скины перебирать? – недовольно спросил Юра. –

Не парьтесь вы так.

Он-то уж точно не парился. Юра всегда играл за варвара-минимаксера. Оставлял среднюю ловкость, до единичек урезал интеллект, мудрость и харизму, а все освободившееся кидал в силу и выносливость. Получался непрошибаемый суперсилач, с трудом способный произнести собственное имя.

– Я есть Гук! – воскликнул он, тщетно пытаясь говорить басом. – Кому ломать башка?! –

– Юр, мы еще не начали, – напомнила Аня.

– Ты красивая, – притворно пустил слюну Юра.

Гриша машинально бросил двадцатигранник и снисходительно сказал:

– Шесть. Провал. Плутовка в ответ на флирт выплескивает тебе в лицо пиво.

– Э, дай я сам брошу! – схватил дайс Юра.

– Юр, у тебя харизма один и никаких бонусов. У тебя даже на двадцати будет провал.

– А если дважды двадцать?

Гриша с сомнением посмотрел на Аню. Аня с сомнением посмотрела на Юру.

– Давайте начинать, – немного нервно сказал Алеша. – Я не хочу опять до утра сидеть.

Гриша вскрыл пакет чипсов, сунул туда пальцы и немного картинно хрустнул золотистой кругляхой. Обведя игроков пристальным взглядом, он произнес:

– Вы стоите перед воротами Долорбина, древнего города dwarфов, когда-то затмевавшего Мирабар и Адбар. Триста лет ни одна живая душа не тревожила покой этих подземелий. Но прошел слух, что в глубинах мертвых руин осталось таинственное сокровище – Рог Негалекха. Короли шести держав отправили славнейших из своих чемпионов, чтобы те совместно добыли Рог или доблестно пали, пытаясь это сделать.

– Что мы видим? – деловито спросила Аня.

– Вы видите тяжелые мифриловые ворота, исписанные вязью рун.

– Мэллон, – сразу сказал Алеша. – И мифрил – очень дорогой металл, из него вряд ли стали бы делать ворота.

– ...Так сказал самоуверенный волшебник, не зная, что то был древний город неприлично богатых dwarфов, о доходах которых этот нищий чародей, вчерашний ученик, не мог и мечтать, потому как есть в мире числа, которые трудно уместить в человеческой голове, – с удовольствием произнес Гриша.

– Ладно, а «мэллон» сработало?

– Нет. Вы в Фейруне, а не в Средиземье.

– У нас есть ключ? – спросила Аня. – Никто из королей нам не выдал ключа?

Игроки стали просматривать свои инвентари. Они заметили, что Гриша что-то дописывал в их листах персонажей.

– У меня есть какой-то рубин, – сказал Потап. – Я его себе не выбирал, так что он явно квестовый.

– Я осматриваю ворота, – сказала Аня. – Анализирую надпись. Я могу ее прочесть?

– Нет, ибо надпись сия сделана на языке древних dwarфов, а ты его не знаешь.

– У меня есть знание древних языков, – ткнул в свой лист персонажа Алеша. – Я пытаюсь прочесть надпись.

– Кидай на успех.

Выпала семерка, и Гриша милостиво сказал, что волшебник сумел расшифровать надпись. Потом следопыт обнаружил выемку, идеально подходящую под его рубин, и команда наконец вошла внутрь.

На этой неделе Гриша был загружен работой, поэтому накатал классический данж. Просто заброшенные подземелья dwarфов, с кучей лута и мобов. Тут была и нежить, и всякие призраки, и большая шайка разбойников, и культисты из числа тех dwarфов, а самое главное – орки. Очень много орков.

Потап, который играл с Гришей не в первый раз и знал, насколько неровно тот дышит к оркам, избранным врагом взял именно их. И теперь его следопыт особенно легко их обнаруживал, находил слабые места, наносил повышенный урон.

– А вот у меня вопрос, – сказал Алеша. – Если тут все было закрыто, [цензура], мифриловыми воротами чудовищно богатых маленьких олигархов – откуда тут внутри орки и разбойники?

– Вопрос понял, отвечаю, – нашел нужный абзац в своей распечатке Гриша. – Разбойники и культисты – выродившиеся потомки славных предков, запертые в проклятом городе и живущие мародерством, разбоем и каннибализмом.

– Так, а орки там как оказались?

– Тоннели прорыли, со взрывчаткой.

– То есть мифриловые ворота – это напрасная трата средств?.. Тут можно, оказывается, туннель просто прорыть?

– Алешенька, не пытайся поймать меня на неувязке. Не просто туннель, и не просто прорыть. Империя орков рыла его много лет и использовала секретные достижения своей темной науки. Породы, окружающие город Долорбин, очень тверды. Это в основном гранит. Таким образом Долорбин был защищен самой природой. А ворота – это не только защитное сооружение, но и... ну типа статус придавали. Понял?

– Ну понял, ладно. А почему мы не через орковский туннель вошли?

– Потому что там миллион орков, – уже раздраженно ответил Гриша.

– А в городе их сколько?

– Вы входите в очередной темный зал, – вместо ответа сказал Гриша. – Его потолок исчезает во тьме, ваши факелы выхватывают из мрака испещренные рунами стены.

– Кидаю на обнаружение, – тут же сказал Потап.

Выпало аж девятнадцать, и следопыт сразу разоблачил очередной отряд орков, притаившийся в темноте. Гриша развернул лист с планом зала, дал тридцать секунд, чтобы расставить миниатюры, а потом начался бой. Выстроились как обычно – впереди всех варвар, на флангах паладин и амазонка-священница, тыл прикрывают следопыт и плутовка, а в центре надежно спрятана стеклянная пушка – волшебник.

Когда с орками было покончено, и с них собрали лут, Гриша сказал:

– Из зала ведут три двери. Одна возвращает вас обратно, вторая – широкий туннель, из которого пришли орки, третья маленькая и неприметная.

– Мы идем к маленькой и неприметной, – сразу решила Аня.

– Она заперта.

– Пытаюсь вскрыть замок. М-м-м... два.

– Замок не раскрыл тебе своих секретов.

– Я пытаюсь выбить дверь, – сказал Юра. – Гук крушить!

У него выпала шестерка, но Гриша выкрутил прочность двери на максимум, и этого не хватило. Потап тогда сказал:

– Осматриваюсь. Что есть рядом?

– По бокам двери стоят бронзовые статуи. Это воины в доспехах – один с мечом, руки второго пусты.

– Надо вставить меч! – догадалась Наташа.

– Тогда статуи оживут и нападут на нас, – сказал Потап. – Правда же, Гриша?

– Голос Господа не отвечал воззваниям следопыта, – мрачно ответил гейм-мастер. Но по его лицу сразу стало понятно, что Потап угадал.

– У меня есть ножовка с алмазным напылением, – сказала Аня, просмотрев инвентарь. – Я подпиливаю статуям ноги.

После этого они вставили безоружному истукану один из орковских мечей, дверь открылась, а големы ожили, но с подпиленными ногами рухнули, едва сделав шаг. Гриша излагал это буквально сквозь зубы, недовольный, что его ловушку разгадали вот так сходу.

– Вы думаете, что я вас не переиграю? – пробормотал он. – Что я вас не уничтожу? Я вас уничтожу.

Гриша не любил, когда игроки проходили испытания с помощью собственных знаний, а не своих персонажей. Они слишком хорошо усвоили, что в данжах Гриши ничего не бывает просто, что везде таится подвох – и у него все реже получалось их подловить.

Время перевалило за полночь. Игра шла своим чередом, экспа текла ручьем, мягкий голос гейм-мастера обволакивал помещение, выпивались все новые чашки чая. Юра и Наташа успели поцапать из-за лута, а Аня нагрубилась Тане, когда та выбросила единичку и вместо отхиливания едва не убила плутовку.

Но в целом модуль проходил нормально, и часам к трем ночи обещал закончиться. Просто коротенькое подземелье на один раз, чтобы опробовать новых персов.

– Если будем снова играть этим составом, я все-таки возьму престиж-класс, – пообещала Наташа. – Наверное, черного рыца-а-а-а!..

Она завопила и вскочила – да и остальные тоже завопили. Тишину и спокойствие ролевки нарушила лопнувшая труба... и хлынул из нее кипяток!

Грише сильно обожгло руку, но остальных не задело. Что гораздо хуже, прорыв случился аккуратно напротив прохода, и ребята оказались заперты!

Потап бросился в заднюю часть антикафе, к эвакуационному выходу. Но тот, как и положено, был закрыт на замок и завален металлической решеткой.

– Да твою ж!.. – пнул дверь парень.

Юноши и девушки заматались, все сильнее паникуя. По полу тек кипяток, подбирались все выше. Гриша подвывал, держась за обваренную руку.

И тут в стене появилось... все семеро увлеклись фэнтези и ролевыми играми, так что сразу опознали в сияющей арке портал. И при других обстоятельствах они бы, может, еще поразмыслили, но сейчас в смертельной ловушке оказались не персы, а они сами.

И они вбежали в портал. И изумленно заморгали, оказавшись в огромном светлом зале, в конце которого раскинулся на подушках обнаженный, идеально сложенный мужчина с гордым волевым лицом.

– Приветствую вас, мои дорогие игроки... и гейм-мастер! – воскликнул он хорошо поставленным голосом.

Так Гриша, Юра, Алеша, Потап, Аня, Наташа и Таня впервые встретились с Хальтрекароком. И пока они растерянно на него тарасились, тот с нескрываемым удовольствием рассматривал их.

Темному Балаганщику понравилась их сговорчивость. Понравилось, что они так охотно вошли в его портал – обычно игроки колебались даже перед лицом смертельной опасности.

Хальтрекарок ведь не мог просто похищать каждого, кого захочется – неважно уж, для арены или для гарема. Здесь применялись те же правила, что и в обычной жатве. Обычно он либо забирал души второй и третьей категории, либо получал формальное согласие, либо призывал тех, кому и так предстояло вскоре погибнуть. С полей битв, из зачумленных городов, с тонущих кораблей, из-под носа хищников и убийц.

Нет, когда очень уж хотелось, он нарушал правила, но умеренно, в пределах разумного. Он же не Тьянгерия все-таки.

Отреагировали его новые гости по-разному. Большинство – ожидаемо, стандартно. Паника, растерянность, недоумение. И лишь один юноша, полный и с жидковатой бородкой, смотрел на Хальтрекарока с затаенным восторгом, а на его лице все шире расплывалась улыбка.

И это был тот самый, что интересовал Хальтрекарока сильнее всех. Остальные ему были не нужны, в общем-то. Он прихватил их просто в качестве игроков и легко мог заменить кем угодно.

А вот на этого пухлого у него были особые планы.

Так что Хальтрекарок первым делом убрал лишних. Щелкнул пальцами – и шестеро из семи переместились в камеру повышенной комфортности. Не в ту яму, где содержался легко-заменяемый расходный материал, а для особых пленников, на шестом этаже.

Что же до седьмого... он испугался, конечно, когда исчезли его друзья. Задрожал, втянул голову в плечи. Но Хальтрекарок закинул ногу на ногу, воспарил в воздухе и великодушно объяснил, как ему повезло.

– Я... я правильно понял? – переспросил этот счастливчик. – Ты... вы... вы что-то вроде Мао-сама... короля демонов?..

– Я демолорд, – подтвердил Хальтрекарок. – Да, вроде короля демонов.

– А... и тебе... вам нужен... я?.. – почти сладострастно спросил Гриша.

– Именно так.

В голове Гриши замелькали сцены из бесчисленных аниме-тайтлов, где героя, обычного школьника или уже взрослого неудачника сбивает грузовик-кун... лопнувшая труба с кипятком вполне годится на эту роль. Правда, Хальтрекарок не очень походил на прекрасную добрую богиню, зато вполне тянул на темного властелина, который ищет давно потерянного сына или просто нуждается в наследнике.

Гриша почти забыл, как адски болит обваренная рука.

Правда, оказалось, что наследник Хальтрекароку все-таки не нужен. И даже ученик не нужен. Гриша уже испугался, что это все-таки яойный тайтл, тем более, что король демонов был абсолютно наг и остался с ним тет-а-тет.

Но дальше его ожидал приятный сюрприз. Королю демонов требовалось не его тело, а его интеллект и творческие таланты.

Он искал... гейм-мастера!

– Ты согласен? – для проформы спросил Хальтрекарок.

Согласен ли он? Согласен ли он?! Да Гриша всю жизнь ждал этой минуты!

– Да, – пискнул он, стараясь не выдать своих чувств.

– Ты сделал верный выбор, юный смертный. Но перед тем, как я позволю тебе помочь мне в разработке нового шоу, тебе предстоит доказать, что ты того заслуживаешь.

Следующие несколько часов Гриша ходил за Хальтрекароком хвостиком. Он на все таращился, всему удивлялся и все запоминал. Ему все безумно нравилось. Он восхищался каждым элементом дворца, восторженно пищал при виде каждого нового демона, а наложницы вызывали у него дрожь в коленях. Хальтрекарок создал себе гарем, гарем в реале – и Гриша проникся к нему огромным уважением вперемишку с завистью.

Еще большей завистью он проникся, увидев могущество своего нового... повелителя?... учителя?... сойдемся на работодателе. Тот летал, как другие ходят, мгновенно переносился куда пожелается, творил чудеса по щелчку пальцев. Обваренную руку он вылечил Грише походя, заметив, как неловко тот ей действует, как морщится при каждом движении. Просто убрал боль, вылечил ожог – и все щелчком пальцев!

О своих друзьях Гриша как-то незаметно для себя забыл. Ему даже не пришло в голову спросить, куда они делись – так восхитило его это чудесное место.

Может, он умер и попал в рай для отаку?

Хальтрекарок не сразу перешел к собственно тому, для чего притащил сюда Гришу. Ему так понравилось его неподдельное восхищение и преклонение перед ним, Хальтрекароком, что он незаметно для себя начал хвастаться. Показывать все чудеса своего великолепного дворца, сокровища, слуг. Похвалиться собственным могуществом, как бы между делом творить мелкие чудеса и смотреть, как искренне радуется им смертный.

Хальтрекарок невольно проникся симпатией к этому убогому существу.

Но потом он все-таки вспомнил, для чего тот здесь, и перенес в свою личную ложу. Показал арену, показал лабиринт, научил, как заглянуть с трибун в любой его уголок, и предложил высказаться.

– Ага, то есть это бэтл-роял? – сразу ухватил суть Гриша. – Королевская битва?

– Иногда. Но я не закидываюсь на чем-то одном, мой юный друг. Каждую неделю правила меняются, каждую неделю новое состязание. На следующей неделе я хочу устроить нечто вроде того, во что вы играли в том подвале. Только вживую.

Гриша сглотнул и потер быстро влажнеющие руки. У него сразу захватило дух от открывшихся перспектив. А тут еще и Хальтрекарок начал менять свой лабиринт, преобразовывать его... господи, это же стены Долорбина, древнего города dwarфов! Гриша в точности так его себе представлял... откуда Хальтрекарок узнал?!

– Я должен подготовиться, – торопливо сказал он. – Нужно написать модуль, отработать сценарий, отредактировать рулбук...

Хальтрекарок милостиво кивнул и пригласил своего гейм-мастера разделить с ним трапезу. И Гриша, разумеется, охотно согласился, хотя и робел.

Еще сильнее он робел от того, что за пиршественным столом возлежали жены Хальтрекарока. Три с лишним десятка красавиц, причем далеко не все принадлежали к роду людскому. Гриша жадно пялился на всяких демониц и монстродев, не забывал уписывать за обе щеки, но все же гораздо сильнее он был поглощен мыслями о своей будущей ролевке... живой ролевке!

Его это полностью поглотило.

– Ловушки и чудовища в лабиринте уже есть, – все смелее говорил он Хальтрекароку. – Надо только добавить им параметры и лут. И разложить бонусы.

– Лут?... Бонусы?... – недопонял Хальтрекарок.

Гриша стал объяснять – и Темный Балаганщик мгновенно уяснил принцип. Его восхитила идея того, что из побежденных монстров могут вываливаться трофеи. Не просто их личное оружие или что-нибудь в этом роде, а именно трофеи, причем не связанные с самими монстрами.

Расставить в лабиринте сундуки с добычей ему тоже показалось интересным. Позволить игрокам не только страдать и гибнуть, но и иногда выигрывать. Получать ценные подарки, чтобы становиться сильнее и... интереснее.

Это лежало на поверхности, это было таким очевидным. Почему Хальтрекароку никогда не приходило это в голову?

Но кое-какие аспекты он все-таки еще не понимал.

– Монеты?.. – переспросил демолорд. – Какие монеты?

– Золотые, серебряные... – замялся Гриша. – Что используют демоны вместо денег?

– Я знаю, что такое монеты, – перебил его Хальтрекарок. – Но зачем они в шоу?

– Ну как зачем? Для торговцев.

– Гриша, для смертного ты довольно толков, но все-таки ужасно глуп и недогадлив, – покачал головой Хальтрекарок. – Оружие и доспехи в качестве даров имеют смысл – их тут же можно использовать. Целебные зелья им тоже, безусловно, пригодятся. Но никаких торговцев в лабиринте нет, так что монеты не нужны.

– Так я это и пытаюсь объяснить! – уже совсем уверенно сказал Гриша. – Надо добавить торговцев! Хотя бы одного!

– Торговца в лабиринте?.. Откуда он там возьмется и что будет там делать?

– Откуда возьмется – неважно. Это волшебный торговец, он просто есть. Он торгует с приключенцами. Покупает у них ненужные вещи дешево и продает нужные дорого. Он может либо сидеть на одном месте, либо появляться время от времени. Перед самыми тяжелыми испытаниями.

– Теперь я понял твое предложение. Но это будет излишним. Зрители заскучают.

– Да, конечно, вы правы, мой господин, – тут же согласился Гриша. – Но что тогда насчет экспы? Будут ли игроки получать опыт?

– Опыт?..

– Да. Мы можем добавить... Систему?.. – с придыханием спросил Гриша.

Наложницы глядели на них с недоумением. Они давно не видели своего мужа и повелителя настолько чем-то увлеченным.

– Ты только посмотри на этих двух отаку, – шепнула Сидзука Лахдже.

– Они нашли друг друга, – кивнула Лахджа.

Грише хватило пары дней, чтобы подробно, в мельчайших деталях расписать большое приключение. Он осторожно поинтересовался у Хальтрекарока, можно ли будет часть его перенести на открытый воздух и вообще ввести иные локации, кроме подземелий. Лесную, городскую... а еще Грише давно хотелось провести игру в декорациях стимпанка.

Хальтрекарок сказал, что можно. Его драгоценный лабиринт – штука гибкая и может преобразоваться во что угодно, а пространство там можно расширить и изогнуть, как пожелается. Но это он велел оставить на потом, а сначала – пробное шоу, классическое.

И когда Гриша его закончил, дело осталось за малым – игроками.

– О, насчет этого не беспокойся, – сказал Хальтрекарок. – Игроков у нас полно.

– Но им тоже придется объяснять правила игры...

– Не придется, они их уже знают.

И вот тут Гриша впервые вспомнил о своих друзьях... ну как друзьях?.. Они просто вместе играли в настолки. И все же Гриша немного смутился, когда увидел их вот так, сверху вниз, сидя в личной ложе Хальтрекарока.

Юра, Алеша, Потап, Аня, Наташа и Таня стояли на арене, и вид у них был растерянный. Они три дня провели в камере, где им ничего не объясняли, ни о чем не рассказывали. Они поняли только, что попали в какое-то адское место, населенное демонами. Наташа все время плакала, Алеша тщетно пытался найти сеть, Потап и Юра безуспешно расшатывали прутья.

А теперь их наконец-то выпустили – но стало еще хуже. Встреча с Гришей поначалу их обрадовала – они-то думали, что его давно нет в живых, – но потом... потом Гриша открыл рот.

– Они не сумеют в реальную ролевую, – сказал он с беспокойством. – Они же хлипкие, мой господин. В живые ролевые играл только Потап, но у нас же там все понарошку, с жестяными мечами.

– Ах да, жалкие смертные с их жалкими играми, – снисходительно произнес Хальтрекарок. – Но ты, вижу, все еще не понял, кто я такой, Гриша. Сейчас все будет так, как должно.

В воздухе повисли листы персонажей, которые Хальтрекарок тоже спас из того подвала. А Гриша с замиранием сердца стал ждать очередного чуда. Друзья на арене что-то гневно ему кричали, но он не слушал, боясь пропустить тот самый момент.

Предстояло нечто особенно важное. Эти шестеро – из реального мира, они тоже земляне. Если волшебство Хальтрекарока подействует и на них... значит, все взаправду.

И оно подействовало. Демолорд щелкнул пальцами – и игроки превратились в своих персов.

Высокий, но дрищеватый Юра стал настоящей мясной горой, огромным полуголым варваром с низеньким лобиком. В глазах отразилась паника – внутри-то он остался самим собой, но думать стало ужасно сложно.

Вот Алеша и Потап почти не изменились. Только первый облачился в синий халат со звездами, а второй – в кожаные доспехи. Они оба не стали заморачиваться и дали персам собственную внешность.

Зато Аня резко уменьшилась. Ее плутовка была халфлингом, и теперь она тоже стала халфлингом. Кудрявой карлицей с мохнатыми ступнями.

Изменениям подверглись и Наташа с Таней. Первая, как и Юра, обросла мускулами, хотя и не так радикально, а у второй волосы побелели, а уши стали остроконечными. Священница-амазонка Тани была полуэльфом.

Разумеется, они закричали. Особенно громко и панически – Аня.

– Это... это навсегда?! – возопила она, глядя на свои ноги.

Хальтрекарок не удостоил ответом глупую карлицу. Искоса поглядывая на восхищенного Гришу, он продолжал творить реквизит для нового шоу.

Оружие. Доспехи. Украшения. Инструменты. Зелья. Все это появилось на игроках, в их карманах и вещевых сумках (многомерных, конечно), и приобрело в точности те свойства, которые были описаны в листах персонажей. Хальтрекароку это не составило труда.

Потом он снабдил их профессиональными навыками. Фехтование, стрельба из лука, взлом замков и все остальное, что у них было. Оформил это в виде информационных Ме, скорректировал мышечную память. Плутовке добавил маленькое Ме Скрытности.

Сложнее всего оказалось с заклинаниями волшебника и молитвами священницы и паладинши. Их оказалось слишком много, и дать столько Ме смертным не мог даже Хальтрекарок. У них бы просто разрушились их жалкие однословочные души.

Да и не собирался он входить в такие расходы, мощные Ме обходятся недешево.

Поэтому он пошел тем же путем, которым демоны создают колдунов. Дал всем шестерым ограниченный доступ к своей ба-хионь. Ровно в той степени, чтобы срабатывали их способности.

В точности так, как описано в правилах. Только те, которые были в их листах персонажей. И только пока они находятся на игровой территории.

– А теперь, Гриша, дело за малым, – ослепительно улыбнулся Хальтрекарок. – За тобой. Покажи, какие испытания ты придумал для своих друзей.

Глаза Гриши светились от восторга, пока он в подробностях описывал модуль, который набросал за эти дни. Хальтрекарок довольно кивал, а вот будущие игроки все сильнее волновались, нервничали и ненавидели Гришу.

– Самое главное – соблюсти баланс, – торопливо говорил Гриша. – Мы не хотим, чтобы приключение стало детской прогулкой, но и чтобы все сразу же померли, мы тоже не хотим. Монстры должны быть выдержаны точно под уровень игроков...

– Гриша, Гриша, Гриша, Гриша... – поморщился Хальтрекарок. – Сейчас ты снова огорчаешь меня своей глупостью. Я занимаюсь этим десять тысяч лет, а ты пытаешься учить меня азбучным истинам?

– Простите, мой господин, я поневоле увлекся, – торопливо поклонился Гриша.

– Энтузиазм – это хорошо, Гриша, – отечески сказал ему Хальтрекарок. – Но помни, что профессионал должен оставаться профессионалом.

– Глубокая мысль, мой господин! – восхитился Гриша.

– Ты его еще в жопу поцелуй, говнюк! – заорал снизу Потап.

– Гриша, напomini-ка, что за роль играет в моем представлении этот бесстрашный смертный, – спокойно сказал Хальтрекарок. – Сильно ли пострадает шоу, если я превращу его в сэндвич?

– Сильно, к сожалению, – развел руками гейм-мастер. – Потап – это следопыт. Как вы точно изволили заметить, он бесстрашный лидер пати... команды. Он ведет разведку, задает направление пути, у него высокие лидерские качества, высокая харизма и прокачанный навык убеждения. Обычно он берет на себя переговоры, а также имеет решающий голос, если разделятся мнения. Кроме того, между нами говоря, по квенте у него есть тайна происхождения, и я планировал для них всех глобальный квест, связанный с претензиями Потапа на трон...

– Я тебя услышал, – прервал его Хальтрекарок. – Успех шоу превыше всего, разумеется.

Гриша облегченно выдохнул. Ему все-таки не хотелось, чтобы господин убил его друзей. Конечно, они сами виноваты, что злят его, Грише тоже не понравились слова Потапа... но Гриша потом накажет Потапа сам. В рамках игры.

И несмотря на то, что сейчас Гриша спас Потапу жизнь, благодарности тот не испытал. А когда началась репетиция, эти шестеро окончательно возненавидели бывшего приятеля.

– Сучий Эдмунд, – бубнила Аня. – Продал нас за рахат-лукум.

– Рахат-лукум?... – не поняла Таня.

– Ага, рахат-лукум. Похиль меня.

Они уже проходили модуль с этим дварфским городом. Только на бумаге – но все же это помогло на первом этапе. Для репетиции Гриша использовал уже готовые записи, так что залы, монстры и ловушки оказались ребятам знакомы.

И это было, в общем, даже интересно. Как очень-очень реалистичный VR. Хальтрекарок так накачал игроков информационными Ме, что они немного даже утратили связь с реальностью. Отчасти ассоциировали себя с собственными персонажами.

Особенно пострадал Юра. Его интеллект упал до единички и теперь он на полном серьезе разговаривал так, как раньше разговаривал его варвар. Односложно, самыми короткими фразами. Здоровенный битюг крошил своим двуручником орков и скелетов, и те сразу же исчезали, растворялись в воздухе.

А вот Алеша все еще не освоился. У него, наоборот, в голове появилась куча какой-то чепухи, и он никак не мог ее переварить. Его заклинания теперь действовали, но строго по правилам D&D, причем той редакции, которую использовал Гриша, а он модифицировал некоторые моменты под себя. Алеша впустую истратил весь свой запас, пока разбирался, что к чему, и теперь шел балластом, ожидая отдыха. У него остался посох, но он наносил такой мизерный дамаг, что в бой волшебника просто не пускали.

На отдыхе Алеша заново заполнил ячейки заклинаний. У него появилась волшебная книга, и чтобы колдовать, нужно было заранее все выбрать. И теперь Алеша выбирал гораздо тщательней, чем во время обычной игры, потому что видел, как Аню проткнул насквозь скелет и как Юру едва не сожгло ловушкой, которую не заметил Потап.

Пока он выбирал заклинания, Наташа и Таня хилили остальных, Потап молча смотрел в пустоту, а Аня обхватила колени руками и тихо плакала. Ее охватывало отчаяние, когда она смотрела на свои ноги и на своих друзей, ставших почти вдвое ее выше.

– Ты все равно красивая, – сказал Юра, неловко касаясь ее плеча. Аня перевела на него взгляд, посмотрела на дебиловатую улыбку варвара и зарыдала еще громче.

Хальтрекарок наблюдал за происходящим из личной логи, и пока что с интересом – но ему постепенно становилось скучно. Шоу придется исправить, переносить эту игру смертных в лабиринт как есть нельзя. Это не то, что увлечет зрителей на много часов.

В обычных крысиных бегах тоже бывают активные периоды и спокойные – но там обычно десятки участников, и в любой момент с кем-то происходит что-то интересное. А эти уже целый час просто сидят и ничего не делают. Это Тьянгерия любит неделями наблюдать, как ее питомцы просто выживают день ото дня, но шоу Хальтрекарока длится всего несколько часов, и в эти часы нужно вместить как можно больше событий.

– Нет, Гриша, это не то, – покачал головой Хальтрекарок. – В это интересно играть – но не наблюдать со стороны.

– Как раз подумал о том же самом, мой господин, – преданно закивал гейм-мастер. – Что если нам добавить случайные встречи?

Хальтрекарок выслушал предложение Гриши, довольно улыбнулся и сказал:

– Какой ты веселый паренек. Я давно искал кого-то вроде тебя.

Гриша от этих слов аж запунцовел. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким счастливым.

А вот игрокам случайные встречи не понравились. Теперь их судьбу определял сидящий в ложе Хальтрекарок. Гриша отдал ему свою колоду случайных встреч, научил пользоваться дайсами – и демолорд усвоил все с полуслова.

– Можно и мне бросить, господин? – умильно попросил Гриша, сверля дайсы жадным взглядом.

– Конечно, Гриша, – передал их ему Хальтрекарок. – Это же твои друзья.

И насколько веселились Хальтрекарок с Гришей – настолько же злились игроки. После того, как из воздуха в третий раз вывалились какие-то рогатые уроды, которые сходу почти убили Наташу, Потап яростно заорал:

– Гриша, ты там совсем охерел?!

– Не слушай их, Гриша, – сказал Хальтрекарок. – Ты же всегда этого хотел.

Гриша неуверенно кивнул. Ему все-таки было немного неловко перед ребятами. У них же никто не спрашивал согласия, да и в целом как-то быстро все завертелось.

С другой стороны – ничего страшного с ними не случится. Они же не умрут... наверное. Они теперь прокачанные приключенцы, у них настоящее оружие и магия, да и вообще это только репетиция. Проблем быть не должно. У Тани вообще есть Воскрешение, хотя и с большими штрафами.

– Господин, можно хотя бы лишить ее воскрешающей способности? – подал голос невесть откуда взявшийся рыжий кот. – Это обходится недешево, знаете ли.

– Совнар, Совнар, Совнар... – покачал головой Хальтрекарок. – Что за крохоборство? Не узнаю... а, нет, узнаю тебя. Типичный Совнар.

– Господин, если давать игрокам возможность воскрешать друг друга, шоу становятся особо затратными. Возвращение к жизни – одна из самых дорогостоящих процедур.

– Совнар, у этого заклинания суточный откат, – сказал Хальтрекарок, глядя на лист персонажа Тани. – Такая мелочь меня не разорит.

– Мелочь... господин, ваш капитал складывается из мелочей, – процедил кот.

– Совнар, пойди понуди где-нибудь еще, – поморщился Хальтрекарок. – Ты сбиваешь меня с творческого настроения.

Демонстрационный модуль Гриши шестерка игроков прошла довольно быстро, и Хальтрекарок остался доволен. Разглядывая своих новых участников, он милостиво улыбнулся и промолвил:

– Полагаю, вы гадаете, что вас ожидает теперь.

– Нас отпустят? – с надеждой предположила Аня. – Отпустят и... и расколдуют?..

– Нет-нет, глупенькая, для этого пока еще рано, – лучезарно улыбнулся Хальтрекарок. – Это была всего лишь репетиция. Вам еще предстоит участие в моем шоу... в качестве приглашенных гостей.

И когда наступил вечер синедня, когда по всему Паргорону стали вспыхивать кэ-очи, когда чуть ли не в каждом доме зазвучал громкий, хорошо поставленный голос Темного Балаганщика, шестерым землянам вновь пришлось выйти на арену. Гриша смотрел на своих друзей из личной ложи Хальтрекарока и держал за них кулаки, потому что... ну, в этот раз противники им достались намного тяжелее.

– Дамы и господа! – гремел Хальтрекарок. – Сегодня мы представляем вашему вниманию игру игр, чемпионат за титул сильнейшего... но не просто очередную битву или иное соревнование! Сегодня перед вашим взором предстанут те, кого вы почитаете больше всех на свете, кого любите и боготворите... да, вы не ослышались, сегодня сами демолорды спустились на алый песок моей арены, чтобы посоревноваться по новым правилам... итак, встречайте!

Воистину гениален оказался замысел Хальтрекарока. Просто живая ролевка позабавила его, но он быстро понял, что в нее гораздо интересней играть самому, чем наблюдать.

И он предложил поиграть в нее... другим демолордам.

Желающие нашлись. О, желающие еще как нашлись. Многим демолордам нравилось горячить кровь, временно ограничивая свое могущество и соревнуясь подобно простым смертным. Все обожали жмурки с наложницами, любили и другие подобные игры, но сегодня Хальтрекарок предложил попробовать кое-что новенькое – и первыми, конечно, откликнулись гохерримы.

Джудабедан, Гаштардарон, Бракиозор, Янгфанхофен, а также Корграхраэд и Ключерштатен. Чистокровные и полукровки, они составили воистину блестящую команду. Сейчас, правда, никто не узнал бы в них гохерримов – они не только «связали» свою демоническую силу, но и приняли облик смертных, людей. Скрыли под миражами именные клинки и примерили на себя новые роли, выбрав из классов, услужливо предоставленных Гришей.

Джудабедан стал монахом. Гаштардарон – воином. Бракиозор взял на себя роль паладина. Янгфанхофен великодушно согласился стать бардом. Корграхраэд принял мантию друида. Ну а Ключерштатену, конечно, больше всего понравились функции плута.

Успешно собралась и вторая команда, причем сплошь из волшебников. Человеческие облики приняли Бекуян, Ге'Хуул, Ксаурр, Каген, Сурратаррамарадар и Гариадолл... Впрочем, Гариадоллу меняться не требовалось, да он и не сумел бы.

Эта команда, в отличие от гохерримов, не стала выбирать из готовых классов. Каждый составил себе индивидуальный мультикласс, а Бекуян еще и притащил какую-то дополнительную редакцию правил.

– Знаешь, братишка, ты бы тоже мог поучаствовать, – укоризненно сказал Хальтрекарок Фурундароку. – Внести, так сказать, свой маленький вклад в общее дело.

– И кем бы я там был? – ядовито осведомился Фурундарок. – Метательный младенец? Я же не могу превратиться в кого-то другого!

– Можно было бы построить сюжет вокруг тебя. Герои спасали бы маленького наследного принца, милого крошечного сироту...

– Нет, – отрезал Фурундарок.

– Почему же?

– Потому что. Мне девять с половиной тысяч лет, а ты хочешь, чтобы я занимался такой чепухой.

– Брат, тебе не может быть девять с половиной тысяч лет. Мне уже больше десяти тысяч, а ты на полвека меня старше. Ты сам все время об этом напоминаешь.

Фурундарок наморщил младенческий лобик и принялся загибать пальцы. Постепенно его лицо становилось все более и более разъяренным.

– Я старше, так что не поправляй меня, – огрызнулся он наконец.

Фурундарок сам не мог сказать, в какой момент сбился и стал отсчитывать свой возраст не с рождения, а со дня становления демолордом. И теперь, когда он внезапно осознал столь долго тянувшееся заблуждение, его это не на шутку разозлило.

Ну а в третьей команде по-прежнему были земляне – и им, в отличие от демолордов, было очень страшно. Сейчас арена сильно отличалась от той же самой арены во время репетиции. Трибуны кишели демонами, которые орали, ревели, источали скверну и проливали на головы нижесидящим пиво.

Алеша нервно потирал руки, Аня мелко дрожала, Потап ссутулился и с опаской поглядывал на команды соперников. И только паладин Наташа стояла, гордо вскинув голову. Законопослушно-добрая, с очень высокой харизмой, она еще и наложила на себя ауру отваги.

– Не совсем понимаю, зачем там еще обычные смертные, – сказал Фурундарок, вальяжно попивая молоко. – Суть Древнейшего, кому они будут интересны?

– Это контрольная группа, – рискнул подать голос Гриша. – У них уже есть опыт в подобных играх, так что...

– Хальтрекарок, что это за жирный свинтус, который посмел разинуть пасть без разрешения? – перебил его Фурундарок. – Что, половозрелых женщин тебе уже недостаточно, решил все-таки расширить диапазон?

– Он не наложник, – отмахнулся Хальтрекарок. – Он мой консультант.

– А, так ты не сам это придумал, – понимающе сказал Фурундарок. – Я так и думал. Жалких потуг твоего мозга уже не хватает, и ты обратился за помощью к смертным. Что ж, это было только вопросом времени.

– Я бы обиделся на твои слова, если бы не знал, что они продиктованы твоим чувством собственной неполноценности, – покачал головой Хальтрекарок. – Не надо так, Фурундарок. Будь выше этого.

– А почему это нас ослабили, а их усилили? – поинтересовался Ключерштатен. – Как же мы сможем их гарантированно победить? Мы же привыкли просто шпынять смертных, а теперь что – битва на равных? Гаштардарон расстроится.

– Ключерштатен, ты слишком рано вжился в роль! – насмешливо ответил Хальтрекарок. – Друзья мои, готовы ли вы к величайшему приключению в вашей жизни?!

– Вопрос! – вскинул руку Гаштардарон. – Мы можем убивать членов своих команд?

– Конечно, можете! Но помните, что вы – команда, и потеря каждого члена сильно снизит ваши шансы на победу!

– Мамочка, я наконец-то нужен, нужен настоящим гохерримам! – притворно утер слезу Ключерштатен. – Они взяли меня в свою игру!

Янгфанхофен аж скрипнул зубами, а Корграхраэд расхохотался.

– Господа, господа, не отвлекаемся! – хлопнул в ладоши Хальтрекарок. – Зрители ждут! Зрители жаждут! Внимайте мне, я изложу вводную нашей сегодняшней игры! Вы – три конкурирующие группы авантюристов! Все вы являетесь соперниками друг другу, потому что в сем лабиринте скрывается великое сокровище, которое нельзя разделить на части, и достанется оно только кому-то одному... но кому?!

– Что за сокровище? – желчно осведомился Каген. – Я здесь только потому, что ты обещал нечто, что меня интересует.

– Золотой кубок, доверху полный условок! Триста тысяч полновесных условок!

– Куш соблазнительный, – согласился Каген. – Ради этого я согласен побегать на потеху толпе. Но что будет, если победят смертные?

– В таком случае я дешево отделаюсь, – лучезарно улыбнулся Хальтрекарок. – Условки останутся при мне, а смертные получают жизнь... свободу... ну и сам кубок. Он огромный и золотой... они любят этот желтый металл.

Демолорды переглянулись и захихикали. А об ногу Наташи потерлось что-то мягкое и пушистое. Опустив взгляд, она увидела рыжего кота, прижимающего лапку ко рту.

– Я вам буду помогать, – раздался еле слышный шепоток. – Будете слушаться – вернетесь домой.

И вот так началось это великое приключение. Для самих игроков они просто вошли в сырое, темное подземелье, где мрак рассеивали лишь факелы на стенах, да светились кое-где плесень. Для зрителей же, особенно сидящих в вип-ложе, внизу распахнулась детальная панорама, и каждый мог смотреть на происходящее с любого ракурса.

Три команды вошли с трех разных входов. Иначе гохерримы сразу бы просто напали на остальных, как делают всегда. А Хальтрекарок не хотел заканчивать шоу слишком быстро, он запланировал огромное сложное испытание. Каждой команде предстоит пройти долгий и тернистый путь, прежде чем они получают возможность схлестнуться за кубок.

Демолордов Хальтрекарок предупредил, что каждый, кто применит демоническую силу свыше предусмотренного правилами, немедленно выбывает. Истинный облик принимать нельзя, собственные клинки применять нельзя. Джулдабедан по-прежнему был вооружен шестом, Гаштардарон мечом, а Бракиозор топором, но это были другие шест, меч и топор, почти что обыкновенные.

Но даже так – для демолордов это было просто развлечение. С высокими ставками, но ведь без проигрышей. Они не могли погибнуть, не могли потерять ничего серьезного. Их команды вышагивали весело, перешучивались друг с другом и Хальтрекароком, который комментировал каждый их шаг.

Но совсем с иным настроением крались по лабиринту смертные. Их вооружили до зубов, им дали волшебную силу, но они все равно оставались смертными – и у них было всего одно воскрешение.

А если погибнет Таня, то и ни одного.

Так что они двигались предельно осторожно, прошупывая каждый камень, все время готовые броситься наутек.

– И вот герои зашли в очередную темную залу! – провозгласил Хальтрекарок. – Чу, дорогие зрители, вы слышите эти таинственные шепотки?.. Влажное шуршание и шелест... давайте посмотрим, что предпримут наши герои!

– Пошли-ка назад, – сказал Потап, тоже услышавший этот комментарий.

Остальные единогласно его поддержали, все шестеро развернулись и зашагали искать другой путь – а трибуны зашлись в разочарованном шуме.

– О-о-о, какое трусливое решение! – покачал головой Хальтрекарок. – Но наш лабиринт не любит трусов! А вы их любите, мои дорогие зрители?!

– НEEEEЕТ!!! – заревели хором бесчисленные демоны.

– И вот теперь герои никогда не узнают, что их ждало в той темной зале, кому принадлежали те шепотки – зато узнают, что по пятам их шли... что скажет наш дорогой гейм-мастер?

Гриша торопливо показал карточку случайной встречи, и та вспыхнула посреди арены. Шестерка черепов пару мгновений померцала, а потом устремилась вниз, в многомерные пространства лабиринта, где воплотилась в виде шести огромных скелетов.

Совсем иначе играли гохерримы. Эти собирали по пути все битвы. Лезли в любые подозрительные места. Без страха вламывались прямо в ловушки. И каждый раз безмерно радовались, когда на них нападали.

– О, смотри, какая таинственная арка! – засверкал глазами Гаштардарон. – Там наверняка что-то интересное!

– Она не выглядит таинственной, – флегматично сказал Бракиозор. – Она состоит из черепов, и по ту сторону все усеяно костями. Очень, очень много черепов.

– Мы обязаны проверить, что там, – решительно заявил Джулдабедан. – За мной!

– Тут ловушка, – сказал Ключерштатен. Он, отыгрывая плута, сохранил за собой демоническое зрение.

– Да что ты? – хмыкнул Гаштардарон. – Неужели Балаганщик настолько коварен, что установил в таком месте ловушку? Уж не шутишь ли ты, Хромец?

– Эта ловушка настолько очевидна, что я попадусь в нее чисто из принципа, – шагнул вперед Бракиозор.

Ловушка оказалась необычной. На первого, кто проходил через арку, разом нападали все черепа. Просто взлетали и начинали грызть.

Но первым прошел Бракиозор. Отыгрывая паладина, он вложил все очки в защиту и стал воистину несокрушимым танком. Урон черепа наносили ему откровенно смешной – он просто пер напролом и орудовал топором.

– Гохерримы, как обычно, игнорируют все решения проблемы, кроме силовых, – сварливо произнес Ключерштатен. – Я мог просто обезвредить ловушку. Надо было мне напроситься в другую команду.

Другая команда тем временем буквально струилась по коридорам, избегая почти всех битв. Их персонажи не были особенно хороши в драках, зато набрали кучу других способностей. Бекуян видел все сокрытое от обычных глаз, Ге'Хуул мгновенно расщелкивал любые загадки. Основным дамагером был Ксаурр, танковал Сурратаррамаррадар, Каген заботился о саппорте, а Гариадолл... Гариадолл играл вяло и без интереса. Он даже не взял никакой определенной роли, составив какой-то очень заковыристый мультикласс.

– Я уже играл в подобные игры, – устало сказал он после очередной случайной встречи. – Несколько раз, в разных мирах.

– Ну и что? – осведомился Каген. – Сейчас ты играешь с нами, и тебе лучше постараться, если ты хочешь, чтобы я... чтобы мы получили приз.

– Да не больно-то он мне и нужен, – пожал плечами Гариадолл.

– Отлично, в таком случае твою долю заберу я, – быстро сказал Каген.

– На каких это основаниях? – промурлыкал Ксаурр.

– Как директор Банка Душ.

Ксаурр тихо рассмеялся, и ему вторил Сурратаррамаррадар. Бушуки. Каген недолюбливает Хальтрекарока, считает его одним из самых убыточных демолордов и никогда не посещает его шоу, но вот – появилась возможность что-то поиметь, и он здесь, впереди всех.

– Я не заработаю эти деньги, господа, – терпеливо объяснил Паргоронский Купец. – Я их спасу. Спасу от возмутительного растранивания.

Сурратаррамаррадар рассмеялся еще громче. Кавардак сейчас принял стабильный облик, выглядел безупречным человеком, и только по его волосам периодически пробегали всполохи.

– Впереди ловушка, – сообщил Бекуян, тоже шагающий в облике человека. – Стандартная шахматная формация. Черно-белая диагональ.

– Мне известна эта ловушка, – прокомментировал Ге'Хуул. – Она музыкальная, присутствует в перечне. Чтобы отключить, необходимо исполнить соответствующий танец. Вдвоем.

– Хальтрекарок! – поднял голову Каген.

– О-о-о, как иронично, что именно такая ловушка досталась нашей группе почтенных старцев! – раздалось с небес. – Экономисты, мыслители, философы – и вот теперь им нужно сплясать диско, если они желают пройти дальше!

– Давай руку, Шутник! – ослепительно улыбнулся Сурратаррамарадар.

Они потрясающе танцевали, оба. Над коридором и всем лабиринтом играла музыка, несло пение на каком-то иномирном языке, а два демолорда отплясывали в унисон. Кавардак – увлеченно и самозабвенно, отдаваясь музыке всем естеством. Великий Шутник – с безразличным, почти что снулым лицом, но движения его были настолько искусны, что демоницы на трибунах визжали от восторга.

Хальтрекарок оглядел зрителей даже с некоторой ревностью. Он не любил, когда фокус внимания смещался с него на кого-то еще... но что поделаешь, это Гариадолл. У него нет такого великолепного гарема, он давно не интересуется и даже отталкивает от себя женщин, но тем активней они почему-то к нему липнут. В древнем демолорде они видят этакое печального принца и постоянно пытаются стать той самой, что развеселит уставшее от жизни создание.

– Слушай, так это же не диско, – неожиданно распознала музыку Лахджа. – Это что, Джамирокуай?

Гриша глянул на нее с изумлением. Он не ожидал, что кто-то здесь узнает его любимого исполнителя.

Он вообще втайне вставил в модуль несколько отсылок, которые понимали его друзья, но не зрители. Гохерримам как раз встретился Пирамидоголовый – и даже для них он оказался трудным противником. Вторая команда демолордов столкнулась с лангольерами. А на Потапа, Юру и остальных напало газебо – и это был очень странный бой.

А потом всем трем командам встретился алтарь в виде щупальца с красным шаром. На табличке над ним была надпись: «*Пожертвуй огнем! Поставь факел, если ищешь путь в бездну!*». И если земляне при виде него лишь хмыкнули, пошептались и прошли мимо, то гохерримы послушно сделали, что написано... и надо было видеть, как орала трибуны при виде Тьманника! Хальтрекарок сотворил очень убедительное подобие.

– Он мой!!! – заорал Джулдабедан, орудуя шестом.

– Жадный старик, тут хватит на всех! – почти оттолкнул его Гаштардарон.

Их обоих снесло колоссальным щупальцем, а Ключерштатен аж согнулся, схватившись за живот от смеха.

Бой оказался очень тяжелый. Бракиозор, Гаштардарон и Янгфанхофен рубили щупальца, Джулдабедан отбивал удары шестом, а Ключерштатен прыгал за его спиной и тыкал шпагой.

При полной демонической силе они бы смели эту тварь, едва заметив. Но добровольно урезавшись до обычных, хотя и очень боеспособных смертных, они едва сами тут не полегли. Хальтрекарок орал, радуясь каждому удару, а трибуны ревели то в восторге, а то в разочаровании – зависело от того, кто на что поставил.

Они все-таки зарубили Тьманника. Но времени потратили уйму, а потом долго сидели, хилились и отдувались.

– Без демонической силы ощущение такое, словно я инвалид, – покачал головой Гаштардарон. – Где Хальтрекарок вообще откопал такую тварь? Я бы там погостил.

– На вкус как поргул, – произнес Янгфанхофен, пробуя кусочек щупальца. – Только мутировавший.

– Итак, наша команда Бравых Вояк закончила бой! – прозвучало с небес. – Но они потратили много времени, и теперь другие команды сильно их опережают!

– Наверное, надо ускориться, – произнес Корграхраэд. – Бои – это хорошо, но я расстроюсь, если проиграю в самом соревновании.

Другие команды действительно шли с опережением. Они-то не ввязывались в каждую стычку, не стремились перебить всех монстров в лабиринте. А земляне еще и были сильно мотивированы – им единственным в случае поражения угрожала отнюдь не игровая гибель.

Они разгадывали головоломки. Решали загадки. Им в целом давалось все легче, чем остальным, потому что Гриша не использовал ничего нового. Все это уже встречалось в их предыдущих сессиях, и большую часть они помнили.

Например, когда им встретилась дверь в виде огромного холодильника со множеством ручконок, Аня быстро прощелкала их в нужном порядке. Она помнила этот алгоритм с детства. В то же время гохерримов пазл заставил попотеть – без демонической силы они не могли просто выудить ответ из ноосферы. Они справились, но пару минут голову поломал даже Ключерштатен.

Зато у третьей команды затруднений не возникло совсем. Ге'Хуул бросил на ручки один взгляд и бесстрастно произнес:

– Нужно повернуть все ручки с нечетной суммой. Один, три, четыре, пять, девять, десять, двенадцать, тринадцать, пятнадцать и шестнадцать.

Даже без демонической силы мозг кэ-миало оставался мозгом кэ-миало. Решение оказалось верным, и Хальтрекарок громко восхитился интеллектом Глобального Разума.

– Воистину ты достойный наследник Саа'Трирра! – воскликнул он. – Мы все тебе рукоплещем!

Ге'Хуул никак не отреагировал на комплимент. В человеческом обличье он выглядел странновато – с пустым взглядом, безвольно обвисшими руками. Величайший из кэ-миало выбрал для себя класс чародея-псионика, чтобы можно было левитировать, потому что разбираться с мышцами, костями и прочими излишними деталями ему не хотелось.

А вот Бекуян в теле человека двигался уверенно, лишь самую малость неуклюже. Ему-то уже доводилось принимать подобный облик, иногда подолгу выдавать себя за смертного. Он испытывал к столь неправильной форме отвращение, но он почти ко всему испытывал отвращение.

Увы, прискорбно мало во вселенной шарообразных предметов. А шарообразных существ – и того меньше.

– Не трогай этот алый шар, – с легкой угрозой произнес Бекуян.

– Но тут написано, что мы должны поставить факел, – сказал Гариадолл. – Я хочу взглянуть, что случится.

– А я не хочу нарушать эту идеальную форму.

– Во мне пробудилось любопытство. Оно очень редко во мне пробуждается.

– Это просто ловушка, – сказал Бекуян, просвечивая алтарь Безошибочным Взглядом. – Если выполнить рекомендацию, появится чудовище, и нам придется сражаться.

– А, опять сражаться... – разочарованно отвернулся Гариадолл. – Я ожидал от Хальтрекарока большего.

– Прости, Гариадолл, с годами твой вкус стал настолько изысканным, что даже я уже не в силах ему угодить! – чуть уязвленно воскликнул Хальтрекарок.

Бекуян без труда обнаружил еще несколько ловушек. Он взял сложный мультикласс волшебника, совмещенного с плутом, с подклассами сыщика и мистического ловкача. Успешно действовать таким нагромождением новичку было бы нелегко, но Бекуян справлялся.

– Итак, господа, команда Тихих Умников по-прежнему опережает Бравых Вояк! – вещал Хальтрекарок. – Кажется, те снова ввязались в какую-то драку... ох, как же они их любят! Даже Корграхрад... а ведь сколько раз заверял меня, что ему скучны все эти гохерримские забавы! Но нет, господа, кровь – не водица, даже наполовину гохеррим остается гохерримом... если, конечно, это не Ключерштатен! Извини, Хромец!

– Да ничего, я не в обиде! – ослепительно улыбнулся Ключерштатен.

В этой драке он участвовать не стал. Пока пятеро остальных рубились с толпой зомби, Ключерштатен сидел на камушке и размышлял, не бросить ли ему команду. Один он дойдет быстрее даже на одной ноге.

Правда, Хальтрекарок сказал, что победа должна быть общей. Жаль. Триста тысяч условий – соблазнительный приз даже для демолорда... особенно если не делить их на шестерых.

С другой стороны – с этими увальнями он все равно проиграет. Они вообще не поняли сути игры, им неинтересен приз. Они просто наслаждаются процессом, пытаясь полностью зачистить лабиринт.

Один монстр вообще их не заметил, прошел мимо! Но Гаштардарон погнался за ним и в очередной раз втянул всю команду в битву!

И ведь то была непростая битва! Они потеряли еще минуты три... три минуты, которые другие команды вряд ли истратили так же бездарно!

Будь Ключерштатен действительно смертным авантюристом, в облике которого пребывал, он бы вряд ли отделился от остальных. Не в этом лабиринте, кишасщем опасностями. Тут любой нормальный человек будет держаться поближе к четырем придуркам и Янгфанхофену...

– Только не говори, что тебя Ключерштатен в число придурков не включил, – перебил Бельзедор.

– А какое мне дело до того, что там думает Ключерштатен? – недовольно осведомился Янгфанхофен.

Но Ключерштатен не был смертным авантюристом. Он был демолордом. Даже в самой худшей ситуации ничего серьезного ему не грозит. Достаточно приложить усилие, чтобы разорвать правила Хальтрекарока.

Так что... он тихонечко поднялся и ускользнул дальше по коридору.

Если догонят – скажет, что просто отправился на разведку.

А земляне тем временем спокойно и уверенно продвигались вперед. Битв старались избегать, сил излишне не тратили. Передохнули ровно один раз, недолго. Они-то, в отличие от демонов, рисковали своими жизнями и ужасно переживали.

– Ребят, давайте просто выживем, – тихо сказал Потап, когда они сделали короткий привал. – Выживем – и вернемся домой.

– Все будет хорошо, – сказала Таня, прижавшись покрепче к Алеше.

– Все у вас будет хорошо, если поднимете зады и пойдете дальше, – раздался сердитый голосок из-под ног. – Свернете в следующий поворот направо, и заранее приготовьтесь драться с цепным аргером. Я ему намекнул, чтобы смотрел в другую сторону, но если именно в этот момент Хальтрекарок обратит на вас внимание – драться придется.

– Спасибо, – поднялся Потап.

– Не стоит благодарности. Я делаю это не ради вас, а ради хозяина.

Рыжее пятно промелькнуло – и исчезло в тених. Неслышный для зрителей шепоток стих. Он уже не раз советовал, куда лучше свернуть, как лучше пройти трудное место. Игроки послушно следовали этим рекомендациям – и пока что не пожалели.

Благо за ними особо-то и не следили ни зрители, ни Хальтрекарок. Иногда он для порядка обращал внимание и на них, одарял своими искрометными шутками, но большая часть взглядов была прикована к другим командам.

В конце концов, это всего лишь смертные. Они в этом лабиринте бегают каждую неделю, и вряд ли именно сегодня покажут что-то новое. А вот демолорды, целых двенадцать демолордов... о-о-о, такого фурора шоу Хальтрекарока не имело много веков!

И потому многие на трибунах удивились, когда эти самые смертные первыми подошли к финальному этапу. В самом центре лабиринта Хальтрекарок сформировал трехстороннюю испытательную полосу – и воистину громадную.

– Ого, – только и сказал Алеша.

– Дальше я вам ничем помочь не смогу, – раздался знакомый голос. – Не подведите меня!

Снова заиграла музыка. Теперь – торжественная, бравурная. Запели скрипки, засвистели флейты, застучали барабаны. Хальтрекарок, словно дирижер, взмахивал руками – и наполнял небеса симфонией. Пылали разноцветные салюты, гудели трибуны, демоны раскачивались из стороны в сторону – и Темный Балаганщик был в центре этой фантазмагии.

– Мы приветствуем первых финалистов! – провозгласил он, взлетая в воздух. – Вы первыми достигли цели – и первыми испытаете удачу! Вы настоящие герои, вы чемпионы, вы – команда! И кубок почти ваш, осталось только взять его, осталось только добраться!

Из земли стала вздыматься ступенчатая пирамида. Все выше и выше, и на каждой ступени – свои препятствия. Клокотала лава, потоками текла слизь, разевали страшные пасти куржуи, хлестали щупальцами хищные кусты. Хальтрекарок щелкал пальцами, расшвыривая испытания, разбрасывая ловушки десятками.

А на самой вершине, на крохотном пятачке засветился огромный золотой кубок. Он был раза в три выше кубка мира ФИФА и наверняка стоил каких-то бешеных денег.

– У нас командное соревнование, поэтому для победы все шестеро должны добраться до верха, и все шестеро должны коснуться кубка! – провозгласил Хальтрекарок. – Если, конечно, кто-то не погибнет или не откажется от участия... но и приза он тогда не получит!

– А можно выйти без приза?! – прокричал Потап.

– Без приза?.. – удивился Хальтрекарок.

– Да, просто на свободу, домой!

– Вы не поняли! – рассмеялся Хальтрекарок. – Ваша свобода и ваша жизнь – это часть приза! А теперь бегом, бегом! Вперед, мои дорогие, и каждому я лично желаю удачи! Тем более... у нас уже прибыла вторая команда!

С другого конца арены вышли еще шестеро. Судя по малому росту одного из них – то были Тихие Умники. И этот, который малого роста, сразу уставился на кубок, потер руки и скомандовал:

– Вперед!

– Технически капитан команды – я, – сказал другой, высокий и сухопарый. – Так что... вперед.

Третья команда отстала от них всего на волосок. Когда до гохерримов дошло, что из-за желания истребить по пути все живое они могут не успеть к финалу, они резко ускорились.

Но, увы, все равно пришли последними.

– Ах, позор моим сединам, – произнес Джулдабедан. – Мы выиграли столько битв... но в итоге проигрываем войну!

– Еще одно свидетельство того, что не всегда для победы нужно вступать в схватку! – прокричал Хальтрекарок. – Иногда лучшая битва – та, которой удалось избежать! Сегодня мы многому научились, дорогие зрители! Скажем за это спасибо нашим дорогим гостям-гохерримам!

Гхьетшедарии на трибунах залились хохотом, а вот гохерримы затопали ногами, засвистели.

– Учитель, и ты ему это спустишь?! – вскочил на ноги какой-то юноша.

– Ни за что, Темердедбек! – указал на него Джулдабедан. – Лучшая битва – та, которая длится вечно!

– ДААААА!!! – заревели гохерримы, салютуя клинками. А молодой Темердедбек шлепнулся на место в восторге от того, что Учитель Гохерримов его помнит.

Тем временем земляне уже карабкались вверх, преодолевали ступень за ступенью. Юра шел живым тараном, скользил в жидкой грязи, один раз едва не упал – но сзади его подперла паладин Наташа. Потап и Аня прикрывали с флангов, Алеша торопливо перебирал оставшиеся заклинания, а Таня прыгала уже немного в стороне, разведывала путь. Ее полуэльфийская священница-амазонка здорово прокачала акробатику.

Их тоже охватил кураж. Пылающие огни, рев трибун, гремящая музыка и звучный, чарующий голос ведущего – все это словно погружало в транс.

– О, кажется, одна из команд решила напасть на другую! – раздалось в небесах. – Что же, это не против правил, так даже веселее!

Юра едва не рухнул со ступеней. В него угодила вспышка – цветная переливающаяся вспышка Радужных Брызг. То был один из Тихих Умников – рыжий и веснушчатый, причем веснушки у него странным образом гуляли по лицу. Какой-то сложный гибрид волшебника, плута и монаха, он отделился от остальных, удивительно споро пробежал по кочкам в кислотной слизи... и нанес удар в спину!

– О-о-о, как коварно, господа! – прокомментировал Хальтрекарок. – И как искусно!

Алеша ответил встречным заклинанием – и завязалась драка. А пока Сурратаррамарадар отвлекал эту команду, Ксаурр напал на гохерримов. Он взял класс друида круга звезд, и сейчас принял дикую звездную форму. Почти такой же, как в своем истинном облике, Смеющийся Кот описывал круги, прыгал со ступени на ступень, угрожая столкнуть гохерримов вниз.

– Ха-а-а!.. – раскинул руки Корграхрадэад, тоже принимая дикую форму.

– О, господа, кажется, у нас тут битва друидов! – оживился Хальтрекарок. – Вы только посмотрите на этих зверюг – сейчас из кого-то полетит шерсть!

– Они почти дошли до верха! – взмахнул шестом Джулдабедан. – Недомерок, кончай с ним и догоняй!

Действительно, Каген, Гариадолл, Бекуян и Ге'Хуул уже почти добрались. Они отправили самых ловких и быстрых членов команды отвлечь соперников и воспользовались драгоценными секундами, чтобы увеличить разрыв.

Но ни Ксаурр, ни Сурратаррамарадар не могли долго занимать целую команду в одиночку. Смеющийся Кот нанес Корграхрадэаду несколько ударов и полетел вверх, оставаясь в дикой форме. Кавардак швырнул еще несколько заклинаний, наслал на кого-то Замедление и Слепоту, и тоже хотел отступить – но тут в него врезалась Наташа. Паладинша поскользнулась, удар пришелся по касательной, но все равно вышел удачным. Сурратаррамарадар оступился и полетел вниз, в бездну...

...И оказался в вип-ложе.

– Извини, Кавардак, ты погиб, – посочувствовал ему Хальтрекарок.

– Угощайтесь канапешками, господин, – сунула ему поднос Абхилагаша.

Сурратаррамарадар только рассмеялся, возвращаясь к своему обычному непостоянному виду. Замелькали все новые лица, перетекали друг в друга облики, менялись цвета кожи и волос, менялась одежда, менялось все вообще.

– Спасибо за приглашение, Балаганщик, – сказал он, беря канапе руко... клешне... щупаль... рукой. – Я приятно провел время.

– Не в прошедшем времени, Кавардак, – вскинул руку Хальтрекарок. – Впереди еще фуршет. Лахджа, что ты делаешь с этой штукой?

– Ничего, – торопливо убрала скальпель демоница. – Пока что. Господин Сурратаррамарадар, вы так легко превращаетесь... а можно мне... немного вашего биоматериала?..

– Я бы с радостью, но он тут же истает или застынет, – улыбнулся ей демон Хаоса. – Это не биологическое.

– А, это не природное... а в чем тогда суть?

– С удовольствием объясню, – развалился в кресле Сурратаррамаррадар. – Фурундарок, надеюсь, ты ставил не на меня?

– Вот еще, – огрызнулся летающий младенец. – Я не ставлю на неудачников.

– А на кого ты поставил?

Фурундарок только ухмыльнулся, с интересом глядя на арену.

Там все сражались со всеми. «Гибель» Сурратаррамаррадара запустила цепную реакцию. Демолорды воочию увидели, что потеря члена команды не означает проигрыша – и более того, уцелевшим участникам достанется больше!

Хальтрекарок до последнего умалчивал об этом, потому что прекрасно понимал, что тогда команды мгновенно распадутся.

Сплоченной осталась только команда смертных. Эти ничего не выигрывали от смерти друг друга, поэтому продолжали карабкаться вверх, ни на что не отвлекаясь. Им приходилось все тяжелее – самые верхние ступени были покрыты слизью так, что не получалось стоять, приходилось ползти, цепляясь за что попало.

Ребята все время соскальзывали. Заклинания у них почти закончились, да и не было среди них ничего для такой ситуации. Аня цеплялась своей кошкой с крюком, подтягивалась сама и помогала остальным... но они все равно то и дело срывались!

– Татьяна почти дошла, она цепляется за ступени! – восклицал Хальтрекарок, паря над их головами. – Давай, прекрасная амазонка, покажи этим увальням-демолордам, чего стоит победа! Давайте, господа, поддержим Татьяну аплодисментами!.. а, нет, поздно!.. не всегда, не всегда гладкие ладошки – это хорошо!

Таня, летящая через три ступени на четвертую, ответила матом пополам с рыданиями. По пути она сбила Юру, Алешу и Гаштардарона, а Рыцарь Паргорона, не растерявшись, раскинул резко руки и сбил еще четверых.

Хальтрекарок сочувственно покивал и воскликнул:

– Не правда ли, мы многому сегодня научились, господа? Эта лестница – великолепная метафора мирских страданий! Путь наверх всегда тернист, а всякий, кто падает, стремится увлечь за собой в бездну всех, кого может!

Лахджа смотрела на него с легким изумлением. Ее каждый раз поражало, насколько различаются Хальтрекарок в обычной жизни и Хальтрекарок во время шоу. Когда он ведет представление – то словно совсем другой демон.

В такие моменты он ей почти нравился.

Почти.

Последние стадии превратились в пытку для всех, кроме Ге'Хуула. Он единственный взял левитацию, так что без труда пролетел над скользкими ступенями. Но когда он протянул руку к кубку... в него начали стрелять все!

– Убери руки от моего кубка! – громче всех орал Каген.

– Мы часть одной команды, – напомнил Глобальный Разум, ставя псионический щит. – Мы выиграем, даже если... а, меня убили.

– Критический урон! – восхищенно воскликнул Гриша.

Удар нанес Ключерштатен. Гохерримы как-то и позабыли о его существовании – он отделился от команды еще в лабиринте, опередил всех, невидимкой прокрался наверх и каким-то образом оставался незамеченным даже здесь, на самом верху, прямо перед взглядом Хальтрекарока.

Тот аж опешил, когда Хромец появился из ниоткуда и пронзил Ге'Хуула шпагой. Хорошо еще, что не своей именной, а выданной в начале игры.

– Почему его не заметил даже я? – посмотрел на Гришу Хальтрекарок.

– Видимо, он все очки вложил в скрытность, – развел руками гейм-мастер. – Но вообще я... я не знаю, господин. Это вы воплотили игру в реальность, я только правила придумал.

– Ключерштатен, у нас тут появились подозрения, что ты немного сжульничал! – воскликнул Хальтрекарок.

– Да я бы не смог, ты бы сразу почувствовал, – ухмыльнулся Хромец, протягивая руку к кубку... и падая. Хальтрекарок щелкнул пальцами, и ему под ноги вылилось целое ведро слизи. – Издеваешься над калекой, Балаганщик?!

– Не все в этой жизни так просто, Ключерштатен! – помахал пальцем Хальтрекарок. – Быть может, ты и не жульничал... быть может, ты наконец добился успеха своими силами... но ты не сумел его удержать! Увы, увы, наш мир жесток к калекам!

Трибуны зашлись в хохоте. Ключерштатен летел вниз по ступеням, пересчитывал их подбородком, гневно матерился и пытался ухватиться за кого-нибудь – но его все пихали ногами.

– Господин, а можно и мне тазик этих соплей? – подобострастно спросил Гриша.

– Конечно, – щелкнул пальцами Хальтрекарок.

– Какого х-хера, Гриша?! – выдавил Потап, уже почти схватившийся за верхнюю ступеньку.

– А можно еще?!

– Сколько угодно!

Гриша хотел было плеснуть снова, но замер. Он дернул Хальтрекарока за локоть и торопливо сказал:

– Господин, а будет еще зрелищней, если это будем делать не мы, а красивые девушки!

Хальтрекарок на миг задумался, а потом его лицо просветлело. Он посмотрел на гейм-мастера с нескрываемым удовольствием и сказал:

– Древнейший, Гриша, где ты пропадал столько лет? Тебе следовало родиться демоном!

Гриша зашмыгал носом, с трудом сдерживаясь, чтоб не заплакать.

Он тоже, тоже всю жизнь так думал!

Последние минуты шоу превратились в безумную вакханалию. Крики, падения, взаимные обвинения, попытки убийства... временами удачные. Смертным очень, очень везло, что демолорды не воспринимали их как угрозу и не тратили на них время. Но Наташу все-таки зарубили в спину, когда она почти добралась до верха – и слава богам, что Таня все еще придерживала свое Воскрешение.

– Не лезьте туда, – вдруг снова раздался вкрадчивый шепоток. – Подождите, пока их станет меньше.

Совет рыжего кота услышали только смертные. И прислушались к нему. Наташа все еще хватала ртом воздух – став своим же персонажем, она не перестала чувствовать боль... и смерть была до ужаса реальной. Не сговариваясь, игроки ослабили рвение, позволили слизи увлечь себя ниже по ступеням – и стали смотреть, как продолжают бороться за кубок демолорды.

Теперь ведь это уже не было соревнование команд. Каждый стал сам за себя.

– Янгфанхофен, помоги... помоги взобраться!.. – взмолился Ключерштатен.

Янгфанхофен обернулся, окинул его ледяным взглядом и бросил:

– Я никогда не подам тебе руку.

– Так я и думал... – вздохнул Ключерштатен, пыряя его шпагой под колено.

Нога благородного демона подогнулась. Очень уж удачной была позиция гнусного предателя – он проткнул колено Янгфанхофена насквозь и тот упал, полетел вниз, все еще полный достоинства, но уже не способный ничего изменить. В полете он ухватил Ключерштатена за лодыжку, но только оторвал деревянную ступню и покатился с ней дальше.

А Ключерштатен, этот поганый паразит, интриган и урод, засмеялся своим козлиным, немужественным смехом... да что там смехом, верещанием!

– Да что вы ржете-то?!

– Извини, Янгфанхофен... продолжай...

Но потеря ступни бесследно для него не прошла. Даже принимая человеческий облик, Ключерштатен не мог просто сотворить себе новую ногу – та просто отказывалась восстанавливаться. Слишком глубоко сидела в астральном теле эта потеря, и любую попытку что-то исправить оно отторгало так же, как отторгают тела гхьетшедариев попытки видоизмениться.

И почти сразу после этого его убили. Бекуян парализовал его заклинанием, а Джулдабедан размозжил голову посохом. Ключерштатен перенесся в ложу для почетных гостей... а секундой спустя там же оказался и Каген.

– Ну вот, они убили инвалида и карлика, – раскинулся в кресле Ключерштатен. – О, канане!

– Я не карлик, – с отвращением сказал Каген. – Для бушука я среднего роста.

– Не будь таким занудным, Купец. Что-то мало осталось канане с красной рыбой...

Он поискал взглядом, но наложницы Хальтрекарока переместились в центр арены, поливали слизью рвущихся к кубку демолордов. Их осталось восемь, и команды давно перемешались.

Гаштардарон дрался с Джулдабеданом. Эти, кажется, забыли про кубок, отдавшись поединку. Прыгали по скользким ступеням, лупили друг друга мечом и шестом, каким-то образом удерживая равновесие и увертываясь от всех ударов.

Янгфанхофен, этот целеустремленный благородный гохеррим, упорно лез обратно. Где-то поодаль затаился Корграхраэд, тоже решивший обождать, пока соперников поубавится. Бракиозор равнодушно двигался к цели, равнодушно падал, равнодушно поднимался. Ксаурр, так и оставшийся в диком облике, пытался подобраться к кому-нибудь сзади, но на лестнице, пусть и широкой, это было тяжело.

До кубка почти добрался Бекуян – но ему подрубило ноги топором. Потом «погиб» и Бракиозор – до него добрался Ксаурр. Джулдабедана сжег синей вспышкой Гариадолл, а его пронзил разгневанный Гаштардарон. Он снова не смог выяснить, кто в Паргороне самый искусный фехтовальщик... а момент был такой удачный!

Гохерримы на трибунах тоже огорчились и разочарованно завывали. Они уже сделали кучу ставок, а многие и сами успели передрасться.

Теперь вверх лезли только четверо... и еще шестеро смертных, конечно. Они так и застыли десятком ступеней ниже вершины, держа сплоченную оборону. Хальтрекарок глянул на это с недовольством и воскликнул:

– Кажется, некоторые игроки не очень-то заинтересованы в победе! Я считаю, их нужно поторопить!

Он щелкнул пальцами... и пирамида поехала вниз. Стала погружаться в слизь... а, вот слизь вспыхнула, превратилась в кипящую лаву! Ступени исчезали одна за другой, и зрители глумливо хохотали.

Вот теперь только оживился Корграхраэд. В отличие от остальных гохерримов, он взял персонажем полуогра, и относительно легко удерживал равновесие. Крупный, массивный, Темный Господин вонзил в щель между ступенями трезубец и уверенно поднялся выше. И еще. На него прыгнул Ксаурр – но Корграхраэд удивительно быстро взмахнул оружием. Смеющийся Кот с размаху насадился на зубья – и улетел вниз, прямо в лаву.

– О, Ксаурр, привет, – поздоровался Сурратаррамаррадар. – Нам тут как раз новые закуски принесли.

Теперь в игре остались только гохерримы. Гаштардарон и Янгфанхофен молча заключили союз против коварного Корграхраэда и удерживали его плечом к плечу, медленно поднимаясь все выше.

– Мы все еще в одной команде! – напомнил Темный Господин. – Мы можем просто победить вместе, втроем! Прямо сейчас!

– Извини, Кор, сто пятьдесят тысяч условий лучше, чем сто, – ответил Янгфанхофен.

– Я запомню вашу позицию... но учтите, что полные триста еще лучше! – с силой ударил Корграхраэд.

Даже в обликах смертных – воздух гудел от напряжения. Наложницы перестали поливать ступени слизью, зачарованно глядя на этих благородных воителей.

– Лахджа, не филонь! – подтолкнула ее Сидзука. – Подливай побольше, чтобы наши победили!

– Но я не могу пакостить Янгфанхофену, он слишком прекрасен и мужественен! – отвела взгляд Лахджа, пытаясь унять сердечный трепет.

– Знаешь, Янгфанхофен, тебе и правда не стоит рассказывать истории о самом себе, – покачал головой Бельзедор. – Каждый раз начинаешь безбожно врать.

В Лахдже наконец-то пробудилась ее поганая демоническая натура. Она забыла о том, что Янгфанхофен – ее лучший друг, наплевала на его хорошее отношение и подло выплеснула целый таз слизи прямо ему под ноги. Падая, Паргоронский Корчмарь еще успел взглянуть ей в глаза – и был в его взгляде укор, но было и прощение. Он не держал зла на заблудшую душу.

Вот так и потерпел поражение тот, за кого болели все зрители. Лучший из лучших.

И дальше уже не особо интересно.

– Что, все? – спросил Бельзедор после продолжительного молчания.

– А что еще? Главный герой же погиб.

– Янгфанхофен, рассказывай до конца!

– О, вот и мой дражайший дядюшка! – поприветствовал Янгфанхофена Кюзерштатен. – А ты долго продержался. Даже не ожидал, Жиртрест.

И почти сразу после Янгфанхофена в ложе приземлился Корграхраэд. Слегка раздраженный, но все же ухмыляющийся. Резко увеличившийся, вернувшийся в свой демонический облик, он подался вперед и крикнул:

– Ты все равно опоздал, Рыцарь!

Гаштардарон и сам это уже видел. Он еще оборачивался, еще повертывался к кубку – а на него уже легла последняя рука. Пока демолорды спихивали друг друга со ступеней, смертные добрались до цели – и теперь кричали от счастья. Аня с Таней прыгали обнявшись, Алеша вытирал слезы, Юра оглушительно орал, размахивая кубком.

– Девчонки, а что это вы не подливали слизь в конце? – с иронией спросил Гаштардарон, глядя вверх.

– Да кончилась она, – сказала Лахджа, подавляя отрывку.

– А, ну-ну... – хмыкнул Рыцарь Паргорона. – Хорошая была игра, Балаганщик, я развлекался.

Хальтрекарок хлопнул в ладоши, и арена стала возвращаться к своему нормальному состоянию. Размерности расплетались, алый песок снова стал обычным алым песком, пирамида исчезала, центр лабиринта возвращался к своему реальному положению в пространстве.

– Поздравим наших победителей! – провозгласил Хальтрекарок, забирая кубок у Юры. – Первый среди них, разумеется – я, поскольку сегодня я выиграл триста тысяч условий и вывалял в слизи кучу жадных демолордов! Бесценные воспоминания для всего Паргорона!

Все зашлись хохотом, в том числе и сами демолорды. Корграхраэд шутливо погрозил Хальтрекароку пальцем, Кюзерштатен почти упал с кресла от смеха, и только Каген недовольно запыхтел.

Очень, очень недовольно.

– Надеюсь, вы все хорошо провели время! – воскликнул Хальтрекарок, вращаясь в воздухе. – Благодарю, что пришли, буду рад снова видеть всех через неделю! А наши победители получают самые дорогие сокровища на свете – жизнь, свободу... ну и этот кубок. Сами его там как-нибудь разделите.

– Пожалуйста, сделай нас прежними! – взмолилась Аня.

– Ах да, конечно, – шелкнул пальцами Хальтрекарок.

А потом снова шелкнул, создавая арку в пространстве.

– Можете идти, – махнул он рукой.

Демоны хмыкали, посмеивались и переговаривались. Темный Балаганщик и впрямь остался доволен сегодняшним шоу – смертных редко возвращают домой в полном составе. Зачастую Хальтрекарок и вовсе дарует им только жизнь, но не свободу – оставляет при себе, поиграть еще разок-другой.

Но сегодняшним участникам неслыханно повезло. Они торопливо проследовали к portalу, втроем таща огромный золотой кубок (Юра резко сдулся и уже не мог держать его в одиночку). Наложницы разбрасывали цветы, тоже радуясь, что у всех хорошее настроение.

– Теперь осталось наградить только тебя, – вспомнил о Грише Хальтрекарок. – Можешь вернуться домой со своими друзьями.

Гриша замялся, переводя взгляд с портала на Хальтрекарока. У него мелко дрожала нижняя губа.

– А что... я уйду... и все, и буду дальше жить как жил?.. – жалобно спросил он.

– Ну да. Как обычный смертный. Вы же именно этого все хотите?

– Я не хочу. Можно мне остаться?.. и можно мне тоже... демоном... стать?..

У Хальтрекарока аж слезинка выступила. Он умиленно поглядел на мнущегося Гришу, оценил его взгляд преданной собачонки и сказал:

– Можно. Тебе можно. Гриша, ты как мой давно потерянный сын. Только гораздо уродливее, чем мои кровные дети. Я бы тебя обнял, но... не хочу.

– Я... я... скажи, что я избранный! – прошептал Гриша.

– Что?..

– Ничего! Ничего, мой господин!

В этот раз Хальтрекарок не просто шелкнул пальцами. Он поднес руки к вискам Гриши, сосредоточился, напрягся – и по смертному пошли волны, а сам он истошно заорал. Несколько долгих, тягостных секунд Хальтрекарок вливал в Гришу Тьму... и кричал тот все громче!

– Не... не... не над... я пере... передо... – хрипел он между криками.

Но было уже поздно. Когда Хальтрекарок убрал руки, Гриша плюхнулся наземь... и снова стал медленно подниматься.

Его кожа порвалась. За несколько секунд она высохла, стала похожа на шкурку вяленого яблока. Теперь она слезала лохмотьями, а из-под нее выбирался новый Гриша... демон Гриша.

Прежде он был просто полным. Теперь стал жирным. Невообразимо жирным, с волнообразными складками по всему телу. Меж ними выдвинулись острые костяные ножки. Лицо разбухло во все стороны, хотя и осталось почти человеческим. Щеки обвисли, рот стал широким, с двумя кольцами зубов.

– Восстань, мой новый гейм-мастер! – все еще отдуваясь, произнес Хальтрекарок. – Теперь ты будешь по левую руку от меня!

– А почему не по правую? – прочкавал Гриша.

– Ты чем недоволен, фурункул ходячий?

– Я... я всем доволен, господин, – ощупал себя Гриша. – А... а у меня будет гарем?

Демолорды давно удалились на фуршет, зрители тоже расходились, а вот наложницы все еще стояли поодаль и с некоторым ужасом взирали на нового члена своей огромной семьи.

– Лахджа, тебя так же превращали? – шепнула Сидзука.

– Не, меня целый год трансформировали...

– Целый год... вот так?!

– Ну... не совсем так... но в целом... Господин мой, а я думала, ты не умеешь создавать демонов! – окликнула Хальтрекарока Лахджа.

– Почему это?! – возмутился Хальтрекарок. – Лахджа, ты меня оскорбляешь.

– Но меня же ты за этим к Мазекресс отправил. Сам не стал.

– Лахджа, Лахджа, – покачал головой Хальтрекарок. – Низших демонов может создавать любой демолорд. И даже не только демолорд. Можно просто зельем бушуков упиться. А вот произвести высшего демона, да еще высококлассного... за этим мы ходим к Матери Демонов.

– А, понятно.

– К тому же... я же не мог позволить тебе превратиться во что-то подобное. Грубая демонизация, знаешь ли... она не настолько контролируема, как нам бы хотелось. Наружу вылезает все, что сидит в потемках души... у Гриши, как видишь, много чего сидело.

– Да уж... – не могла оторвать взгляда от гейм-мастера Лахджа. – Это так мерзко... что даже завораживает. Как человек-морж или человеческая многоножка.

– Что такое человеческая многоножка? – заинтересовался Хальтрекарок.

Лахджа хотела было ответить, но тут же осеклась. Она уже несколько раз нечаянно стала так причиной новых шоу.

Но Хальтрекарок уже сам подглядел в ноосфере.

– А, я это уже делал, – отмахнулся он. – Ничего интересного.

Вот так простой смертный юноша Григорий Ляликов и стал мелким демоном на службе у Темного Балаганщика. Но пока он таковым становился, пока Хальтрекарок завершал непростую процедуру демонизации, демолорды беседовали за фуршетом – и беседу их тоже необходимо здесь привести.

– Полагаю, вы гадаете, зачем я попросил вас всех в этом поучаствовать, – сказал Корграхраэд, насаживая на вилку личинку Хлаа. – Зачем попросил вас, демолордов, владык Паргорона, бегать по лабиринту на потеху толпе. Зачем я сам, Темный Господин, карабкался по скользким ступеням, пока надо мной хохотала половина Паргорона.

– Затем, что это весело? – предположил Ключерштатен.

– Ради трехсот тысяч условий? – сварливо осведомился Каген.

– Не отрицаю, я позабавился, – согласился Корграхраэд. – И триста тысяч я бы взял с удовольствием, конечно. Но важнее иное. Я хотел взглянуть сам и продемонстрировать всем вам, как у нас, верхушки этого мира, с сотрудничеством. Скверно у нас с этим, господа. Посмотрите на себя. Даже гохерримы, наши благородные воители, мгновенно передрались, едва стало известно, что выигрыш увеличится, если расправиться с членами команды. Даже Янгфанхофен, лучший среди нас, повел себя как последняя паскуда и ударил меня ногой. Куда это годится?

– Это всего лишь игра, – улыбнулся Ксаурр. – Игры необходимы, чтобы выпускать пар. Время от времени.

– Игра. Но с высокими ставками. А избивая друг друга, мы добились только одного – проигрыша. Восторжествовали те, кто был ниже нас... настолько ниже, что мы их даже не замечали. Вообще не обращали на них внимания. И в результате мы потеряли все. Это и впрямь изящная метафора, вам не кажется? Балаганщик преподал нам сегодня неплохой урок.

Бекуян и Ге'Хуул переглянулись. Каген хмыкнул. Гариадолл покатал вино в бокале и пробормотал:

– Может, сын Аркродарока и не настолько глуп, как я всегда считал...

Интерлюдия

– В первой половине рассказа была куча непонятных слов, – заметил Дегатти, кормя попугая арахисом. – Матти просто не успевал переводить.

– Но ты же в целом все понял? Я уж не стал расшифровывать каждый термин.

– Да понял, понял. Но честно говоря, этой байкой ты только укрепил меня в моем мнении. Ну то есть да, в этот раз у смертных все закончилось хорошо – они все остались живы и здоровы, заработали кучу золота, а у одного, кажется, вообще сбылась заветная мечта... странный тип... но это же редкий случай, верно?

– Думаю, даже исключительный, – заметил Бельзедор. – Именно поэтому Янгфанхофен о нем и рассказал – продемонстрировать, что иногда и вот такое случается.

– Вот неправда, – замотал головой Янгфанхофен. – Неправда. Дегатти, ты что же, думаешь, что раз мы демоны, то спим и видим, как бы это сделать побольше зла?

– Многие так считают, – пожал плечами волшебник.

– Эти многие ошибаются. Мы не Бельзедор, мы не делаем вам гадости просто так, ради какого-то идейного Зла. В общем-то, мы точно такие же, как вы, просто не запертые в рамки моралей... и обладающие огромным могуществом. Ты бы вот сам каким был, получи ты могущество демолорда?

– У меня, конечно, Бриар всего лишь третьей степени и до демолорда мне далеко... – задумчиво произнес Дегатти, – ...но в сравнении с большинством обычных смертных я очень даже могущественный. Но моя совесть перед этими обычными смертными чиста. Кустодиан против меня ничего не имеет.

– Так это именно потому, что у вас есть Кустодиан и другие волшебники, сильнее тебя. Начнешь баловать – придут и дадут тебе по сопатке. А если бы этого всего не было? Если бы ты мог творить все, что пожелаешь, ни на кого не оглядываясь? Каким бы ты стал?

– Понятия не имею. Но ты же мне сейчас расскажешь, да?

– Да, у меня есть на примете одна забавная байка об одном простом смертном, молодом крестьянине, который... впрочем, давай я начну с самого начала.

Властью пестрого фазана

1365 год Н.Э., Парифат, Марюлия.

Люгоша перевернулся на другой бок и сладко потянулся. Ох и славный сон ему при-
снился! Будто стоит он по самые колени в золоте, да корона у него на голове королевская, а
весь честной люд ему славу кричит, восхищается мудростью своего нового короля. То-то при-
ятно было.

И еще во сне девка некая была. Кажись, королевская дочка. Люгоша ее не как следует
рассмотрел, потому что королевскую дочку и в глаза не видывал. Но уж верно она получше
крестьянских-то девок.

Люгоша бы и дольше спал, хоть и солнце уже взошло. На сеновале-то хорошо, мягко.
Сеном пахнет свежим, котейко рядом песенку мурчит. Ему тоже вздремнуть в охотку – так
одна радость.

Но дольше спать нельзя, батенька уже со двора кричит. И мамка тоже ему вторит, ней-
мется ей все.

– Люгоша, да что ж ты все дрыхнешь-то?! – раздалось уже прямо за дверью. – А ну,
подымайся!

Люгоша только поворотился, да зарылся поглубже в сено. Авось и не найдут так.

Нет, нашли. Батенька уж знал, что Люгошу всегда на сеновале найти можно, а если не
на сеновале – то в другом месте, где спится крепко. Три вещи Люгоша любил больше всего на
свете – спать вволю, есть досыта, да чесать, где чешется.

– Чесать, где чешется?.. – не понял Дегатти. – У него виши, что ли?

– Эвфемизм, думаю, – сказал Бельзедор. – Неожиданная цензура от Янгфанхофена.

– Не цензура, а местный говор, – сказал Янгфанхофен.

Только эти три вещи Люгоша и делал в охотку. Была б его воля – так только б ими и
занимался. Только родители что-то с каждым годом все чаще на него покрикивали, да все злей
бывали, когда Люгоша не в прыть бежал приказы их выполнять.

Один он у родителей-то остался. Брата в армию забрали, королево войско. Сестра замуж
вышла, за бортникова сына. Родители про него хорошо-то говорят – мол, и батеньке своему
помогает во всем, и пасеку расширил, и вообще юноша добрый и смиренный. А Люгоша-то и
не против, Люгоша очень даже рад, что сестрице такой муж хороший достался.

Он еще и медком всегда угощает, когда в гости придешь. Потому Люгоша к нему любил
ходить. Раньше вообще каждый день ходил, медку просил. Но потом родители чего-то нару-
гали, он и перестал ходить. Теперь так, иногда только мимо проходит, а если сестра во дворе,
то и спрашивает, нет ли медку лишнего.

А свои родители Люгошу медком не угощают. Только ворчаньем, да нравоучениями, да
все работой пытаются нагрузить.

– Ты, Люгоша, хоть свинью бы завел, – сказал батенька, когда он все же выбрался с сено-
вала. – Давай я поросю куплю, а ты его выходишь, выкормишь, да продашь.

– Не, батенька, лениво мне, – отмахнулся Люгоша. – Свинья – она тупая. Ничего не
делает, только спит да жрет. Не хочу я за такой скотиной ходить.

– Понимаю тебя, сынок, – вздохнул батенька. – Хорошо тебя понимаю. Ну пойди матери
помоги, корзины плести.

– Не, батенька, у меня пальцы неловкие, – отмахнулся Люгоша. – Да и не умею я бабье-
то дело делать.

– Так если не делать, то и не научишься. Ну хоть паданцы иди собирать.

– Эх, спину опять гнуть... Ну ладно...

Но паданцы Люгоша все-таки собирать пошел. Они вкусные бывают, их пока собираешь – то и есть можно.

Правда, дристал с них Люгоша каждый раз, но то дело понятное, коли немывое что есть – то и дрищеешь. Люгоша бы мыл, да лениво было. Это ж каждый раз с яблоком бегать надо к колодцу, а оно прямо сейчас в руке, так в рот и просится.

– А вот бы придумать такое заклинание, чтобы паданцы само собирало, – размечтался Люгоша, глядя на пустую корзину.

– Какое тебе заклинание, Люгоша? – вздохнул батенька. – Ты даже в школу храмовую ходить заленился. А волшебники всю жизнь учатся, да трудятся.

– А... а вот кабы волшебству учиться, так я б не заленился! – заупрямился Люгоша. – Это ж волшебство, а не ерунда какая!

– Люгоша, ты уже час паданцы собираешь – ни одного не собрал.

– Да я задумался просто.

– Об чем задумался-то на такой долгий срок?

– Да о том, что ерунда это – паданцы эти. Наносное. Ни к чему их и собирать, я думаю.

Батенька снова вздохнул и сказал, что коли Люгоша паданцев не наберет хоть две корзины, то и жрать сегодня не будет. Бить-то Люгошу родители никогда не били, а вот без еды оставляли, да в последнее время все чаще.

– Ты, Люгоша, коли ленивый такой, так ложись на землю, да и помирай, – сказал батенька. – Легче дела и захоти – не выдумаешь. А мы тебя вечно тянуть не будем. И так уж старые.

И ушел. А Люгоше до того обидно стало, что он и не собирал ничего, пока батенька не ушел. Из гордости. А как подальше отошел, да видать его перестал, то и начал все-таки – но тоже неохотно.

И думал Люгоша про себя обиженно, что батенька с маменькой сами его родили, а он и не просил. Что он – хотел крестьянским сыном родиться? Не хотел. Ни свиньи ему эти вонючие не нужны, ни паданцы эти, с которых один дрищ, да кисло во рту.

Он бы, может, лучше в королевском дворце родился. Королевичем. Вот тогда бы он уж все делал – и учился, и работал.

Потому что то работа такая, королевская. Важная, значит. Ее делать и не против совести вовсе, а очень даже в охотку.

И маменьку с батенькой он бы тогда уважал. Короля с королевой-то как не уважать. И помогал бы им во всем.

А этим-то чего помогать? Только гоняют, да орут. Родили себе работничка.

С утра в доме прибери, это сделай, воды принеси, да помоги батеньке забор чинить, да корову встретить, да сестре гостинца отнеси, да не сожри его сам по дороге...

Люгоша ничего обычно не делал, конечно. А когда делал, то так, из-под палки. Нужно было ему приказать три раза, а потом еще и четвертый – тогда только он немного пошевеливался. Хотя парнем был здоровым, крепким.

Сегодня вот он собрал все-таки одну корзину паданцев... как раз до обеда управился. Потом обед съел. А потом снова на сеновале спать завалился, пока еще что не наказали. А то с них станется – нарежь паданцы, да сушить выложи... Люгоша уж ученый, знает.

Но долго Люгоше в этот раз проспать не удалось. Батенька выкопал его из сена, оттащил за ухо, да велел за хворостом в лес пойти. А то осень уж скоро, а дровяник пустеет.

– Скоро на порубки ходить будем, – мрачно обещал ему батенька. – Я уже заметил сухостой кое-где. Но это потом, а сегодня просто хвороста набери, для бани.

– Да зачем баня-то, батенька? – лениво ответил Люгоша. – В реке помоемся.

– Осенью-то? Хочешь, чтоб родители от лихорадки раньше срока загнулись? Да и печь натопить надо.

– Да что проку ее топить-то, все равно потом остынет. Надо просто весны подождать, тогда само тепло станет. Солнышко согреет.

– Знаешь, иногда я спрашиваю твою мать – а не падал ли ты из люльки, пока я не видел? – сказал в сторону батенька. – Клянется, что нет. И если не пойдешь за дровами – будешь ждать весны снаружи, в дом не пушу.

Этого Люгоше не захотелось, потому как зимы в Марюлии холодные, да снежные. Зимой он не на сеновале валялся, а на печи, с котейкой. Котейка – один ему друг в этом доме, только он Люгошу понимает, да образ жизни его разделяет.

Хотя этот предатель иногда все-таки охотится за мышами. Выдывается. Приносит к порогу и складывает в грудку. Маменька тогда кота очень хвалит, да молочка ему подливает – а кот и рад.

Но пока-то до зимы далеко еще. Осень только началась, тепло, солнышко печет. Чего родители его так заранее за дровами гоняют, когда они вовсе и не нужны пока еще?

Хотя пока хворост собираешь, тебя и не видит никто. Люгоша первым-то делом вздремнул под деревом, пока солнышко высоко еще, потом почесал, где чесалось, а потом на муравейник набрел, на мурашей битый час паялился. Эвона их сколько, да все суетятся, дела свои делают.

Им бы медку капнуть, да посмотреть, как суетятся. Или гусеницу пожирнее. Но гусениц рядом не было, а медку Люгоша и сам бы навернул. Так что он просто палочку в муравейник сунул и муравьев объел. Кисленькие они, во рту щекочут.

Потом немного хвороста собрал. Вчерась буря случилась, много хвороста в лесу напало. Люгоша и других сборщиков пару раз встретил – то деда Варнаса, а то бабку Ликодею. Хворост собирать – работа для стариков, им нагибаться только в радость, они уже скрюченные. Люгошу батенька зря послал, надо ему о том сказать.

А когда солнце уж на убыль пошло, засобирался Люгоша домой. Маловато собрал, пожалуй, но что уж, сколько вышло. Не ночевать же в лесу.

И тут он услышал квохтание. Курица, что ль, в лес забралась?.. а, не, не курица... фазан!.. в силки попал!

Ох и крупный, ох свезло-то!.. Люгоша дюже обрадовался такому везению. Конечно, силки чужие, не Люгоша их ставил – ну так и что? Хозяин придет, так даже и не расстроится, что силки пустой. Он же не узнает, что туда кто-то попадал.

А Люгоша фазана домой отнесет, родителей обрадует. А то все говорят они, что от него проку нет, что ничего для хозяйства не делает – а он им и покажет, что вот, тоже может кормильцем быть. Целого фазана принес.

Фазан был очень крупный и очень красивый. Пестрый весь, разноцветный. Люгоше даже подумалось, что его есть-то, быть может, и не стоит... хотя не, лучше просто съесть. А то батенька его разводить захочет, так Люгоше за ним ходить и выйдет, а ему лениво. Пусть уж лучше маменька суп сварит, или в чугушке запечет, с галушками. Галушки Люгоша дюже обо-жал.

И только хотел Люгоша фазана схватить, как разинул тот клюв, да и... заговорил человеческим голосом!

– Не ешь меня, Люгоша, – сказал фазан. – Лучше отпусти меня из плена, а я тебе за то пригожусь.

– Ишь, говорящий фазан, эка!.. – подивился Люгоша. – Колдун, что ли?

– Не колдун я, а волшебный дух, – сказал фазан. – Отпусти меня, Люгоша, что тебе стоит?

– И то, негоже духа волшебного есть, – пригорюнился Люгоша. – Ну лети тогда себе.

Распутал он силки, отпустил фазана – да тот не улетел. Взмахнул крыльями, переступил с лапы на лапу и молвил:

– Добрая у тебя душа, Люгоша. Будет тебе за то награда. Исполню я тебе три желания.

– Три желания?! – обрадовался Люгоша. – Как в сказке! Да это ж!.. это ж я!.. чего б пожелать?.. о, точно!.. Хочу кир до колена!

У фазана растопырились перья, и на Люгошу он глянул с изумлением. Но ничего не сказал, только хвостом взмахнул... а в штанах у парня стало страшно тесно.

Люгоша аж пошатнулся, едва не упал. Штаны приспустил, поглядел на этокое добро, да зачесал в затылке.

– Это что ж... – пробормотал он. – Что ж... теперь и штаны ведь не надеть, в шароварах ходить придется... Не, неудобно. Хочу, чтоб вместо одного длинного стало два коротких!

Фазан аж глаза выпучил, но снова взмахнул хвостом – и стало все, как желалось.

Но это Люгоше еще меньше понравилось. Это как же теперь до ветру ходить? Не все он продумал-то, получается.

– Не, тоже кирня какая-то, – сказал он. – Хочу, чтоб...

– Стой, Люгоша! – перебил его фазан. – Не спеши с последним желанием! Ты лучше вот чего – загадай бесконечные желания.

– А так разве можно? – удивился Люгоша. – В сказках-то оно нельзя такое всегда.

– Тебе можно, – заверил фазан. – У нас же тут не сказка, а быль.

– Ну тогда ладно. Хочу бесконечные желания!

В третий раз взмахнул фазан хвостом, но ничего не случилось. Люгоша немного обиделся, что волшебный дух обманул, но тот и не обманул, оказалось. Сказал:

– Теперь, Люгоша, если чего пожелаешь, то просто скажи: властью пестрого фазана, пусть будет так-то и так-то. И все будет именно так.

– Властью пестрого фазана, пусть кир снова будет такой, как был! – сразу проверил Люгоша.

И все тут же исполнилось.

Ох и обрадовался Люгоша! Поблагодарил фазана, поклонился ему земно, да тут же и пожелал себе:

– Властью пестрого фазана, пусть хворост со всего леса сам сюда соберется и в кучку сложится!

Ух. Не совсем Люгоша опять все продумал. Много в лесу хвороста-то оказалось! Как он полетел со всех сторон, как попер целыми кипами!.. Люгоша еле успел в сторону отбежать, да залечь, да за деревом спрятаться. И фазан улетел – ну да он больше и не нужен, теперь само все сбываться будет.

Теперь Люгоша сам волшебник – и безо всякой учебы. Говорил же он батеньке.

– Властью пестрого фазана, пусть хворост в снопы свяжется, да сам домой пойдет! – приказал он.

И затопал гордый домой – а за ним хвороста столько, что и не счесть. Не то что на зиму – на сто зим хватит.

Поздно уже было, солнышко почти закатилось. Но как появилась на околице этакая процессия, так сразу и собаки хором забрежали, и лошади заржали, и бегемот дядьки Матафея зарвел страшенно. Тоже напугался, хоть и размером с овин.

– Вот, батенька, принимай работу, – гордо сказал Люгоша, пока хворост сам собой в дровяник укладывался.

Не поместился он весь в дровянике. Завалил его с верхом – так завалил, что выше дома стала гора. Но Люгоша на нее смотрел с гордостью – вот сколько он за один день-то собрал, да все сам!

Родителям, что рты разинули, Люгоша все как есть рассказал. Мол, так и так, фазана спас, а тот и отблагодарил. Родители-то сначала и не поверили, решили, что то леший над Люгошей подшутил, а то волшебник какой мимо проходил, да милость дураку оказать решил.

Но Люгоша им тут же доказал, что все правда. Ему к тому времени уже есть хотелось, ну он и приказал:

– Властью пестрого фазана, пусть столик явится, чтоб еды давал всякой сколько попросишь!

И явился такой столик. И дал еды столько, что ели до заката, а ее все не убывало. Маменька уж хотела всю деревню в гости созывать, да батенька не велел, побоялся чего-то.

А чего бояться-то, когда Люгоша теперь великий волшебник? Он, уж верно, теперь и солнышку может приказать не закатываться, чтоб всегда светло было... но такого Люгоша приказывать не захотел. В темноте спать лучше.

Ну потом Люгоша еще всякого себе нажелал. Костюм хороший, с карманами, пуговицами и аксельбантами. Что это за аксельбанты такие, Люгоша знать до того не знал, а просто слышал, что бывают такие, и очень от них почетность большая. А и ничего особенного оказалось, шнурки какие-то.

Еще Люгоша приказал погребу едой наполниться, а то столик столиком, а хозяйство тоже надоть. Он вообще решил хозяйствовать теперь знатно, да при том не вставая с сеновала. Просто так вот посмотрел на яблоню с паданцами, да и приказал:

– Властью пестрого фазана, пусть все паданцы сами собой соберутся!

Паданцы сами собой и собрались. Странно, правда, собрались, как-то – не в корзину, а в одно огромное яблоко. Ну Люгоша огорчаться не стал, а сделал вид, что так и задумывалось, потому что огромное яблоко – тоже дело хорошее, на ярмарке похвалиться можно. А то соседи, вон, каждый раз то поросем особо откормленным хвалятся, то тыквой наибольшей, а он вот в этот раз яблоком похвалится.

Батенька-то хотел, чтобы Люгоша свое волшебство втайне держал, но разве ж утаишь ежа под рубахой? Идет кто мимо, так ему через плетень довольно глянуть, чтоб увидеть, чего у Люгоши во дворе происходит. Ему-то самому много и не надо было, да родителям же нужно помогать, раз такое дело случилось.

Ну и поползли по деревне слухи. Люгоша-то, мол, бесноватым стал. Что-то делать надо.

Оно же понятно, почему так подумали. Волшебству он точно не учился, про то бы знали. Ведьм в округе нет, да и кто бы из них свою силу Люгоше передал? Сана святого на нем нет, божьи чудеса – точно не про него.

Одно объяснение – бесовщина. А бесовщина – это всегда плохо.

А потому поспешили люди в соседнюю деревню, побольше. Там храм стоял приходской. Обо всем жрецу-батюшке и доложили – мол, такие вот дела, Люгоша-то наш с демонами связан.

– А Люгоша – это кто? – не понял жрец. – Колдун, что ли?

– Да не, отче, то Асторошин сынок, – ответила какая-то бабка.

– А, Люгоша-лодырь! – вспомнил жрец. – Который даже в школу ходить ленился! А ведь говорил я ему, говорил, что лениться-то приятнее, когда образование получил, да работу получше! Поучился, али поработал – потом и отдохнул, поленился, то-то и слаще. Верно говорю, верно, безделье – игрушка демонов! Коли человек ничем не занят, то и мысли у него в голове пустые, да вредные! А коли в голове пусто, да вредно – то и демоны на запах приходят!

Крестьяне умудренно кивали. Разумные вещи говорил жрец, правильные.

Ну и пошел жрец своими глазами посмотреть, что там Люгоша начудил. Пришел во двор Астороши – а Люгоша лежит себе на сеновале в старой рубахе, да и не делает ничего. Как обычно все, никаких сюрпризов.

Только родители егойные сразу выбежали, да жреца в дом позвали.

А в доме-то... ох и выпучились у жреца глаза-то! Все в золоте да серебре, лавки сплошь самоцветами усыпаны, вместо самовара – греmlinская машина хитрая, и даже у кота шерсть золотая. И на столе громоздится всякое – тут тебе и фрукты южные, и сласти разноцветные, и бутылки пыльные с винами старыми.

– Во дела... – только и протянул жрец. – Космодан милосердный, что ж тут содеялось-то?

Ну Астороша с Милавой ему про все и рассказали. Пришел Люгоша с лесу-то, а за ним – хворост. Сам идет. Целая армия хвороста, в снопы увязанного. За домом, вон, целая груда его, все посадки завалены.

– И, грит, теперь все, что пожелает – тут же и исполнится, – поделился опасливо Астороша. – И пока, вон, исполнялось.

Жрец похолодел. Выглянул в окно, на сеновал, от которого теперь словно холодом веяло, погладил бороду и спросил, голос понизив:

– А отчего оно так – не сказывал? Может, нашел в лесу чего?

– Фазана спас, грит. Волшебного, говорящего.

– Ишь ты как. Волшебник, фазан-то? Или фея, может?

– Да поди знай. Мы-то его не видали.

– А желанья как исполняются?

– Да вот – просто велит Люгоша чего, да так сразу и делается. Как скажет, так и будет. Но он не всегда ладно говорит, так не всегда ладно и исполняются.

– Превратное исполнение... – помрачнел жрец. – А часто ли так?

– Часто, – сказала под ним скамья.

Жрец аж подпрыгнул. Скамья переступила с ножки на ножку и пожалилась, что вот, еще вчера обычной скамьей была, горя не знала. А потом поленился Люгоша от сеновала к столу пешком ходить, так и велел ей ожить, на себе его носить. Ну она теперь и живая.

– Делать-то чего теперь? – спросил Астороша. – Люгоша-то плохого не сделает, только по дурости если.

Жрец почесал в затылке, опасаясь снова сесть на скамью. По дурости-то тоже много чего наворотить можно, особенно когда силища теперь такая.

Но тут явно не для приходского жреца задача. Он что, окормляет просто три деревеньки, да и весь с него спрос. А тут не меньше чем епископа спрашивать нужно.

– Я епископу отпишу, – решил жрец. – И волшебнику королевскому.

– Так то дело небыстрое. А нам-то чего до того делать?

– Да что вчера делали, то и дальше делайте. Люгошу не сердите, да приглядывайте.

А тут как раз Люгоша в дверь и сунулся. Выспался наконец. И то, тут любой выпится, когда с вечера до утра спать, а потом еще часов семь. Уселся лодырь за стол, подвинул к себе хозяйским жестом кадку с мочеными огурцами, да и принялся их уписывать.

– Мир тебе, твое благословение, – почтительно поздоровался он со жрецом. – Огурцов хочешь?

– Да я уж ухожу, – отказался жрец. – Спасибо, Люгоша. Береги себя.

Вернулся он в храм, написал письма епископу, да волшебнику, да еще и самому королю, отослал с нарочным и стал ответа ждать. Но сколько дожидаться, не ведал, потому как Марюлия держава хоть и невеликая, но все-таки и не клочок земли. Пока-то доберется дядька Трухей на своей лошаденке до столицы, пока-то передаст послания по назначению, пока-то прочтут их, пока-то решение какое примут – тут и целая луна пройти может, а то больше. Да и то ведь сначала, верно, просто человечка какого пришлют – проверить, так ли все, не сочинил ли чего сдуру деревенский жрец, не соскучился ли в еловой глуши.

А Люгоша тоже даром времени не терял – все на сеновале полеживал, да мысли всякие думал. Мечтал, что вот кабы стоял здесь мост хрустальный, да прямо к соседней деревне, то

все бы по тому мосту и ходили. А то вот жрец пришел в гости, так ведь по дороге пришел, по земле, ну и грязь всю собрал, а он старый уже.

Только нету моста, и не построит его никто, так и нечего о том думать... хотя не.

– Властью пестрого фазана, пусть мост хрустальный построится отсель и прямо до Кильдяшей, прямо к храму! – велел он.

Ух и протянулся же сразу мосток-то! Вылез из земли – и ну расти, ну ползти! Длинниииинный!.. и-их!..

Люгоша хотел сам по нему и пройти первым, но оказалось, что по хрусталу ходить неловко. Раз шагнул – упал. Два шагнул – упал. На третий ступать уж не стал, побоялся в третий раз упасть.

Ну ладно, пусть по нему другие ходят. А он свое дело сделал, мост выстроил. То-то жрец обрадуется.

А жрец тем временем выглянул в окно, увидел этакое диво и высказался так, как божьему служителю высказываться не годится.

Сладкая жизнь наступила у Люгоши. Чего желал, того и желал. И все сразу являлось. Когда стало холодней, когда на сеновале бока промерзать начали – приказал, чтоб сено само собой грелось.

А в дом вовсе ходить перестал – да и зачем? Столик волшебный у него тут стоит, еды сколько хочешь всякой, и чесаться никто не мешает. Родители вовсе Люгошу тревожить перестали – все нарадоваться не могут, что золота-серебра теперь много.

Кот только окошел отчего-то. Жалко кота. Люгоша приказал, чтоб тот ожил, но он какой-то плохой стал после этого. Холодный и квелый, не ест ничего, только ходит кругами по двору. Батенька его в дом перестал пускать.

Ответ из столицы все не шел, а Люгоша хоть и полеживал на сеновале, да не бесполезно, а с толком. Думал, чего бы еще такого сделать, чтобы всем помочь, а то живут себе его односельчане и не знают, что рядом с волшебником живут.

Он и поборол в конце концов лень, да и стал по деревне похаживать, да поглядывать, что к чему. Видит – дед Нилай идет с топором, дровишек нарубить. Люгоша ему и помог:

– Властью пестрого фазана, пусть топор сам рубит дерево на дрова!

Ох и обрадовался дед Нилай... или испугался?.. Вырвался у него из рук топор-то – и давай соседскую яблоню рубить!.. А там и забор порубил!.. и будку собачью в щепы!.. вот уж и избу рубит!..

И быстро рубил-то!

– Ох, что ж то деется?! – тоненько завопила выскочившая из избы бабка.

– Властью пестрого фазана, пусть топор дерева в лесу рубит! – приказал Люгоша.

Ну топор в лес и унесся, далеко-далеко... уж и не видать.

А что ж это лес далеко так? Люгоша всегда так и думал, что слишком он далеко, ходить долго. Пусть бы поближе был, так и то хорошо станет.

– Властью пестрого фазана, пусть все деревья вылезут и в деревню придут!

И вот тут начался кошмар. Сначала-то вроде ничего и не случилось, потому что откуда не видать. Но потом прибежали в деревню орущие люди, а за ними-то и впрямь деревья топали! Корнями переступали, ровно щупальцами, землю сотрясали весом страшным.

– Озимые, озимые!.. – верещал народ. – Ведьмы озимые губят!

Хотел Люгоша сказать, что то не ведьмы, а он, но догадался все же, что негодное что-то пожелал. Тем более, что одно дерево уже в чью-то избу врезалось, другое забор порушило, третье пса дворового раздавило...

И топор над ними летал, ветки отсекал заливчатски.

– Властью пестрого фазана, пусть все деревья обратно уйдут! – спешно приказал Люгоша.

Ушли обратно в лес. Снова по озимым прошлись, ничего от посевов не оставили. Причитал народ, ползал по грязи, стенал – и на Люгошу таращился с ужасом.

Может, тут же бы его и камнями забили, да побоялись. Слишком уж хорошо увидали, на что лодырь способен.

А жрец в тот же день запряг свою двуколку и поехал в столицу сам.

И пока он ездил, Люгоша все ходил по деревне, да помогал всем, кого видел. Проснулось в нем желание добро творить. Кому забор починит, кому корову подоит, кому шишек на самовар притащит... весь двор шишками завалил.

Легко оказалось добрые дела-то делать! Легко и весело! И чего он раньше-то этим не занимался?

На радость осенним мухам Люгоша превращал дорожную грязь в мед. Наполнял колодцы вместо воды простоквашей. Перепортил календари в избах, сделав каждый день в году Добрым.

Деду Кваше Люгоша помог. Дед много лет на палку опирался, так Люгоша пожелал, чтоб теперь он без палки ходил. И пропала у деда Кваша палка, без нее дальше пошел. Ковылял, припадал на ногу и Люгошу проклинал.

– Дед, я сейчас все исправлю! – заверил Люгоша. – Властью пестрого фазана...

– Не надо, Люгоша!..

– ...пусть дед Кваша на обеих ногах одинаково ходит!

И стал дед Кваша с тех пор припадать на обе ноги.

А еще Люгоша Тофке помог, который по Альре вздыхал, старостиной дочке. Шел он от нее, да ворчал, что Альра не дает, стерва... хотя она вообще никому не дает. Ну Люгоша взял и приказал:

– Властью пестрого фазана, пусть Альра всем дает!

Тихо сказал, чтоб Тофка не услышал. Пусть ему завтра радостный сюрприз будет.

Такая вот теперь жизнь в деревне началась, веселая да счастливая.

А потом приехал в деревню королевский гонец – и с ним егеря, целых трое. Люгоша в это время на сеновале полеживал, устал добро делать. И когда встали перед ним три дюжих усача с саблями на боку – то и не понял сначала, что по его душу.

– Ты и есть Люгоша-лодырь? – спросил его гонец, глядя так, словно очень хочет спать, а вот конкретно Люгоша ему мешает чем-то.

– Ну я самый и есть, – кивнул Люгоша.

– Собирайся, тебя король к себе требует.

– Не, не поеду, дядь, лениво мне... – отмахнулся Люгоша.

– Взять его, – только и приказал гонец.

Подхватили егеря Люгошу под белые руки, да не очень-то вежливо, а даже скорее грубо. Люгоше то не понравилось, он и приказал:

– Властью пестрого фазана, пусть егеря сгинут куда-нибудь!

Хоп!.. – и пропали егеря. Сгнули, как не бывало. А гонец остался – и глаза у него вылезли на лоб, а рот раззявился так, что каравай целиком влезет.

– Ты... ты что же сделал?.. – ахнул он. – Король тебя за то не помилует!

– А я и королю велю сгинуть, – отмахнулся Люгоша, почесывая в подмышке. – И тебе, коли добром не уйдешь.

Гонец постоял, поерзал, и было видно, что страшно ему до смерти. Но не ушел все-таки, а только сказал куда тише, чем прежде:

– Люгоша, а Люгоша, а вернуть ты егерей можешь?

– А могу. Только лениво мне.

– Люгоша, а если ты егерей вернешь и добром к королю поедешь, король тебе кафтан красный подарит и сластей целую шапку.

Кафтан и сластей Люгоше захотелось. Он мог, конечно, сам себе все пожелать, но то ж королевским подарком не будет. А тут особо почетно, похвастаться потом можно.

Да и леденцы у короля уж верно особо вкусные, таких никакой фазан не наколдует.

– А и ладно, – решил он. – Властью пестрого фазана, пусть егеря обратно вернуться.

Вернулись егеря. Напуганные, дрожащие, а один еще и кровью измазанный, с раной на боку – но все ж вернулись. На Люгошу они смотрели с диким ужасом, а один еще и саблю пытался из ножен вытянуть, да не выходило, пальцы не слушались.

– Поехали тогда с нами, Люгоша, – приторным голосом сказал гонец. – Там тебя карета ждет.

– Не, вы вперед поезжайте, а я догоню, – зевнул Люгоша, потягиваясь. – Посплю еще, а там и поеду.

Гонец с Люгошей больше спорить не хотел – и тому радовался, что согласился все-таки лодырь. И что ему вперед ехать – то еще сильнее обрадовался, короля предупредить успеет. Он и так, едва со двора вышел, так нашарил дальнотеркало, и отзеркалился, да номер чертой подчеркнул двойной, чтоб срочность особая вышла.

А Люгоша, гонца проводя, перевернулся на другой бок, да и проспал еще часов шесть. Потом поел, почесался как следует, да и приказал не торопясь:

– Властью пестрого фазана, пусть сеновал меня в столицу отвезет!

Сарай, в котором сено хранили, у Люгоши добротный был. Батенька его сам вытесал, из сосновых бревен, да на каменные столбы положил, чтоб сено не сырело. И вот, свершилось очередное чудо – вылез сеновал из земли, вытянул из нее свои опоры, да и зашагал прямо в столицу – да ходко зашагал, быстрее любого коня!

А Люгоша в нем ехал, да семечки лузгал. То-то ладно оказалось так путешествовать, понравилось ему. Хочешь – просто лежи, а хочешь – спи. Тепло да мягко.

Так и приехал Люгоша напрямиком в столицу – и то-то народ ему удивился! Целый сарай по улицам шагает, да быстро, ходко! Кто увернуться не успел, того и задавил. Лошадей сшиб не одну, да и люди пару раз под столбы попадали, а Люгоша сидел на крылечке, да покрикивал, чтоб дорогу давали.

– Убивец!.. – несло ему вслед. – Убивец!..

По узким улицам сеновал бы и не прошел, места ему довольно нашлось только на центральных. Но других Люгоше и не нужно было – он прямо в сарае к королевскому дворцу и подъехал.

Шум при его прибытии большой поднялся, конечно. Король издали слышал, на балкон вышел и спросил в изумлении:

– А это что такое в моем королевстве происходит?

– А это, ваше величество, тот самый лодырь Люгоша, о котором я вам зеркалил! – ответил гонец, что был гонцом не простым, а королевским нарочным, которого по пустякам никуда не отправляли. – Видите сами теперь, насколько серьезна проблема! Утверждает сей кознодей, что и власть теперь в вашем королевстве даже и не ваша, а некоего пестрого фазана, так вот!

Поглядел король на оживший сеновал, на свороченные дворцовые ворота, на зашибленного стражника, охающего со сломанной рукой, да велел позвать срочно камергера, да епископа, да воеводу, да волшебника придворного. А сам с балкона свесился, да крикнул:

– Люгоша, ты что ж это сколько народу у меня в городе подавил?!

– А чего они сеновалу под ноги лезли? – зевнул Люгоша. – Ничего, впредь умнее будут. Ты, что ли, король наш, который меня видеть хотел? Вот я приехал, встречай. Где там мой кафтан красный?

Королю такая дерзость не понравилась, конечно. Мужик простой, деревенщина, и этак вот запросто с владыкой всей Марюлии говорит. Батогов бы ему дать, а то и в бочку посадить.

Было в Марюлии такое наказание для шалопутов – в бочку сажать тесную, да и оставлять в ней на сутки, а то и двое. Очень запоминалось.

Но был король тех земель хотя и не слишком умен, но и не сказать чтоб совсем уж глуп. Решил поначалу выяснить, кто Люгоша таков, откуда у него сила волшебная, да где у оной силы пределы очерчены – а там уж и решать, что с ним таким лучше делать.

– Ты, Люгоша, верно, с дороги-то утомился? – спросил он со все того же балкона. – Ты сейчас отдохни, перекуси, в бане попарься, а там уж и дела обсудим.

Отдохнуть и перекусить Люгоша всегда только рад был. В бане, правда, проку большого не видел, потому что для чего в нее ходить, если завтра все равно сызнова грязный станешь? Но остальное – это он с удовольствием.

Думал Люгоша, что его в палаты королевские поведут, но оказалось, что если гость особенно важный да почетный, то ему все прямо во двор выносят, так король объяснил. Люгоше то лестно показалось. Остался он отдыхать прямо на своем сеновале, а из окон на него придворные дивились.

Большой у короля дом-то оказался. До этого Люгоша думал, что наибольший дом на белом свете – это хоромы Кузельши-богатея, который в соседней деревне держит разом лавку и корчму, да еще и пиво бочками варит. Ан нет, королевские оказались на целый этаж выше, да с башенками, да с балконами, да с фонтаном во дворе.

Люгоша доселе фонтанов-то и не видал, толком и не знал, что это за зверь такой. Даже сошел с сеновала, сунул туда лицо, воды испил. Дюже далеко сунул, не удержался толком и немножко испулся.

Тут смех раздался задорный. Люгоша вверх глянул – а на балконе малой башенки девка стоит. Смотрит на него, покатывается. Хороша собой оказалась на удивление, Люгоша аж засмутился.

А еще заметил он на голове у девки украшение – венец серебряный. Даже на вид легкий, невесомый совсем, но ажурный такой, что только принцессе и носить. Видно, принцесса она и есть, единственная короля дочь... Люгоша уж слыхивал про ее красоту, про то даже в их деревне рассказывали.

И так сразу понравилась ему принцесса, что он, недолго думая, приказал:

– Властью пестрого фазана, пусть королевская дочка в меня влюбится!

Негромко сказал, чтоб не услышали, кому не надо. А девка сразу ахнула, руки к сердцу прижала и смеяться-то вмиг прекратила. Так и подалась вперед, на Люгошу глядячи, а рот-то приоткрыт, а глаза-то блестят. Еще и губу прикусила, такая уж истома красавицу взяла.

– Ну и упырь, – покачал головой Дегатти. – В Мистерии за такое сразу десять лет Карцерики.

– Препятствуете любви, островные чернокнижники? – хмыкнул Бельзедор.

И так уж королевская дочь в Люгошу втюрилась, что сразу к батюшке побежала, да и с порога заявила: выдай, мол, меня за того грязного мужика, что на самоходном сеновале приехал. Жить без него ни минуточки больше не желаю.

У короля-то челюсть сразу и отвисла. И у камергера отвисла, и у воеводы, и у епископа, и у волшебника. И страшно всем сразу стало, потому что чудеса с неживой всякой природой – это одно, а когда колдун заставляет думать как ему угодно – это пугает.

А ну как сейчас не только принцесса, но и король тоже Люгошу полюбит и трон свой охоткой подарит?

– Государь, он не из наших, – зашептал волшебник, который на Люгошу украдкой успел взглянуть. – Это либо пришлый магиоз, либо колдун с дареной силой.

– И что посоветуешь?

– Для начала – не сердить, а лучше – спровадить. И сообщить в Кустодиан.

– Это все понятно, но с дочкой-то моей что делать? – поморщился король. – Расколдовать сумеешь?

Волшебник замялся. Был-то он не из сильных. Марюлия – страна небогатая, размером невеликая, ничем особо не славная. В волшебниках тут состоял бакалавр, да и то король ворчал иногда, что дорого обходится.

– Расколдовать-то... – пробормотал чародей. – Время потребуется, государь. И с коллегами посоветоваться.

– Вот что скажу, – вмешался воевода. – Вы, ваше величество, принцессу-то заприте от греха, а я там выпровожу гостюшку...

– Вежливо! – вскинул палец король.

– Вежливо, знамо дело. Куда уж вежливей. А как выпроводим, так и покумекаем.

– Поддерживаю, – кивнул волшебник.

Принцессу Маайшу заманили в светлицу и там заперли. Обещали, что туда к ней и суженый явится, но когда щелкнул в двери замок, то девица сразу и поняла, что обманули ее. А была она от сердечной истомы не в себе, связно мыслить не умела, так что зашлась диким криком, принялась на стены бросаться.

Ну а воевода тем временем к Люгоше вышел, да поклонился вежественно. В Марюлии-то воеводой служил не облом какой, из тех, что только и умеют маршировать, да саблех размахивать. Нет, был то человек хоть и бравый, но культурный и обходительный, а кроме того придерживающийся редкого среди воевод убеждения, что лучшая война – та, которой удалось избежать.

И потому с Люгошей заговорил он ласково, да сказал, что король просил кланяться, да прислал бутылку лучшего вина, но сам он покуда присоединиться не может, так и пусть Люгоша пока с ним выпьет, с воеводой.

– А что, тоже дело! – потер руки лодырь. – Только я вина не пью, не по мне оно. Дурной становлюсь, в голове кружится. Я лучше, вон, шанег поем, да взваром грушевым запью!

Воевода на миг запнулся, но потом растянул губы в улыбке и принял лично Люгоше взвару подливать, да шаньги подкладывать. А тот и горазд пить-есть, это у него всегда ладно получалось.

– А что ж, Люгоша, где ж ты чудеса этакие творить выучился? – спросил воевода. – Или секрет?

– Да не, то мне пестрый фазан пособляет, – простодушно ответил лодырь. – Вот что я велю, то он и сделает.

– А ежели с тобой беда какая случится – защитит тебя фазан? Вот коли тебя саблех посечь – помрешь?

– Властью пестрого фазана, пусть меня никакое оружие не берет! – воскликнул Люгоша. – Вот, секи теперь, коли не веришь.

Воевода пристально на Люгошу посмотрел, но к сабле не потянулся. А лодырь широко зевнул, слопал еще шаньгу, и спросил:

– Ты вот скажи лучше, воевода, отдаст король за меня дочку в жены?

По лицу воеводы пробежала тень, улыбка стала будто неживой, и очередная кружка взвара в руке замерла. Но Люгоша с того не обеспокоился – не очень ему нравился королевский взвар. Оно и слово-то одно, что королевский, а так невкусный вовсе, даже с горчинкой.

Да и в сон что-то тянуло все сильнее. Люгоша зевнул широко, да повторил:

– Что, воевода, го ж я в женихи? А то ты не подумай, я принцессе хорошим мужем буду...

– Да уж лучше и не сыскать... – недобро протянул воевода.

– А коли король ее за меня добром не отдаст, так я все королевство... а-а-а!.. пожгу и поручу... – еще шире зевнул Люгоша. – Властью пестрого фазана, пусть... а-а-а!.. принцесса передо мной предстанет!

Пум! И выросла из-под земли принцесса Маайша – стоит, глазами хлопает.

Не сразу и поняла, что случилось. Зато воевода как сразу понял, так и вскочил, и схватил принцессу за руку, к себе потянул...

– Э-э-э, то суженая моя... – вяло возразил Люгоша, пытаюсь унять буйную голову. Город вокруг с чего-то кружиться начал. – Э, да что ж такое...

– Берегись, любимый, тебя отравить замыслили! – воскликнула принцесса, на его трепыхания глядя.

– Ах, они!.. – тряхнул кулаком Люгоша. – Властью пестрого фазана, пусть отравы из меня в отравителя перейдет!

И прояснилось сразу перед глазами. Зато воевода аж зашатался, да принцессу отпустил, да за горло схватился. А другой рукой-то к кармашку потянулся, где микстуру держал, зелье снотворное отвращающую.

Не свезло ему, что Люгоша вина-то не пил. Вкус у зелья терпкий очень, его лучше всего с крепкими напитками давать. А в грушевый взвар пришлось по капельке капать, иначе Люгоша нос бы сразу отворотил.

– Э-э, ты что ж, воевода... – недобро глянул на него лодырь. – Властью пестрого фазана, пусть воевода лопнет!

Даже слова бедняга вымолвить не успел. Раздулся изнутри в одно мгновение – и лопнул, точно пузырь, кровью все вокруг забрызгал. А Люгоша глянул на это и ахнул горестно:

– Да что ж я наделал-то... – пробормотал он. – Все шанежки теперь в кишках...

– Бежать нам надо, любимый! – схватила его за руку принцесса. – Убьют они тебя!

Ее лицо странно искажалось. В глазах стояла растерянность – она говорила и делала что-то неправильное, и глубоко внутри это понимала, но пересилить волшебство не могла.

– Да не убьют! – отмахнулся Люгоша. – Эй!..

В него попала стрела... сразу несколько стрел. Только повисли они в пустом воздухе, чуть-чуть до кожи не дотянувшись. Люгоша их отбросил и гневно воскликнул:

– Вот теперь я совсем осерчал! Я вам всем покажу! Я теперь тут сам вместо короля буду! Властью пестрого фазана, пусть тут дворец для меня воздвигнется, да побольше этого!

Разверзлась земля. Разломало брусчатку, плиты каменные разворотило, дома прежние в разные стороны раздвинулись. И полез кверху новый дворец – еще больше королевского, еще пышнее!

Люди кричали. Кого завалило, кто сверзился в трещины земные. Какая-то баба вытащила из обломков окровавленный сверток и зашлась в крике, ровно кликуша.

– Вот теперь я тут жить и королевствовать буду, – сказал Люгоша, утирая нос. – А батенька твой к нам в гости ходить будет.

– А-ага... – неуверенно кивнула принцесса. – Хорошо...

– Да что ж они орут-то так? – покосился на людей Люгоша. – Недовольны чем?.. Властью пестрого фазана, пусть все будут довольны!

Странное что-то случилось. Будто волна спокойствия прокатилась по площади, по городу – и на всех лицах заиграли улыбки. Блаженные, придурковатые улыбки.

Люгоша тоже довольно улыбнулся, да задумался, как бы это ему половчее сеновал во дворец перетащить. Ему еще принцессу обженить надо... хотя прямо сейчас лениво, он же поел.

Король смотрел на это все с ужасом. На обезумевшую дочь, на одуревших подданных, на изуродованную столицу. Стоял на балконе, смотрел и думал, что ж делать-то теперь.

Это ведь ничего и не сделаешь. Гвардию если на Люгошу кинуть – так просто гвардии и не станет. Армию коли собирать, так ее за день не соберешь, да и с армией лодырь тоже, чего доброго, расправится. Оружие его не возьмет, а сам он кого захочет – того и уничтожит, очень даже просто.

Одна надежда теперь – из Мистерии подмоги дожидаться, да только когда-то они там соберутся, когда-то раскачаются...

– Ваше величество, а у вас ведь проблема, – раздался рядом негромкий голос.

Король дернулся, повернулся – и встретился взглядом с неизвестным паренком неопределенной наружности. Почему-то никак не удавалось сосредоточиться на его лице... да и не до того было королю сейчас.

– Ты... ты кто? – спросил он, хмурясь. – Откуда тут взялся?

– А я – решение проблемы, – улыбнулся паренек. – Знаю способ, как с этим колдуном совладать.

– Говори!

Сейчас король Марюлии от кого угодно совет бы принял, лишь бы хоть какой дали.

– Скажу... только что мне за то в награду будет?

– Если совладаешь с колдуном – что хочешь проси! – нетерпеливо сказал король, в ужасе глядя на Люгошу, который уже вел принцессу в свой ужасный дворец.

– Ловлю вас на слове, – улыбнулся паренек. – Вы, ваше величество, скажите просто колдуну слова заветные – он силу вмиг потеряет. А слова такие...

Выслушал их король. Стиснул гневно кулаки и лично пошел правосудие вершить, а с собой только четырех гвардии рядовых взял.

Станный дворец получился у Люгоши. Огромный, роскошный – но странный. Будто некоторый безумный зодчий его выстроил – с причудливыми углами, с режущей глаза раскраской, идущими в никуда коридорами, да дверями высоко на стенах и даже на потолке.

Но Люгоша далеко не ушел – только до ближайшей залы. Здесь он наколдовал роскошное угощение и кучу золота, да сидел за столом, потчевал влюбленно глядящую принцессу.

И когда на пороге появился король, Люгоша искренне ему обрадовался:

– Мир тебе, тестюшка! – воскликнул он. – Смотри, как я ладно тут все обустроил! Ты теперь и отдыхать можешь – я дальше сам королевством править буду!

Король шагнул вперед. И прежде, чем Люгоша еще что скажет, указал на него пальцем и отчеканил:

– В море птицы голоса, в небе рыб бежит косяк! Был фазан – и нет фазана, ты один теперь, дурак!

– Что?.. – моргнул Люгоша.

– Слякоть солнца, тьмы нагар, отдавай назад мой дар! – выкрикнул последние слова король.

– Чего?.. – заморгал еще чаще Люгоша.

– Взять его, – велел король гвардейцам. – В бочку посадить... нет, на месте зарубить!

– А, вот вы чего удумали?! – рассердился Люгоша. – Властью пестрого фазана, пусть король, да все солдаты его тоже лопнут!

Принцесса закричала, прижала ладони ко рту. Король невольно вздрогнул, втянул голову в плечи.

Но... ничего не случилось. Не сработало волшебство-то, не соврал странный паренек.

И через пару секунд на изумленного Люгошу обрушились удары сабель. Секли его гвардейцы зло, ожесточенно, а когда закончили – был то уж не человек, а месиво кровавое. Зарыдала все еще очарованная принцесса, забилась в истерике, бросилась на тело своего ненаглядного.

И только насмешливый клекот фазана звучал где-то вдали.

Интерлюдия

– Янгфанхофен, ты сейчас сильно передернул, – покачал головой Дегатти. – Герой твоей байки – круглый дурак. Возможно, скудоумный. Получи эту силу пестрого фазана кто-нибудь хоть немного поумней, все сложилось бы совсем иначе.

– Да ну? – хмыкнул Янгфанхофен. – Ах да, как я мог забыть, что смертные славятся своими разумными желаниями. Сколько миллионов лет мы, демоны, пытаемся их на чем-нибудь подловить, а все никак не выходит. Ни единой душонки не заполучили.

– А я повторяю – не суди обо всех одинаково, – сказал Дегатти. – У нас в Мистерии есть такие волшебники, которые и безо всяких фазанов не уступят твоему Люгоше. Но далеко не все используют могущество во зло.

– А я еще раз напомню, что у вас там есть Кустодиан, – возразил Янгфанхофен. – И существует он не просто так.

– Есть, согласен. И антимаги тоже есть, и церковная инквизиция. Но еще дело в том, что мы идем к этому долго. Мы не получаем могущество сразу и задарма, а поднимаемся постепенно. Попутно к нам приходит мудрость. Ответственность. Многие из нас даже бессмертия не ищут. А если вот так одарить мальчишку, дурака или еще кого-то безответственного... конечно, случится катастрофа.

– Ну кого-то другого один из их братии и не одарил бы, – хмыкнул Бельзедор. – Он же именно на катастрофу и рассчитывал, верно, Янгфанхофен?

– Верно, верно.

– А кто это был-то, кстати? Ты сам?

– Нет! – аж поперхнулся Янгфанхофен. – Бельзедор, мы знаем друг друга тысячи лет, а ты еще не выучил моих методов? Это совсем не в моем стиле.

– Да, пожалуй... А кто тогда? Ключерштатен, Гариadolл? Или кто-то со стороны, не паргоронский?

– А вот этого я тебе не скажу, – ухмыльнулся гохеррим. – Пусть останется моим маленьким секретиком. Не все же тебе у меня тут государственные тайны вызнавать.

– Ладно... но чем там все закончилось? Марюлия... что-то я не припоминаю такого названия. Вы что, и туда запустили корни? Второй Легационит потихоньку возводите?

– Ну как сказать...

– Кстати, я тоже хочу рассказать историю, – заговорил Дегатти. – Ты вот рассказал про один день из жизни храка, мелкого демона... а я расскажу про один день из жизни волшебника. Только не мелкого, а одного из величайших. Никто не возражает?

Никто не возражал.

Шут и волшебник

1365 год Н.Э., Парифат, Мистерия.

В прошлую луну Освельдеку Арминатти исполнилось пятьсот пятьдесят лет. Внушительный возраст для человека, пусть он даже волшебник... очень великий волшебник. Вот уже тридцать лет Арминатти возглавлял не только университет Адэфикарос, но и весь ученый совет, всю Мистерию. Десятый лауреат премии Бриара первой степени, он пользовался уважением всего волшебного мира, и власть в его руках была такая, какой не обладают даже императоры.

Сейчас он сидел в старом халате и тапочках, медленно жуя блины со сметаной. Смотрел в одну точку, не до конца проснувшийся.

Арминатти только что поднялся с постели. За окном было еще темно – в последнее время великий волшебник спал очень мало. Просыпался все раньше, засыпал все позже.

Не получалось по-настоящему устать – но и полностью отогнать усталость тоже не получалось. Изнутри что-то будто давило, тело постоянно ощущалось, как немного чужое. Иногда его приходилось таскать через силу, словно привязанную к ноге гирию.

Блины кончились. Арминатти чуть поразмыслил и сотворил еще один. Доев и его – сотворил чашку с чаем, немного меда, тарелочку с изюмом. Халат на его плечах обратился рабочей робой, домашние тапочки – туфлями с загнутыми носами. Стол и кровать исчезли, стены завертелись, из ниоткуда стали возникать алхимические инструменты.

Арминатти много лет возглавлял Репарин, институт материализации. Он творил вещи почти с божественной легкостью. Реальность вокруг него менялась по движению брови, по щелчку пальца, а чаще – просто по невысказанному желанию.

К сожалению, это влияло и на его собственную реальность.

Все вокруг Арминатти было создано магией. Жилье, все вещи, одежда, пища – все псевдоматериальное. Его спальня и лаборатория, туфли на ногах, блины, что он съел сегодня на завтрак. Было бы странно, если бы величайший в мире материализатор не пользовался своими способностями.

Но созданное магическим образом менее реально, чем то, у чего есть история и астральная тень. Псевдоматериальные молекулы – не совсем молекулы. И магия... магия коварна. Когда в твоей жизни ее слишком много, она медленно тебя убивает.

В основном это касается пищи, конечно. Пищу следует творить особенно тщательно, потому что после съедения она становится частью тебя. Если блины были псевдоматериальны – крохотная частичка тебя станет псевдоматериальной.

А все псевдоматериальное рано или поздно вновь обращается в ничто.

Само собой, пищу всегда творят особенно тщательно. Став съеденной, став частью живого существа, она может просуществовать десятилетия и даже века. Но все равно изменения постепенно накапливаются.

Они слишком ничтожны, чтобы можно было сказать, что магически созданная пища вредна. Она не вредна. Просто когда ты питаешься только ей и больше ничем... изменения постепенно накапливаются.

Арминатти дернул за рукоять и взял из лотка кусок алой киновари. Осторожно положил его под чарогнет, надавил, послал импульс – и поднял уже превосходный философский камень. Достаточное количество, чтобы продлить кому-то жизнь лет на пять.

Эта субстанция – краеугольный камень института Трансмутабрис. По меньшей мере треть алхимиков большую часть времени производит философский камень, поскольку никто еще не придумал лучшего средства продлевать жизнь и замедлять старение.

То есть средства лучше-то есть, конечно. А вот настолько же простых в получении и доступных для всех... таких нет.

Впрочем, «для всех» – слишком сильно сказано. На свете не настолько много алхимиков, чтобы хватало на всех. И алхимики, разумеется, хотят продлевать жизнь в первую очередь себе, своим близким, своим друзьям. А у тех, кто производит жизненный эликсир в промышленных масштабах, большую часть раскупают свои же коллеги-волшебники.

До простых смертных доходит очень мало.

Хотя самые богатые и влиятельные, конечно, могут себе позволить. И употребляют, само собой.

Арминатти был в первую очередь материализатором, алхимию он знал хуже. Но философский камень – одна из вещей, которые нельзя сотворить из ничего. Арминатти легко мог послать копирующую волну и создать точный дубликат этого куса киновари... но тогда это будет просто кусок обычной киновари.

Без чудесных свойств. Не являющийся философским камнем.

Разбавляя философский камень, Арминатти сотворил большой стакан жидкого меда. Ему нравился этот напиток. Именно тот, что творил он сам – за пять прожитых веков Арминатти лучше всех выучил собственные вкусы. Да, с каждым глотком он еще на микрон ослаблял реальность своей физической оболочки... но что ж с того?

Магия способна исцелить почти любую болезнь. Спасти от чего угодно. Замедлить, совсем остановить, а то и обернуть вспять старение. Но природа безжалостна. Если исчезают одни причины смерти – появляются другие. Волшебники, которые настолько могущественны, что не стареют и почти ничего не боятся, все равно рано или поздно умирают, и на то есть три причины.

Первая – магические недуги. Например, болезнь чакр, от которой скончалась великая Плезия Лиадонни, Плезия Чудесница. Все-таки магия не совсем естественна. Седьмое начало души не должно быть таким, каково оно у магов. И это порождает разные хвори, которых знать не знают люди, никогда колдовства не видевшие.

Вторая – безумие. Большое количество магии неизменно влияет и на психику. Чудаки, сумасброды и откровенные безумцы встречаются среди магов куда чаще, чем среди обывателей. В Мистерии куча психозрителей-терапевтов, но все равно удивительно многие чародеи заканчивают жизнь, безумно хихикая или медленно превращаясь в овощ. Уже не они управляют магией, а магия – ими.

А если удастся избежать волшебных болезней и безумия, если не погибнешь в битве с демоном или другим великим волшебником – рано или поздно тебя настигнет... иссякание. Снижение реальности ниже критического уровня – одна из главных причин смерти волшебников. По статистике от него умирает каждый шестой.

Но в смерти нет ничего страшного. Волшебник, особенно великий, лучше всех знает, что в загробном мире жизнь продолжится – пусть и в несколько ином виде. И когда ты настолько стар, как Арминатти, то и не цепляешься за телесное существование. Ждешь ухода даже с некоторым нетерпением – здесь тебя уже мало что держит. Родные, близкие, старые друзья... они ведь все давно на той стороне. Хочется к ним присоединиться.

Так что Арминатти не волновался насчет такой ерунды, как сотворенная пища.

О наследии он тоже не волновался. Арминатти – председатель ученого совета, но Зодер Локателли уже сейчас выполняет три четверти его обязанностей. Он великий волшебник – и великий администратор.

А Арминатти, увы, хорош только в волшебстве...

К счастью, Мистерия – не государство. Председатель ученого совета – не правитель. По большому счету от него требуется только руководить ежелунными заседаниями в Гексагоне – а в остальное время он занимается тем же, чем и остальные президенты университетов.

А у них тоже обязанностей не так уж и много. Непосредственное управление институтами – дело ректоров и деканов, президент – больше почетная должность. Конечно, все зависит от конкретного индивида, некоторые президенты очень даже деятельны... но Арминатти был не из таких.

Больше всего на свете он любил колдовать и учить колдовству других. Не знал даже, что ему нравится сильнее. Сейчас старый волшебник бочком пробирался по коридору Адэфика-роса, стараясь не привлекать к себе внимания – но его все равно замечали, и отовсюду неслись почтительные приветствия. Слыша очередное «мир вам, мэтр Арминатти», председатель на миг замирал, неловко улыбался, тихонько бормотал: «и вам мир...»

Он был скромным человеком, нынешний глава Мистерии. Робким, неприметным, очень стеснительным. У него не было ни одного врага, потому что он в жизни ни с кем не ссорился и ужасно боялся кого-нибудь обидеть. Были завистники, потому что не всем в свое время пришлось по душе присвоение ему Бриара первой степени, но Арминатти бы ужасно удивился, узнав о их существовании.

– Мэтр Арминатти, можно вас на пару слов?

Старый волшебник вздрогнул, как вздрагивал всегда, когда кто-то вдруг желал с ним поговорить. Особенно сейчас, когда он спешил на лекцию. Если свои административные обязанности Арминатти охотно и почти в полной мере уступил тем, кто желал их принять, то преподавать он не прекращал никогда.

Но сейчас к нему обратился не кто иной, как Эстур Горотти, префект Кустодиана. Тучный, рослый, с пышными черными бакенбардами и красными щеками, Горотти был полной противоположностью невысокому, хрупкому и совершенно седому Арминатти.

– Я как раз вас разыскивал, – сказал префект, источая такой мощный запах жареного лука, что Арминатти машинально пересотворил вокруг себя воздух. – Нужно ваше одобрение операции восемь-один.

– Гм, да, операция восемь-один... – чуть растерянно кивнул Арминатти. – Гм, а разве она еще не закончилась?

– Еще и не начиналась. Деревню уже оцепили, чары установлены, ликвидаторы ждут отмашки.

– Хорошо, а с местными что?

– Здоровых не осталось. Тех, кто контактировал, уже закопали. Остальных изолируем, как только поймаем.

Арминатти вздохнул. В том числе из-за этого он не любил свою должность, не любил свои обязанности. Некоторые мероприятия Кустодиана... неопытны. Необходимы, без них все было бы гораздо хуже... но как же тяжело давать свое одобрение... такому.

Но это тоже вынужденная необходимость. Кому еще принимать... окончательные решения? Мистерию возглавляет ученый совет, и все самое важное обсуждается и принимается коллективно, но в ученом совете тридцать шесть членов. Не будешь же каждый раз получать тридцать шесть подписей или созывать заседание... оно состоится сегодня, очередное ежелунное заседание, но до него еще несколько часов...

А деревню уже оцепили и ликвидаторы ждут...

– Одобряю, – тихо сказал Арминатти. – Проследите, гм, чтобы они не страдали.

– Это уже не люди, мэтр, – напомнил Горотти.

– Я знаю. И все же.

Горотти молча кивнул.

Он очень надежен, префект Кустодиана. Гибок, как каменный столб, и деликатен, как брошенный кирпич. Он сделает все, что нужно, решит любую проблему и будет потом спокойно спать. У него большая семья, он прекрасный муж и отец. Арминатти слышал, что

его младший сынишка тоже хочет работать в Кустодиане, как папа. Еще говорить толком не выучился, лепечет что-то, а уже выбрал будущую профессию.

И это нужная профессия. Необходимая. Мистерия не смогла бы существовать без Кустодиана.

Но Арминатти ужасно не любил, когда к нему приходили за очередным... одобрением. Каждый раз надеялся, что это был последний раз, что больше такое не потребуется... но понимал, что потребуется, обязательно потребуется.

Ухода префекта Арминатти не заметил. Машинально отвечая на приветствия студентов и коллег, он шагнул к большой деревянной двери, за которой располагался лекторий. Так же машинально он эту дверь открыл, взойдя на кафедру и обратил взор к рядам лиц. Юноши и девушки двенадцати разных биологических видов смотрели на него в нетерпении, ждали его слов.

Кто попало не приходил на его лекцию, лекцию президента Адэфикароса. Классруком Арминатти не бывал с тех пор, как стал деканом, но вести факультативы не переставал ни на день. И посещали их только те, кому и в самом деле было интересно, кто желал почерпнуть что-то новое, научиться чему-то особенно сложному.

– Сегодня, гм, мы рассмотрим отличия трансмутации от трансформации, – заговорил Арминатти. – Те нюансы, которые знаменуют, гм, разницу между материализованными веществами и порожденными алхимически. А также узнаем, как с помощью, гм, материализации максимально приблизиться к элементам-трансмутам и повысить реальность квазиала до предельно, гм, возможной. Давайте для начала проведем опыт...

Он говорил очень тихо. У Арминатти был слабый надтреснутый голос, его смущали громкие звуки. Но каждое его слово разносилось по всей аудитории, и студенты боялись дышать, когда профессор в очередной раз запинаясь.

Ему нравилось учить других. Он много веков передавал знания молодежи. Он бы предпочел только этим и заниматься в жизни – читать лекции, писать книги, исследовать точную магию. Равнодушный к карьере и наградам, Арминатти немного даже стыдился своих премий Бриара, считал не очень-то заслуженными, полагал, что многие другие волшебники достойны их больше.

И уж конечно он никогда не хотел входить в ученый совет.

Но его волшебный дар был огромен, а достижения и научные труды сложно переоценить. Потому еще относительно молодым его уговорили принять должность декана создающего факультета. После смерти мэтра Левефрона он естественным образом стал ректором Репарина, а после смерти мэтресс Искотиасс – президентом Адэфикароса.

И на этой должности он провел четверста лет, тихо и мирно возглавляя университет, ведя исследования и читая лекции. Всю административную работу делали ректоры и секретари, Арминатти был чисто почетным президентом, безмолвно сидящим на ежелунных заседаниях в Гексагоне. Он почти никогда не высказывался, не брал слова, а только отвечал, если к нему обращались.

Потом то ли скончался, то ли исчез Уль-Шаам. Бессменный председатель ученого совета на протяжении четырехсот двадцати шести лет, самый длительный лидер Мистерии за всю историю. И... и Арминатти так же естественным образом стал новым председателем ученого совета.

На тот момент он был единственным лауреатом первой степени среди президентов – а значит, единственным возможным кандидатом. И хотя было очевидно, что этой должности более достоин мэтр Локателли... но он на тот момент был только ректором. Лауреат первой степени – но все еще только ректор.

А по уставу председателем ученого совета должен быть президент университета и обладатель Бриара первой степени. Арминатти был единственным, кто удовлетворял обоим условиям.

Тринадцать лет спустя скончался мэтр То-Меег, и Локателли стал президентом Мистегральда. Сразу после этого Арминатти подал в отставку. Он чувствовал себя очень старым и хотел отдохнуть.

Но его уговорили забрать заявление. И хотя по факту Мистерией уже давно руководит Локателли, формальным главой по-прежнему остается Арминатти.

Очень старый, уставший от жизни волшебник.

Он обводил взглядом аудиторию – и видел новое поколение. Очередной набор студентов, молодых бакалавров, которые шли на лиценциатов. Многие из них выпускаются уже в этом году, пополнят число волшебного сообщества.

В основном тут были студенты Репарина и остальных институтов Адэфикароса. Но были и представители других университетов. Артифициум, Мистегральд, Риксаг, Провокатонис, Доктринатос... насколько же проще и удобней стало обучать молодежь, когда все они слились в единое целое, организовались в Клеверный Ансамбль!

Большую часть жизни Арминатти Адэфикарос находился в совсем ином месте, очень далеко от Валестры. Да и образовательная система большую часть его жизни была иной, куда менее эффективной. Реформа Локателли поистине дала Мистерии мощный толчок, значительно ускорила развитие волшебной мысли.

Все эти юноши и девушки в аудитории... они не застали времен до Клеверного Ансамбля. Ему уже пятьдесят пять лет, а даже студентам-эльфам нет и тридцати. Для них это естественно – что все шесть университетов стоят в одном месте, что можно бегать на факультативы в другие здания, что в центре Клеверной площади высится великолепная библиотека Мазетти, а совсем рядом – Валестра, изумительный волшебный город.

Сегодня Арминатти особенно не хотелось заканчивать лекцию. Он бы с удовольствием продолжал ее и продолжал. Но расписание есть расписание – близится обед, а после надо идти в Гексагон. Сегодня Медный день, а вторая половина Медного дня всегда посвящена заседанию.

Раньше для этого приходилось пересекать половину Мистерии. Конечно, Гексагон давным-давно соединили порталами с кабинетами всех президентов и ректоров, но все-таки стало проще. Если бы Арминатти был из тех, кто живет в Валестре или любит по ней прогуливаться, он мог бы просто дойти до Гексагона своим ходом, пешком.

– Дорогие студенты, – обратился к аудитории Арминатти, когда песок в часах пересыпался. – Напоследок хочу вам всем сказать... гм... учитесь, творите и любите. И никогда не теряйте интереса к жизни.

Студенты стали переглядываться. Странно как-то сегодня закончил профессор лекцию. И взгляд у него странный – как будто пытается запомнить каждого.

А Арминатти тем временем дематериализовал учебные пособия и засеменил к выходу. Сегодня лекция у него только одна, до заседания время тоже еще осталось. Можно пока... честно говоря, он сам не знал, чем хочет заняться.

Наверное, просто посидеть на скамейке. День сегодня очень солнечный, не по-осеннему теплый.

Он сотворил себе бутерброд. Большой бутерброд с сыром и ветчиной. Тот был идеальным – в точности таким, как любил Арминатти. Тщательно пережевывая каждый кусочек, старик разглядывал шпили и башни Клеверного Ансамбля.

Рядом остановились два студента, юноша и девушка. При виде самого председателя ученого совета они выпучили глаза, и девушка с надеждой протараторила:

– Мир вам, мэтр Арминатти, я Иллиона, а это Айза, а можно взять у вас интервью для стенгазеты?!

– Интервью, гм?.. – растерянно моргнул Арминатти. – А вы с какого института, молодые люди?

– Я с Венколора, а Айза с Поэтаруса, но мы не для институтской, а для общеакадемической! Айза, скажи мэтру Арминатти!

– Я... я главный редактор, мэтр, – ужасно робея, представился юноша. – Если согласитесь сказать пару слов, будет очень здорово, нам ужасно нужен материал для «Наших учителей», а вы... ну, вы...

– А я вас нарисую! – пообещала девушка, тут же выхватывая из тубуса холст. – Можно, да?.. Айза, быстрее, опрашивай мэтра Арминатти!

Холст повис в воздухе, и по нему забегала светящаяся кисть. А Айза Дегатти, один из самых многообещающих студиязов Поэтаруса, принялся торопливо записывать ответы одного из самых почтенных профессоров.

Тот очень неловко себя при этом чувствовал. Словно обманывает этих наивных детей, прикидывается кем-то особенным, какой-то значительной личностью. Он бы предпочел просто встать и уйти, не давать никакого интервью, но это будет совсем невежливо и может обидеть молодых людей.

А Освельдек Арминатти больше всего на свете боялся кого-нибудь обидеть.

Нет, среди вопросов не было сложных или коварных. Очень стандартный набор, председатель ученого совета по крайней мере раз в год давал на него такой же стандартный набор ответов, и выучил их давно наизусть.

Когда и почему вы решили стать волшебником, и каково это – им быть? Каково было учиться во времена вашей юности? Вообще чем Мистерия и весь мир пятисотлетней давности отличались от нынешних? Ваше любимое заклинание, почему именно оно? Чем вы сильнее всего гордитесь? Что вас вдохновляет? Над чем сейчас трудитесь? Каковы планы на будущее? В чем секрет вашего успеха? Чем вы занимаетесь в свободное время? Сформулируйте ваше отношение к жизни, ваше кредо. Что можете пожелать нашим читателям?

И все в таком духе.

Интервью и портрет подошли к концу почти одновременно. Было бы проще сделать инкарну, но адепты Венколора пишут портреты вручную – и это особенные, живые портреты. Арминатти улыбался с холста, и любому, кто подойдет к стенгазете, он сам прочтет свое интервью, произнесет то же самое, что произнес здесь и сейчас.

А общеакадемическая стенгазета Клеверного Ансамбля – это настоящая летопись шести университетов. Когда те объединились, естественным образом появился и общий новостной вестник, «Эфирный хронограф». Выходит эта большая стенгазета раз в луну, сотрудничают в ней студенты всех тридцати институтов. И все старые номера хранятся в особом библиотечном шкафу под присмотром мэтра Мазетти.

Рассыпаясь в благодарностях, Иллиона и де... Айза пообещали, что интервью с уважаемым председателем будет в самом центре стенгазеты. Того это не порадовало и даже ужасно смутило, но возражать было неловко, и он тоже поблагодарил студентов, что посвятили ему столько времени.

Над Клеверным Ансамблем поплыли мелодичные звуки. Тройное пение дрозда – третий полуденный час. Занятия закончились... а в Гексагоне начинается ежелунное заседание. Арминатти, забывший о времени, торопливо распрощался и принялся перебирать эфирные струны, меняя свои координаты в пространстве.

Он страшно переживал, когда куда-то опаздывал.

Переместился он не в Гексагон, а к себе. Это проще всего. Кабинет президента Адэфикароса был домом Арминатти уже столько лет, что он и не помнил времен, когда жил где-то еще. И, как и все кабинеты президентов и ректоров, был он соединен прямым порталом с Гексагоном. Арминатти просто открыл дверь – и прошел к своему месту.

Сегодня он явился в числе последних – но, к счастью, не последним. Пять президентов и двадцать шесть ректоров уже присутствовали – но все-таки кворум еще не собрался.

Зал заседаний имел шестиугольную форму. В центре оставалось свободное место для посетителей, просителей, послов, а иногда и подсудимых. Вокруг располагались два кольца кресел – шесть первым ярусом, тридцать вторым, – а за ними уходили ввысь ряды амфитеатра, где могли присутствовать любые желающие. Арминатти предпочел бы сидеть на втором ярусе, среди ректоров, а то и вообще в амфитеатре, среди зрителей, но приходилось быть на самом виду, среди президентов.

Сидящий справа Медариэн тихо поздоровался, и Арминатти так же тихо ответил. Была середина осени, и президент Риксага выглядел лет на шестьдесят.

Шумно обсуждая что-то с Гальвени, вошел Ганцара. Ректор Симфониара редко бывал пунктуален, но от ректора Ингредиора Арминатти такого не ожидал. Обычно Драммен являлся в числе первых, вместе с Ир Кенчем и Кройленгом Даректы.

Последним пришел Вайкунтби. Виновато бормоча о затянувшемся опыте, он уселся на свое место ректора Трансмутабриса, и Арминатти взялся за молоточек. В общем-то, все его обязанности как председателя сводились к тому, чтобы открывать и закрывать заседание, со всем остальным справлялись и без него.

И, как почти и всегда, ведущую роль сразу взял на себя Локателли. Энергичный и деятельный, президент Мистегральда помахал зрителям в амфитеатре и предложил желающим прочесть повестку сегодняшнего заседания. На протяжении предшествующей луны президенты и ректоры вносили в нее все, что желали обсудить.

В основном решались вопросы, касающиеся образования. Ученый совет – это в первую очередь ученый совет. Обеспечением бесперебойной работы Мистерии занимаются другие организации – Кустодиан, Лидорзорий, Крематистериум, Метеорика, Поргалика.

И сегодня начали с заполнения вакантного кресла. В эту луну скончалась мэтресс Мо Дзи, почти полвека проработавшая ректором Вербалеона. Ученому совету требовался новый член – и это должен быть лауреат премии Бриара.

Выбор обычно небогат. Даже третьей степени Бриара обладают всего полторы сотни индивидов. А поскольку нужен еще и адепт конкретного института, кандидатов редко бывает больше пяти, а по факту и еще меньше, поскольку далеко не всем интересны преподавательская и административная деятельность.

– Коллеги, я предлагаю не тратить впустую времени, – положил на стол две инкарны Локателли. – У нас есть мэтресс Треза и мэтр Йогарис. У обоих третья степень, и оба будут отличными ректорами.

– И оба, конечно же, не люди, – проворчал ректор Альянетти. – Опять, опять, как обычно...

Раздались смешки. Дардан Альянетти в своем репертуаре...

– Подожди, так он Дардан или Освельдек? – перебил Бельзедор, опорожнив очередной бокал.

– Освельдеком звали Арминатти, – пояснил Дегатти. – А Дардан – имя Альянетти. Это разные люди.

– Слушай, а ты не мог этому Альянетти в своей байке фамилию изменить? Я же их путать буду.

– Да что же я, виноват, что их похоже звали?

Альянетти, Дардан Альянетти. Когда-то этот древний старик сидел в первом ярусе, среди президентов. Недолго, всего лет двадцать, и очень давно – за сотню лет до того, как в ученый совет вошел Арминатти. Он был последним президентом Пеканиума – того странного универ-

ситета, в который принимали исключительно уроженцев старых семей Мистерии и ценили в первую очередь не талант, а происхождение.

Расформировали его много веков назад, Альянетти из президента стал ректором Арбора, но взгляды его ничуть не изменились. Он по-прежнему считает, что потомки основателей Мистерии – лучшие волшебники из всех и должны пользоваться особыми привилегиями. Что же до нелюдей... у Альянетти нет предубеждения к нелюдям как таковым, но они просто по определению не могут быть членами старых семей, так что при выборе между человеком и нечеловеком старик всегда проголосует за человека.

Но в этот раз выбирать предлагалось между огрихой и драконом. И оба они Дардану Альянетти ужасно не нравились.

– Почему не подходит Осведенни? – требовательно спросил он. – Я же выдвигал его кандидатуру. Адепт Вербалеона, есть Бриар, большой опыт преподавания... что с ним не так? Это все потому, что он из старой семьи?

– Нет, это потому, что он в Госпитиуме, – сказал Медариэн.

– Госпитиум – не Карцерика, это не клеймо. Он выздоровеет, я в него верю.

– Я лично его психозрил, – напомнил Медариэн. – Если Осведенни и придет однажды в себя, то уж не в ближайшие луны, боюсь.

– А институт не может без ректора дольше одной луны, – сухо сказал Магуур. – Вербалеон сиротствует уже тринадцатый день, так что...

– Совершенно с вами согласен, коллега, – кивнул Локателли. – Итак... Треза или Йогарис?

Кто-то высветил в воздухе объемные портреты обоих. Высокая широкоплечая огриха с суровым лицом, курчавыми длинными волосами, широким носом и маленькими красными глазами – мэтресс Треза. Одна из лучших заклинательниц в мире, непревзойденный знаток языка Каш. Многодетная мать, любящая жена, почти полвека преподавала в Вербалеоне.

Другой кандидат был и того крупнее. Изумрудный дракон пятидесяти локтей длины. На самом деле для своего вида мэтр Йогарис весьма миниатюрен, но дракон есть дракон. До того, как президентом Доктринатоса стал Айно Магуур, на этом месте стояло другое кресло, огромное и причудливой формы – а заполнял его председатель Уль-Шаам.

В Мистерии не так уж много граждан драконьего происхождения – и это несмотря на то, что волшебным даром среди их породы наделен чуть ли не каждый. Во-первых, драконы по природе своей невысокого мнения о всех, кто меньше их, кто смертен – и лишь некоторые из них соглашаются учиться у людей. А во-вторых, драконы в молодости мало отличны от животных и могут попросту сожрать своих одноклассников.

Ну а к тому времени, когда эти ящеры умнеют, они уже слишком крупные и взрослые, чтобы ходить в школу.

Но нет правил без исключений. Некоторые драконы начинают говорить уже в детстве – и эти иногда учатся в Мистерии. Они, конечно, все равно крупноваты, но уж не настолько, чтобы не уместиться в аудитории. Ну а обучившись магии, они уже без труда и меняют размеры, и превращаются в людей.

К тому же именно как преподаватели и администраторы драконы не знают себе равных. И обсудивший обе кандидатуры ученый совет тридцатью четырьмя голосами из сорока двух выбрал Йогариса. Локателли, который, разумеется, заранее выяснил мнение самого кандидата, тут же ему отзеркалился и пригласил в ближайшее время прибыть на должность... да-да, можно прямо на сегодняшнее заседание, оно только что началось.

Утвердив нового ректора, ученый совет принял две депутатии. И в первой были те, кто уже неоднократно обращался в Гексагон с одним и тем же вопросом, с одним и тем же заявлением. Им каждый раз отказывали, но они возвращались вновь и вновь, при каждом новом своем короле.

Твинодаки. Представители Твинской Империи. Их уже много веков не устраивал тот факт, что им недоступно волшебство.

– Согласно протоколу, мы приветствуем Мистерию в виде наиболее значимых ее особей, исполняя здесь функции сената и короля Урбейна, седьмого этого имени, – ровным голосом произнес глава делегации. – Мы притворяемся, что здесь и сейчас вместо нас тут присутствуют сенат и король и просим дозволения зачитать наше прошение, присовокупив к нему ходатайство первых лиц Твинской Империи, а также апелляцию к предыдущему прошению от года тысяча триста двадцатого, в котором нам было отказано.

Арминатти смущенно отвел взгляд, поскольку смотрел глава делегации в первую очередь на него. В прошлый раз он смотрел на Уль-Шаама.

Твинодаки – воистину удивительные создания. У них две руки, две ноги, они ростом с людей – но от людей они так далеки, что и не передать. Вскрыв твинодака, вы не найдете ни костей, ни крови, ни мяса – только сплошную хрящобразную массу розового, бежевого или серого цвета. В области головы эта ткань устроена особенно сложно, но именно мозга у твинодаков тоже нет. Они дышат всем телом (причем как в воздухе, так и в воде), регенерируют части тела, не чувствуют боли и не имеют пола, размножаясь митозом.

А еще у твинодаков полностью отсутствует активный дух, чакры и духовные линии. Они не видят снов и не умеют фантазировать, у них нет религий, а главное – они не способны овладеть даже самой простейшей магией. Натаскивай твинодака хоть сотню лет – толку не будет.

Именно это с грустью объяснял их депутатам Локателли. Но твинодаки, способные в уме совершать сложнейшие расчеты, здесь проявляли удивительную твердолобость. На каждую реплику Локателли они возражали одним и тем же:

– Мы не наблюдаем в приведенных вами фактах аргументов в пользу принципиальной неосуществимости получения новых знаний существами нашего вида.

– А я вот наблюдаю, – начал терять терпение президент Мистегральда. – Господа мои, любезные и хорошие, ну что же вы никак не поймете? Приходите вы на здоровье в нашу Делегацию, сдавайте экзамены... почти в любое время года работает! Сумеете сдать – милости просим, учитесь.

– Наши особи краткого возраста неоднократно пытались пройти ваше тестирование, – ответил глава делегации. – Мы не наблюдали результативности.

– Ну правильно, не наблюдали. Давайте я напомню, как у нас все устроено, – принялся черкать в блокноте Локателли. – По статистике... гм... да будет линейка... да, по статистике примерно сорок процентов абитуриентов получает от семисот до восьмисот баллов – и учится в КА за плату, за монетки. Чем больше баллов, тем ниже плата, все честно. Еще почти столько же получает от шестисот до семисот баллов – и в КА их не берут, зато предлагают Типогримагику, сокращенный трехлетний курс. Многие соглашаются.

– Ни одна из наших особей краткого возраста не получала такого предложения.

– Ну правильно. Еще десять процентов абитуриентов набирает больше восьмисот баллов – и их мы учим в КА бесплатно, потому что таким талантам нельзя позволить пропадать. Но остается... сколько там еще остается?..

– Еще десять процентов, – ответил внимательно слушающий твинодак.

– Вот. Эти десять процентов набирают меньше шестисот – и это означает, что их вообще бесполезно учить. Даже в Типогримагике, даже самой примитивной ремесленной магии. И ни один твинодак шестисот баллов еще не набирал.

– Почему проходной балл – именно число шестисот? – спросил депутат.

– Потому что им должно быть какое-то число. И мы составили тест так, чтобы им было шестисот. Пятьсот девяносто девять баллов – это максимум того, что хотя бы теоретически может набрать индивид, вообще не имеющий магических способностей. Четыреста за тео-

рию... и как раз ее вы всегда сдаете блестяще... и сто девяносто девять за практику. За те испытания, которые не требуют таланта к волшебству. Например, за тестирование памяти любой твинодак легко наберет полную двадцатку...

– Мы не прекращаем знать никакую полученную информацию.

– Да, у вас у всех абсолютная память, – согласился Локателли. – Но это не имеет отношения к волшебству, это просто облегчает обучение. Также вы всегда идеально сдаете тесты на интеллект и хладнокровие, а в некоторых других испытаниях можно получить сколько-то баллов просто благодаря удаче... и вам иногда везет. Но даже покровительство Просперины не даст проходного балла, если отсутствуют чакры.

Твинодаки посовещались, а потом попросили объяснить им, что такое чакры. Они каждый раз просили об этом, потому что концепция от них упорно ускользала. Им хотелось знать, где конкретно эти чакры находятся, как их увидеть, можно ли их создать или пересадить от другого существа. И волшебники терпеливо им отвечали – но твинодаки отказывались принимать такие ответы, требуя других, более для них подходящих.

Твинодаки – воистину удивительные создания. Они парадоксальным образом сочетают выдающийся ум и вопиющую глупость. В чем-то они похожи на големов.

Прием депутации Твинской Империи завершился тем же, чем и всегда. Ученый совет заверил, что если однажды какой-нибудь твинодак каким-то чудом сумеет пройти вступительные экзамены – его примут на общих условиях. Закон един для всех, Мистерия всей душой за равные права и возможности.

Однако это заявление немного пошатнулось, когда перед ученым советом предстали члены другой депутации. Два искусственных прозрачных существа, молодая фелинка с бело-снежной шерстью и громоздкий бак на двух толстых ногах. Там, за толстым стеклом, окутанный ядовитым газом, покачивался комок белесой плоти с шестнадцатью тонкими щупальцами и двумя бесцветными глазами.

Зодчий.

Из отверстий в его защитном костюме вырвались беззвучные сигналы. Некоторые волшебники их услышали, а кое-кто даже понял, но для большинства они остались тишиной – и потому заговорила фелинка.

– Мессир Дельтек-Дэ, чрезвычайный и полномочный посол Раймы, неправомочный, сопровождаемый двумя фактитами альфа-класса, приветствует ученый совет Мистерии.

Снова основное внимание посольства было сосредоточено на Арминатти – и снова тот предпочел бы сидеть где-нибудь в амфитеатре, среди любопытных, что каждую луну являются поглазеть на вообще-то очень скучное заседание. Но он сидел на самом почетном месте из шести президентских – и ему пришлось вежливо кивнуть послу Зодчих.

Устное приветствие, к счастью, снова взял на себя Локателли.

– Ученый совет Мистерии тоже приветствует чрезвычайного и полномочного посла Раймы, – любезно произнес он. – Мы все очень рады видеть его в этот замечательный день, правда, коллеги?

– Ага, – недовольно сказал Магуур. – Очень.

Цель визита посла оказалась точно такой же, как у твинодаков. Они хотели, чтобы их детва училась в Клеверном Ансамбле. И это уже далеко не первая их попытка припасть к крупнейшему источнику волшебства на планете.

Зодчим будет сложно освоить магию. Дело не в том, что они не понимают суть, концепцию – добрых две трети абитуриентов ее тоже не понимает до начала собственно учебы. А теорию Зодчие за последние века усвоили как раз отлично – они даже создали у себя целый исследовательский центр, академию, которая изучает волшебство с научной, натурфилософской точки зрения.

Страшное оружие Раймы может уничтожать города и армии, но они боятся волшебства. Не могут его понять – но пытаются это сделать.

Познать. Подчинить. Поставить себе на службу.

Но успехи у них пока крайне незначительные, и они всячески стараются заполучить живых учителей, а еще лучше – отправить собственных представителей в Мистерию или другую школу, поплоче.

Учиться им будет паргоронски трудно. Они не могут дышать парифатским воздухом, не могут есть парифатскую еду. Они даже не могут нормально говорить.

К тому же отношения между Раймой и остальным миром остаются натянутыми, как гитарная струна. Зодчие крайне редко покидают свою территорию и крайне неохотно принимают у себя гостей. Их не интересует торговля и дипломатические отношения. Как и тысячу лет назад, они считают всех от себя отличных кем-то вроде говорящих животных.

И давать им доступ к магии – очень плохая идея. Они настолько чужды остальным народам и настолько враждебны к самой биосфере Парифата, что с ними просто нельзя делиться этим козырем. Волшебство – единственное, что сдерживает их экспансию.

Но если у них есть способности и желание, рано или поздно магию они освоят.

Все это прекрасно понимали. Но Мистерия подчеркнута вне политики. Подчеркнута предоставляет всем равные права. Зодчим нельзя отказывать просто потому, что они Зодчие. Пока что ни один их абитуриент не набирал проходного балла, потому что они все-таки слишком сильно отличаются, и многие тесты просто ставят их в тупик.

Но как долго это будет продолжаться?

– Я скажу вам то же самое, что говорил в прошлый раз, – произнес Локателли. – Единственный способ, которым вы сможете успешно сдать экзамены – лучше узнать наш мир и его обитателей. Побольше общаться с теми, кто не Зодчий, изучить местную культуру и быт. Тогда у ваших абитуриентов будут шансы. Сейчас вы, увы, проваливаете даже теоретическую часть... с арифметикой и естествознанием у вас все хорошо, но не с грамматикой и особенно не с философией.

Фелинка выслушала Зодчего и перевела:

– Мессир Дельтек-Дэ почтительно понял ваши слова, ваша мудрость. Он признает их разумными и справедливыми. Он просит дозволения отправить в Делекторию ребенка, которого он сам отпочковал совместно с полномочным Увельте.

– Вступительные экзамены может пройти любой желающий, – чуть натянуто улыбнулся Локателли.

Но едва Зодчий и его искусственные слуги покинули зал, как Альянетти хлопнул двумя пальцами по ладони. Нижние ярусы сразу окутало пологом тишины – ученый совет перешел к приватному обсуждению, закрытому для зрителей.

– Я понимаю, у нас принципы, – ворчливо произнес Альянетти. – Но иногда ими можно и поступиться. Все вы знаете меня как старого расиста, националиста, патриота и просто здравомыслящего человека... и я не собираюсь меняться! Я таков уже восемьсот лет, и я не собираюсь меняться! Однако я всегда был готов на любые компромиссы, и интересы Мистерии для меня важнее всего. Я даже позволил расформировать Пеканиум, если помните!

– Помним, помним, – любезно кивнул Локателли.

– Но сейчас мы подошли к опасной черте! – вскочил с места Альянетти. – Мы уже обсуждаем прием в КА Зодчих! А Зодчие – это не просто соседи по планете, с которыми можно худо-бедно договориться и которые отличаются от нас только парочкой деталей!

– Я так понимаю, вы против, коллега? – спросил Медариэн.

– Против ли я?! Да я скорее демона в КА приму! Они по крайней мере не хотят убить нас всех! А Зодчие спят и видят, как бы распространить свою заразу по всей планете и истребить

всех, кто не Зодчий! Вы думаете, они смотрят на нас, как на разумных существ?! Они видят в нас враждебную среду! Тех, кого нужно изучить, перенять все полезное... а потом уничтожить!

Члены ученого совета кивали. Тут не с чем было спорить. Ганцара, Гальвени, Даректы, Вайкунтби... ректоры один за другим опускали палец вниз.

– Однако тут есть и другая сторона, – напомнил Медариэн. – Если наша враждебность будет абсолютной и бескомпромиссной – у них не останется надежды, что они смогут... интегрироваться в нашу среду. Стать частью этого мира – и жить с нами в мире. А это означает войну. И дело неизбежно закончится уничтожением одной из сторон. Хотим ли мы этого?

Повисло напряженное молчание. Войны не хотел никто. Не столько даже потому, что Мистерия придерживается политики пацифизма, сколько потому, что абсолютной уверенности в победе ни у кого не было.

Когда-то Райму удалось напугать могущественной магией – и они по-прежнему ее боятся. Но сейчас они знают о ней гораздо больше. Прошла тысяча лет с тех пор, как покойный мэтр Мазетти вынудил их отдать портал, и волшебство давно уже для них не сюрприз и не страшная тайна.

– Ну так что же вы предлагаете? – спросил Вайкунтби. – Прямой отказ будет против наших принципов. Но и учить Зодчих магии мы тоже не можем.

– Они в любом случае рано или поздно ей научатся, – заметил Гальвени. – Их интересуем в первую очередь мы, потому что у нас ее больше всех. Но если мы откажемся наотрез – они переключатся на другие источники. Их на Парифате хватает.

– И что же вы предлагаете, коллега? – спросил Медариэн.

– Оставляйте им надежду. Допускать к экзаменам, но потихоньку заваливать. Это несложно, некоторые тесты очень субъективны.

– Мы никого не заваливаем! – гневно воскликнул Магуур. – Они просто не дотягивают до наших стандартов!

– Вот пусть Зодчие и дальше именно так и думают.

– Настолько некрасивую политику я не поддержу, – покачал головой Медариэн, с недовольством глядя на Гальвени.

– Как знаете, мэтр, но это было бы наиболее разумно.

Обсуждение затянулось еще на битый час. Все это время над креслами витал полог тишины, зрители все сильнее сучали, многие стали расходиться.

– Коллеги, коллеги, ну что за паника, что за истеричная суета? – увещевал волшебников Локателли. – Можно подумать, Зодчие для нас какая-то новость! Будто Зодчие – единственная блоха на нашей лысине! У нас большая планета, коллеги. Сосествуем же мы как-то с Великой Лабораторией, Легационитом, арганкилами и даже Темным Властелином, этой гнусной, ублюдочной мразью...

– *Дегатти, ай-яй-яй...*

– *А что, неправда? – хмыкнул волшебник.*

– *Правда, но Локателли бы так не сказал. Мы с ним враждуем со взаимным уважением и не опускаемся до мелких оскорблений.*

– ...И даже Темным Властелином. А Зодчие, в отличие от него, не абсолютно враждебны – с ними можно договориться, можно прийти к компромиссу. И у них тоже есть чему поучиться, у них много знаний и секретов, которые не уступают нашему волшебству...

– Только они отказываются ими делиться, – заметил Гальвени.

– Ну вот вам и ответ, – улынулся Локателли. – Давайте намекнем им, что будет только справедливо, если обмен знаниями станет взаимным.

– Они не согласятся, – проворчал Магуур. – К тому же их... машины... это не големы, не сервапоры и не субтерм-конструкты... я разобрал одну из них, но это принципиально другое... ладно, не здесь это нужно обсуждать.

– Действительно, что-то мы затянули с этим вопросом, – согласился Локателли. – Мэтр Арминатти, почему вы нас не одергиваете?

Арминатти только слабо улыбнулся, сидя в кресле с полужакрытыми глазами. Он чувствовал сонливость и даже сильную слабость. Чувствовал, как ослабевают реальность его физической оболочки. Ему не хотелось шевелиться, не хотелось говорить – только сохранять покой и слушать эту привычную дискуссию коллег, ворчливую болтовню старых друзей...

Ученый совет Мистерии нетороплив и консервативен. Его состав редко обновляется, некоторые сидят в креслах по несколько веков. Тот же Альянетти, который на триста лет старше Арминатти, но выглядит куда бодрей и энергичней... есть у Арбораза это преимущество долгожительства, они очень надежно привязаны к физическому миру.

– Давайте перейдем к самой неприятной части повестки, – предложил Медариэн, снимая полог тишины. – Введите подсудимую.

Суд. Он случается далеко не в каждое заседание, поскольку с обычными магиозами Кустодиан разбирается своими силами, лишь изредка запрашивая одобрения. Но дела профессоров рассматривают всем ученым советом – и сегодня одну такую ввели в шестиугольный зал Гексагона. На руках у обвиняемой висели корониевые кандалы, а сопровождал ее сам префект.

– Лефория э'Стуккей, профессор Даксимулета, – представил волшебницу Горотти. – Обвиняется в продаже волшебного оружия в Империю Зла.

– Она агент Зла? – уточнил Локателли.

– Нет, просто недобросовестный артефактор. Необычны только масштабы поставок – до пятисот клинков в луну.

Ученый совет изумленно зашептался. Мэтресс э'Стуккей была всем тут известна – она действительно одна из лучших создательниц зачарованного оружия, ее изделия неподражаемы. Но пятьсот в луну... то есть, получается, по девятнадцать в день... это поражает.

– Вы что, задались целью в одиночку вооружить все Легионы Страха? – подался вперед Локателли.

– У них более чем хватает и своего оружия, – заметил Медариэн. – И свои производители тоже есть. Если Бельзедор обратился к внешним источникам... он затевает большую войну?.. С кем?

– Мы тоже пришли к таким выводам, – кивнул Горотти. – Но у подсудимой нет ответов, ее уже психозрили.

– Могу ли я удостовериться? – посмотрел на волшебницу Медариэн. – Вы позволите, мэтресс?

– Не в моем положении возражать, – уныло ответила э'Стуккей, опустив взгляд.

Трудно спорить, что Медариэн – лучший психозритель среди ныне живущих. Даже в корониевых кандалах э'Стуккей оставалась профессором – но Медариэн проник в глубины ее сознания, словно повернул ключ в замке. Несколько секунд он быстро-быстро моргал, деликатно изучая содержимое чужого разума – а потом снова откинулся в кресле.

– Крайне любопытно, – произнес он. – Итак, проверим, правильно ли я понял. Заказы поступали к вам через посредников, вы полагали, что работаете на Грандпайр, Сунгелар, Лриллионис и другие крупные государства...

– Не совсем так... – открыл рот Горотти.

– ...Но потом вы узнали, кто за этим стоит. Причем довольно быстро, – закончил Медариэн. – Однако... от сотрудничества не отказались и в Кустодиан не сообщили. Почему?

– Вы же сами все видели, – отвела взгляд подсудимая.

– Я хочу услышать из ваших уст.

– Что именно? Мои предположения?

– Ваши мотивы.

– Они... очень хорошо платили, – закусила губу э’Стуккей. – К тому же... я подумала... вы ведь видели, что это за клинки.

– Да, это особенно любопытно, – положил подбородок на ладони Медариэн. – Противодемонические, все до одного. Некоторые – артефакты высшего порядка.

– Эти – по спецзаказу, – с некоторой даже гордостью сказала волшебница. – Я подумала... понимаете... бессмысленно заказывать что-то такое, если твой враг – не демон. А если Темный Властелин собирается воевать с демонами... что в этом плохого для нас?

– Этот эпизод довольно скучный, мне кажется, – поставил кружку на стол Бельзедор. – Давайте его пропустим.

– А мне вот стало необычайно интересно, – тоже поставил кружку Янгфанхофен. – Продолжай, Дегатти.

Пологом тишины все накрыло еще несколько фраз назад. И теперь ученый совет стал бурно обсуждать услышанное. Префект Горотти разводил руками – у него тоже были двойные чувства.

– Вы все же были обязаны сообщить обо всем сразу, как только узнали, кто ваш заказчик, – заметил Медариэн.

– Знаю, знаю, – вздохнула э’Стуккей. – Но вреда же никому не было...

– И вы очень хорошо заработали, полагаю, – ядовито сказал Магуур. – Пятьсот клинков в луну... мало какая страна может себе такое позволить.

Подсудимая продолжала сверлить взглядом пол. Ей было очень стыдно.

– Мы не можем простить ее только потому, что оружие... специфического назначения, – сказал Локателли. – А то, знаете, так мы можем далеко зайти. Это всего лишь салфетки... это всего лишь лекарственные зелья... никому нет вреда... и вот мы уже не заметили, как начали продавать им субтерму и яды.

– У них этого добра и без нас хватает, – пожал плечами Гальвени. – Половина планеты торгует с Империей Зла. А вот противодемонические клинки... это интересно, коллеги. Зачем бы они Бельзедору?

– Вот мне тоже интересно, – сказал Янгфанхофен.

– Янгфанхофен, не начинай, – покачал головой Бельзедор. – Я ведь тоже прекрасно знаю о «Выгуле щенят».

– Что?.. Каких еще щенят?..

– Не коси под дурака. Тебе не идет.

– Мне на ум приходят только два объяснения, – сказал Локателли. – Либо Бельзедор всерьез опасается Пятого Вторжения, либо ему самому уже недостаточно править кусочком Парифата, и он замышляет...

– Стать королем демонов?! – подался вперед Ганцара. – Это была бы великолепная сага!

– Да просто окиренная, – проворчал еще кто-то.

Арминатти в разговор не вмешивался. Он размышлял о Бельзедоре, о демонах... и понемногу растворялся в потоках эфира. Ему уже приходилось прилагать усилия, чтобы оставаться стабильным, сохранять определенную форму.

А потом он почувствовал толчок. Возмущение в эфире, повреждения в ткани реальности. Очень далекие, очень слабые... нет, на самом деле весьма значительные, просто на огромном расстоянии.

Особо мощное землетрясение?.. Цунами?.. Прорыв Кромки, выплеск Хаоса?.. да, что-то отдаленно похожее...

Председатель обвел взглядом остальных. Кажется, никто больше не чувствует. Даже Медариэн сидит спокойно.

Может, ему просто кажется? Обычно он не ошибался в таких вещах, но... неловко будет беспокоить ученый совет понапрасну. Они обсуждают крайне важное дело, а тут он с какой-то чепухой.

Лучше просто тихонько проверить самому.

– Коллеги, с вашего позволения, я отлучусь на минутку, – чуть слышно пробормотал Арминатти, выскальзывая в дверь позади кресла.

Его ухода толком и не заметили. Заседание совета длится от восьми до десяти часов – все время от времени отлучаются по разным надобностям. Арминатти коснулся рукояти портала и тот, узнав ладонь, вывел его прямо в кабинет президента Адэфикароса.

Здесь он на несколько секунд замер. Эфир... Арминатти почти утонул в нем, почти растворился. Его руки стали прозрачными, а с кожи и волос сорвались миллионы искорок. На какое-то мгновение волшебник услышал всю планету, почувствовал каждого ее обитателя, ощутил бесчисленные реальностные прорехи и микротрещины в Кромке.

Их очень много, они повсюду, но почти все – крошечные, незначительные. Это нормальная картина, они то и дело возникают и сами же потом рассасываются. Но в одном месте... там словно рваная дыра. Арминатти поежился и вздохнул, а потом коснулся ручки Кудаугодочной двери.

Это оказался город. Один из великого множества парифатских городков, где-то в северных землях. Здесь уже в полные свои права вступила осень, дул холодный ветер... в Мистери-то климат мягкий, лета прохладные, а зимы теплые. Арминатти поежился и ускорил движение воздушных частиц. Вокруг стало теплее.

Значительные нарушения реальности... Арминатти определил вектор и пару раз моргнул. Перед глазами возникла координатная сетка. Направление... расстояние... да, туда. Волшебник вошел в резонанс с молекуляром и перестроил себя по отношению к пространству.

Через долю секунды Арминатти рассыпался там, где стоял, и сформировался двумя кварталами дальше, на большой площади. Точно такой же, как был, только, кажется, чуть меньше ростом и с более короткими волосами. В последнее время он становился рассеян и немного путался в мелких деталях.

Физическое тело не имеет особого значения, оно все равно скоро умрет.

Арминатти взглянул на огромный дворец... два дворца. Один – самый обычный, с историей и старой астральной тенью. Выстроенный классическим образом, вручную. Вон к той башенке немного приложено волшебство, но и только-то.

Второй же... он гораздо больше и совсем свежий. Практически стерильный, созданный с нуля буквально только что. Реальность еще дрожит от такого грубого изменения.

Это... да, это прямое вмешательство, непосредственный контроль. Это не псевдоматерия, не оформленная в твердую иллюзию мана. И не выстроенные нужным образом мириады реально существующих молекул. Нет, тут все еще бурлит Хаос, и сущее нестабильно.

Есть и множество других микровсплесков. Тут, там... непосредственное воздействие на физические объекты, даже на людей.

Но не это привлекло внимание Арминатти. Его интересовал тот, кто сейчас как раз появился на пороге этого огромного дворца, выступил на площадь и вскинул руки над головой.

– Возлюбленные мои подданные! – хорошо поставленным голосом воскликнул король этой державы. – Возрадуйтесь же, ибо злой колдун, что принес Марюлии столько зла, мертв, а дочь моя освободилась от его чар!

Ответом ему были нестройные приветствия. Народ постепенно собирался в кучки, и вид у многих был ошалелый. Судя по остаточным эманациям в эфире, сегодня тут творилось что-то несусветное. Но эффект был неустойчивый и вряд ли продлится долго.

Арминатти вздохнул, глядя на короля, сотворил себе палку и поковылял к ступеням. При виде его монарх широко улыбнулся, сделал шаг навстречу и протянул волшебнику руку.

– Добро пожаловать, мэтр Арминатти, добро пожаловать! – воскликнул он. – Честно говоря, не ожидал вас здесь сегодня встретить, но неожиданная встреча – не всегда неприятная, не так ли?

Арминатти заглянул ему в глаза. Он не знал этого человека. Никогда раньше его не видел. Марюлия... признаться, он даже не помнил, где это, на каком континенте. На Парифате бесчисленное множество таких вот незначительных королевств, и всех их владельцев упомянуть невозможно.

А вот король его узнал... или, скорее, тот, кто смотрит из его глаз.

– Ваше величество, позвольте мне поговорить с... кто вы, мессир? – заглянул в самую глубь Арминатти.

Несколько секунд король и волшебник молча смотрели друг на друга. Потом венценосец рассмеялся, шутовски раскланялся – и его лицо заколебалось, кожа заходила ходуном.

– Не могли бы вы, гм, оставить это тело? – почти виновато попросил Арминатти.

– Мог бы, но... но не буду, – улыбнулся король. – Этот смертный предложил мне все, что пожелаю. А я в своих желаниях скромнен и неумен, неумен и скромнен. Смертные-то могут предложить немного, то я и забираю – но забираю все, что смертные могут предложить. Я в своем праве.

– Боюсь, что нет, гм. Право существует только тогда, когда его можно, гм, защитить. А вы не сможете, пока я тут.

Улыбка сползла с королевского лица. Глаза какое-то мгновение мерцали, а потом король снова улыбнулся, подошел ближе и панибратски положил руку на плечо волшебника.

– Зачем же вы так, мэтр Арминатти? – спросил он дружелюбно. – Вы стары. Вы одной ногой в могиле. Мне, если честно, боязно даже дохнуть на вас посильнее – кажется, вы прямо сейчас расточитесь. Вам следовало бы подумать... о своей душе.

– Спасибо, я подумал. Вынужден, гм, настаивать, – совсем тихо сказал волшебник.

– Видите ли, мэтр Арминатти, этот человек любезно предоставил мне... полный карт-бланш, – холодно произнес король. – В ответ на мои услуги. Услуги, видите ли, должны оплачиваться, а договор есть договор.

Арминатти вздохнул и потянулся к эфирным узлам. Вот здесь, вот здесь... да, и вот здесь. Воздействие было точечным, мгновенным, но действенным – одержимого тряхнуло, его стабильность нарушилась. Король и то, что в него влезло, чуть заметно разминувшись, их координаты перестали полностью совпадать. Арминатти надавил, напрягся...

Методики Адэфикароса наименее богаты заклинаниями и другими вспомогательными средствами. Этот университет делает основной упор на высшую магию. В нем волшебство изучают натурфилософским образом, как точную науку.

Но, к сожалению, именно против демонов магия Адэфикароса малоэффективна.

– Да ладно тебе, дед, – смахнул соринку с плеча король. – Ну куда ты лезешь? Это даже не твой профиль. Если уж так нейметя – вернись домой, напиши запрос, отправь по мою душу бригаду демоноборцев... Я спокойно успею сделать все свои дела, а ты вроде как принял меры... и все довольны?

– Для вас я все еще мэтр Арминатти, гм, – сказал волшебник, моргая слезящимися глазами. – На «ты» мы не переходили.

И реальность закрутилась водоворотом.

Весь остальной мир скрылся за радужным шлейфом. Пространство завязалось миллионом узлов, так сильно потрянул его Арминатти. Он надавил на рычаги мироздания, усилил напор... а потом отпустил.

И узлы разом развязались, реальность вновь высвободилась. Словно рухнул картонный домик – и вместе с ним тот, кто сидел внутри короля.

Его в буквальном смысле стошнило. Он упал на колени, прижимая руки к вискам. Перед глазами демона все кружилось, он хрипел – а волшебник морщился от напряжения.

Вселившуюся в кого-то сущность можно вытащить и без методик Провокатониса. Обычной грубой силой, прямым приложением астрального импульса. Но надо рассчитать все очень точно – иначе он уничтожит сосуд или сильно его повредит.

К тому же тяги все еще было недостаточно. В короле сидел кто-то страшно сильный. Даже сейчас он все еще держался, цеплялся всеми когтями.

– Не сможешь... – злорадно произнесло существо. – А и сможешь – то и чего? Думаешь, порадуешься, когда я предстану перед тобой? Здесь я не в полной силе... мэтр Арминатти.

– Оставьте в покое монаршую особу, – настойчиво повторил волшебник.

– Оставлю, оставлю. Немного погодя. Эту монаршую особу с моей помощью ждут еще многие великие свершения.

– В таком случае я буду вынужден, гм, вас задержать.

Кудагодочная дверь. Арминатти чувствовал выходной проем. Он сформулировал координаты, представил портал – и тот распахнулся прямо под королем... и ним самим.

Они провалились... куда-то. Арминатти зажал, защебил канал посередине – он не собирался отправлять это существо в Мистерию, в Клеверный Ансамбль. Их выплонуло где-то посередине – не в Упорядоченном, а в Тумане, Бесформенном Нечто.

– Решили перенести наш диалог в Лимбо? – недобро улыбнулся король. – Ах, как неразумно. Знай вы, с кем имеете дело, никогда бы не приняли такого решения.

– Это не Лимбо, – ответил Арминатти.

Король насмешливо вскинул руки, тоже явно схватился за реальностные узлы... а потом понял. Его взгляд стал острым – и в нем впервые проявилось легкое беспокойство.

– Закрытый пузырь, – медленно произнес он. – Ваша личная комната?..

Арминатти напряженно молчал и все чаще моргал. Эту часть Тумана он свернул так, что она обрела некоторую стабильность, образовала, действительно, его личный «мирок» – и внутри него он контролировал буквально все.

– Меня он не удержит, – с угрозой произнес демон. – Не в истинной форме.

– Ну так перейдите в нее, гм. Оставьте это тело.

Демон несколько секунд молчал. Они с Арминатти вели незримую борьбу, давили друг на друга просто силой воли. А потом на королевском лице снова зазмеилась усмешка, и сидящий внутри сказал:

– Ха-ха... нет. Ты стар. И слаб. Твоя реальность до смешного мала... маг. А ты еще и в Лимбо.

– Это мое собственное королевство, – тихо сказал Арминатти. – Очень маленькое, гм, но только мое. Здесь только тот Туман, которому я позволяю быть.

– Туман?.. Может, лучше... Мгла?

Могло показаться, что ничего не изменилось. Все та же равномерная серая муть, неоформленное ничто. Только вот... раньше она была как-то светлее. Такой мягкий, успокаивающий сумрак, действительно туман... Арминатти любил иногда переноситься сюда и размышлять в одиночестве.

Теперь вокруг потемнело. Серая муть приобрела тревожный оттенок, стала зловещей. А где-то за незримой границей... оттуда донеслись шорохи и шепотки. Что-то бродило вокруг карманного королевства Арминатти, скреблось в прозрачные стены.

– Голодные духи, – прокомментировал демон. – Сам иногда поражаюсь, сколько их бродит в щелях между мирами. Ну что же, мэтр Арминатти, разойдемся по-хорошему? У меня нет к вам претензий.

– Не могу.

– Они вас сожрут, если дадите слабину. Вам еле хватает сил сдерживать меня.

– Я знаю.

– Так-так, – прошелся вокруг волшебника демон. – А любопытная вы фигура, мэтр. Председатель ученого совета... я ожидал заполучить короля захудалой державы и считал, что мне повезло... а боги-то послали мне рыбку пожирнее! Может, махнемся? Тело на тело, шкуру на шкуру? Ваше-то расточается, я уж вижу... а я его укреплю. Буду вам добрым соседом, помощником во всех делах. А то хотите, забирайте короля, он еще не старый... шучу-шучу. Знаю, что не согласитесь. А вот освободить его и оставить Марюлию – это я могу. Но не за так. Сыграем на интерес?

В руках короля появилась колода карт. Мерцающие, переливающиеся всеми цветами радуги.

– Вы очень добры для того, кто в любой момент, гм, может скормить меня голодным духам, – заметил Арминатти. – Если вам верить.

– Ну так что ж... я известен своей добротой.

– Я все еще не знаю вашего имени. Не хотите представиться?

– Да я бы охотно. Что я, вежливости не разумею? Но все-таки не колдуну, да и не так. Ты волшебник и немолодой, а все не приучен выведывать у бесов прозвища. Если я сам назову... вам ведь легче будет. Так что уж извольте догадаться сами, мэтр. А я вам загадку загадаю, ради намека. Летят осколки на землю не звонко – где собираются, там зеркала появляются. Что сие?

– Дождь, – ответил Арминатти почти без запинки. – И лужи.

– Прекрасно! Ну вот вам тогда и намек за это. Суть впервые разгадал, тать второй раз обокрал, мать три раза оболгал, дар без радости принял. Что сие?

Арминатти невольно моргнул. Вторая загадка оказалась посложнее первой... и это очень мягко сказано. Но все же что-то в этой бессмыслице показалось волшебнику знакомым... все-таки он прожил на свете пять с половиной веков, и в его голове сидела бездна разных знаний.

Суть, тать, мать... что-то в этом сочетании есть общее. Либо ключ в этом самом «-ть», либо как раз оно лишнее. Но выстроить что-нибудь на основе «-ть» Арминатти не сумел, следовательно, надо оставить су... та... ма... дар без ра... а, понятно.

– Мессир Кавардак, – вздохнул он. – Мне следовало догадаться сразу же.

– Как быстро вы разгадали! – восхитился Сурратаррамаррадар. – Обычно думают гораздо дольше! Но от председателя ученого совета меньшего ожидать и не приходилось. Ну коли вы так хорошо разгадываете – может, я и пойду навстречу. Давайте, расщелкайте третью – а я за это выйду. И будет у нас диалог. Поговорим всерьез.

– Без этого никак не обойтись? – устало спросил Арминатти. – Я уже староват для, гм, детских игр...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.